

ISSN 1812-1985

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н. Толстой*

.....
Человеческий фактор
.....

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

.....

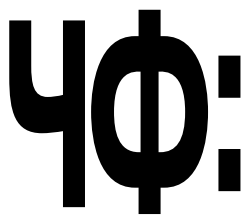
ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2009

№ 1 (17)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации — ПИ № 77–15751
Подписной индекс Агентства «Роспечать» — **36053**

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

Выпуск № 1(17) 2009

ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР
ЭРГОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК
МИНПРОМНАУКИ РОССИИ

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Главный редактор журнала
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»
В.В.Новиков

Главный редактор серии
«Социальный психолог»
В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»
В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»
Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии
«Социальный психолог»
*А.В.Карпов, В.В.Козлов, В.М.Львов,
В.А.Мазилев, Н.В.Клюева,
И.Н.Карицкий, Н.П.Фетискин*

Редакционный совет серии
«Социальный психолог»
*Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашатов, Ю.А.Клейберг,
Г.М.Мануйлов, В.В.Марченко,
В.И.Назаров, Р.С.Немов, Н.Н.Обозов,
Б.Д.Парыгин, Ю.П.Поваренков,
А.Л.Свенцицкий, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов*

Оригинал-макет: *М.Н.Федоров*

Адрес редакции:

150057, г. Ярославль,
ул. Матросова, дом 9, офис 206
Тел.: (4852) 728–394;
факс (4852) 478–666.

Адрес издателя и распространителя:

ООО «Исследовательская группа
“Социальные науки”»
249031, г. Обнинск, а/я 1023
Тел.: (48439) 74–126. E-mail: ig_socin@mail.ru

Отпечатано на Фабрике офсетной печати. 249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6
Формат 70x100/16. Тираж . Заказ №

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2009 выпуск № 1 (17)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В., Козлов В.В. Социальная психология власти	5
Козлов В.В. Стратегия и тактика помощи личности с игровой зависимостью	10
Карпов А.В. Закономерности взаимосвязи теоретического и практического мышления	22
Кашапов М.М. Психологические и акмеологические закономерности, механизмы и принципы творческого профессионального мышления	37
Мазилев В.А. Интеграция социальной психологии: методологические проблемы	50

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Вяткин А.П. Субъектно-ролевой подход к исследованию экономической социализации личности	56
Грецов А.Г. Психология и СМИ: взаимодействие и проблемы взаимопонимания	63
Карпов А.А. Психологические проблемы игровой зависимости	77
Кривочурова О.Л. Тело и душа женщины в истерическом дискурсе	91
Ольшевская Э.Н. Специфика моральных суждений студентов-экономистов в ходе решения моральной дилеммы Л.Кольберга	97
Добрых М.О. Стратегии адаптации личности	103
Шмелева И.А. Психологическое и философское обеспечение образования	111

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Димова В.Н., Орел В.Е. Исследование факторов, влияющих на психическое выгорание в различных сферах деятельности	121
Жукова Н.Г. Изучение динамики изменения соматических жалоб и психологических защит в процессе занятий цигун-терапией	126
Пузырев А.В. Проблема психологической выгоды заболеваний в молодежной среде	131
Сенин И.Г. Факторы рабочей среды как причина развития психического выгорания	138
Юсупов И.М., Юсупова Г.В. Тест эмоциональной компетентности	141

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Алла Дымовская. На теплоходе музыка играет	149
Наши авторы	155

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В., Козлов В.В.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Общепризнанной является определение и понимание политики как **совокупности действий, направленных на власть: ее обретение, удержание и использование**. Политика, писал М. Вебер, это «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»¹.

Представители «властного» подхода к политике акцентируют внимание на искусстве, технике, способах и средствах борьбы за власть и ее использование. Один из самых популярных основателей политической науки, Н. Макиавелли, характеризовал политику как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее <...> Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций»².

Политика реализовывается через организации, институты, в которых воплощается и материализуется власть, и, прежде всего через важнейший институт — государство. Политика предстает

в этом случае как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства»³.

Политика — это деятельность социальных групп и индивидов по реализации целей, интересов, мотивации, выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью институциональной или государственной власти.

Власть универсальная и фундаментальная сила общества и политики, существующая везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, производственных коллективах, различного рода организациях и учреждениях, во всем государстве.

В научной литературе существуют разнообразные определения власти, что отражает сложность, многоаспектность этого явления. Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении власти и связана с определенным подходом к ее анализу. Можно выделить следующие важнейшие аспекты трактовки власти.

1. **Телеологические** (с точки зрения цели) определения характеризуют власть как способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов. «Власть может быть

¹ Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. — М., 1990. С. 646.

² Цит. по: Innenpolitik und politische Theorie. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. S. 27.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 340.

определена как реализация намеченных целей», — пишет Бертран Рассел⁴. Телеологические определения трактуют власть достаточно широко, распространяя ее не только на отношения между людьми, но и на взаимодействие человека с окружающим миром — в этом смысле говорят, например, о власти над природой.

Методологической базой политической психологии является **системный подход**. С этой позиции власть является способностью социальной системы обеспечивать исполнение ее элементами принятых обязательств, направленных на реализацию групповых целей.

В зависимости от понимания системообразующего фактора некоторые представители системного подхода (К.Дойч, Н.Луман) трактуют власть как средство социального общения, позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. Власть предстает как взаимодействие ее субъекта и объекта, при котором субъект с помощью определенных средств контролирует объект.

В данном контексте коммуникация является стержневым, системообразующим фактором в реализации власти.

При доминировании важности структуры и функции системы власть понимается как свойство социальной организации и способ самоорганизации человеческой общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения.

Власть проявляет свойство организации социального сосуществования людей, их совместной жизнедеятельности. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Власть — это свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния. Власть

связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать на людей с помощью позитивных и негативных санкций, поощрения и наказания.

Основными компонентами власти являются ее субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс, приводящий в движение все ее элементы и характеризующийся механизмом и способами взаимодействия между партнерами.

Субъект и объект — непосредственные носители, агенты власти. Субъект (актор) воплощает активное, направляющее начало власти. Им может быть отдельный человек, организация, общность людей, например народ, или даже мировое сообщество, объединенное в ООН.

Для возникновения властных отношений необходимо, чтобы субъект обладал рядом качеств. Прежде всего, это желание властвовать, воля к власти, проявляющаяся в распоряжениях или приказах. Большинство людей не испытывает психологического удовольствия от обладания властью. Сама по себе власть не является для них ценностью. Многие вообще предпочли бы уклониться от руководящих должностей и связанной с ними ответственности, если бы власть не открывала широкие возможности для получения различного рода благ: высокого дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т.д. Для них стремление к власти имеет инструментальный характер, то есть служит средством достижения других целей.

Помимо желания руководить и готовности брать на себя ответственность субъект власти должен быть компетентным, знать суть дела, состояние и настроение подчиненных, уметь использовать ресурсы, обладать авторитетом. Для политической власти важнейшее значение имеет организованность субъекта. Конечно, реальные носители власти в разной степени наделены всеми этими качествами.

⁴ Цит. по: Власть: Очерки современной политической философии Запада. — М., 1989. С. 136.

Субъекты политической власти имеют сложный, многоуровневый характер. Ее первичными акторами являются индивиды и социальные группы, вторичными — политические организации, субъектами наиболее высокого уровня, непосредственно представляющими во властных отношениях различные группы и организации, — политические элиты и лидеры. Связь между этими уровнями может нарушаться. Так, например, лидеры нередко отрываются от масс и даже от собственных партий.

Отражением первостепенной роли субъекта в отношениях власти является широко распространенное в повседневном языке отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решениях власти, о действиях властей и т.п., подразумевая под властью управленческие органы.

Субъект определяет содержание властного взаимодействия через распоряжение (приказ, команду), в котором предписывается поведение объекта власти, указываются или подразумеваются поощрение и наказание за выполнение или невыполнение команды. От характера содержащихся в приказе требований во многом зависит отношение к нему исполнителей, объекта — второго важнейшего элемента власти.

Власть никогда не является свойством или отношением лишь одного действующего лица (органа), конечно, если не иметь в виду власть человека над самим собой, предполагающую подчинение его поведения доводам разума, как бы раздвоение личности. Но это уже психологический, а не социальный феномен.

Власть всегда двустороннее, асимметричное, с доминированием воли властителя взаимодействие ее субъекта и объекта. Она невозможна без подчинения объекта. Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то, что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и

даже мощными средствами принуждения. В конечном счете у объекта властной воли всегда есть пусть крайний, но все же выбор — погибнуть, но не подчиниться. Осознание зависимости власти от покорности населения нашло практическое политическое выражение в акциях гражданского неповиновения, широко используемых в современном мире как средство ненасильственной борьбы.

Границы отношения объекта к субъекту властвования простираются от ожесточенного сопротивления, борьбы на уничтожение (в этом случае власть отсутствует) до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В принципе подчинение так же естественно присуще человеческому обществу, как и руководство. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов: от собственных качеств объекта властвования, от характера предъявляемых к нему требований, от ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект, а также от восприятия руководителя исполнителями, наличия или отсутствия у него авторитета. Качества объекта политического властвования определяются прежде всего политической культурой населения. Преобладание в обществе людей, привыкших лишь беспрекословно повиноваться, жаждающих «твердой руки», является благоприятной питательной средой деспотических режимов.

Для раскрытия психологических механизмов власти важно раскрытие мотивации подчинения. Мотивация подчинения может основываться на страхе перед санкциями; на долговременной привычке к повиновению; на заинтересованности в выполнении распоряжений; на убежденности в необходимости подчинения; на авторитете, вызываемом руководителем у подчиненных; на идентификации объекта с субъектом власти.

Все эти мотивы существенно влияют на силу власти, то есть способность

ее субъекта влиять на объект. Высокая сила воздействия и вероятность подчинения отличают власть от влияния — более широкой, чем власть, категории, характеризующей как властное, так и более слабое и менее эффективное воздействие субъекта на объект.

Сила власти, основанная на страхе, вызываемом угрозой санкций, прямо пропорциональна тяжести наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать его в случае непослушания. Такая власть имеет тенденцию к ослаблению вследствие естественного стремления людей избавиться от этого неприятного эмоционального состояния.

Сравнительно безболезненно воспринимается людьми власть, базирующаяся на привычке, обычае повиноваться. Привычка была одним из ведущих мотивов подчинения государству в традиционных обществах. Она — надежный фактор стабильности власти до тех пор, пока не приходит в противоречие с требованиями реальной жизни. Если же это происходит, то власть, основанная лишь на привычке к повиновению, быстро разрушается, как только люди замечают, что «король-то — голый», что власть изжила себя и недостойна повиновения.

Наиболее стабильной является власть, построенная на интересе. Личная заинтересованность побуждает подчиненных к добровольному выполнению распоряжений, делает излишним контроль и применение негативных санкций. Она способствует развитию у людей других типов позитивной мотивации подчинения — повиновения на основе убежденности, авторитета и идентификации.

Подчинение по убеждению связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок, составляющих «вторую природу» личности (ее «первая природа» образуется под воздействием первичных, пре-

имущественно биологических потребностей и повседневных интересов индивида). Готовность подчиняться государству или другому носителю власти ради каких-либо более высоких, чем непосредственные индивидуальные интересы, целей (патриотических, нравственных, религиозных и т.п.) — важный источник силы власти.

Одной из наиболее благоприятных для власти мотиваций подчинения является авторитет. Он формируется на базе общей заинтересованности объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которыми подчиненные наделяют руководителя и которые детерминируют их повиновение без убеждения или угрозы санкций. Он основывается на согласии и означает уважение к руководящей личности или институту, доверие к ним. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает теми качествами, которыми его наделяют подчиненные, и ложным, основанным на заблуждениях относительно личности руководителя. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает научным (качество учености), деловым (компетентность, навыки, опыт), моральным (высокие нравственные качества), религиозным (святость), статусным (уважение к должности) и т.п. Социально-психологический подход может обосновать существование авторитета в форме влиятельного образа, который включает в себя множество оценочных элементов, особенности взаимодействия которых, в частности, помогают человеку определить уровень авторитета. Человек способен воспринимать различные социальные явления и процессы (например, власть, статус, влиятельность, зависимость, уважение и т.д.) и отражать их в сознании посредством образного восприятия действительности.

Власть, основанная на интересах, убежденности и авторитете, часто перерастает в идентификацию подчиненного с руководителем. В этом случае достигается максимальная сила власти и субъект воспринимается объектом как свой представитель и защитник. Субъективная идентификация исполнителей с руководителем может объясняться двумя причинами:

1) быть свойством реального двойственного положения людей в отношени-

ях власти, как это имеет место в демократических организациях, где индивиды выступают и субъектом власти — выбирают и контролируют руководство, и ее объектом — исполняют его решения. В этом случае оба агента власти совпадают, хотя и не полностью;

2) выступать результатом общности интересов и ценностей руководителя и исполнителя и возникновения у последнего чувства единения со всей организацией или группой⁵.

⁵ В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. Введение в политологию. — М., 2000. С. 89–92

Козлов В.В.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ПОМОЩИ ЛИЧНОСТИ С ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

В настоящее время наблюдается минимальное многообразие способов и методов оказания помощи клиентам с игровой зависимостью с целью их освобождения от зависимости, хотя сама по себе проблема давно стала глобальной даже для России, особенно в форме компьютерной зависимости.

Одним из ключевых вопросов в исследовании причин любого вида зависимого поведения является выявление мотивационных факторов. Известно, что наша плата за блага современной цивилизации — это своеобразная «гиподинамия сознания». У человека же заложена потребность периодически изменять состояние своего сознания. Отсюда невиданная популярность в последние годы экстремальных видов спорта, «экстрима» во всех его проявлениях. Как отмечал А. Weil, (1972, р. 17), «желание периодически изменять состояние сознания является нормальной врожденной склонностью, аналогичной голоду или сексуальному влечению». McPeake (1991) также описывают изменения сознания как основную человеческий мотив. Этой потребностью детерминированы не только употребление наркотиков и алкоголизм, не только пристрастие к азартным играм, но даже привязанность к эвристическим состояниям сознания.

Человек, не знакомый с опытом измененных состояний сознания, не в состоянии понять реальность игрока. У него особое мнение об этом мире; весь его опыт сводится к тому, что самые приятные, самые полные ощущения от жизни он получает в игре. Поэтому большинство методов психотерапии дают лишь самый поверхностный и временный эффект или вообще не работают с этими

пациентами — через некоторое время его личная система описания реальности отторгнет ставшие чуждыми идеи, привнесенные системой психотерапии и прикладной психологии.

Зависимое поведение во многих случаях, может быть также формой реакции на кризисы — поиском ответов на вопросы, бегством от действительности или поиском свободы путем «перехода» в иную реальность, в иное, измененное состояние сознания. Во время игры клиенты впадают в такое состояние, при котором ни о чем не думают, кроме игрового сюжета и ничего не чувствуют за пределами игровой реальности. Это как какое-то онемение, при котором волнения и заботы исчезают и все трудности забываются.

В последнее время понятие кризиса стало центральным во многих экономических, политических и психологических исследованиях в связи всемирным финансовым кризисом. Этот кризис затронул все слои населения планеты и имеет явные последствия.

Всемирный финансовый кризис имеет системообразующий характер для функционирования земной цивилизации и отражается:

- на глобальных общественных системах — этнических группах, социальных стратах, государствах и др.;
- на больших социальных сообществах (концерны, заводы, банковские объединения, строительные фирмы, научно-производственные объединения и др.);
- на малых социальных общностях (семья, трудовые, научные, учебные группы и др.);
- на уровне индивидуально-личностном.

Вне сомнения, всемирный финансовый кризис был бы для нас абсолютно нейтральным явлением общественного сознания, если бы он не касался каждого лично через деструктивные изменения в малых и больших социальных системах. Всемирный финансовый кризис является причиной кризисных феноменов не только в глобальных общественных системах и больших социальных системах. Он, в конце концов, приходит в каждую семью и к каждому человеку лично. Все вышеперечисленные кризисы проходят как в процессуальном, так и структурно-функциональном аспектах по единым законам, которым подчиняется развитие всех живых сложных систем.

Игровая зависимость явление социально-психологическое по сути, но проблемы гемблинга мы фиксируем на индивидуальном уровне. Кроме удовлетворения потребности в ИСС, лудомания является еще и способом «убегания» от жизненных кризисов, изошренным способом психологической защиты.

Исторически проблема лудомании очень старая, но массовый характер игромания приняла только в конце XX и в начале XXI веков. Тема игромании нас привлекает по нескольким причинам:

- 1) малая разработанность в науке;
- 2) огромная социальная значимость проблемы;
- 3) насущная необходимость построения общей теории, методологии и выстраивания стратегий и психотехнологий работы с игроками.

Проблема игровой зависимости возникает, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь и приводящей к отрыву от реальности.

Наступает момент, когда человек не только не решает важных для себя проблем (бытовых, социальных), но и отстраняется в своем личностном раз-

витии. Этому может способствовать биологические, психологические (особенности личности, психотравмы), социальные (семейные и внесемейные взаимодействия) факторы. Важно отметить, что процесс реализации зависимости включает в себя не только использование предмета зависимости, о возможности и способе его достижения, но и мысли о состоянии ухода от реальности.

Современная техносфера во многом определяется внедрением в жизнь человека — как в его трудовую деятельность, так и в сферу отдыха — информационных технологий (компьютеры, глобальная сеть Интернет, высокоавтоматизированные системы управления), и в то же время различных электронно-механических автоматов для отдыха и развлечений. Так, например, получили огромное развитие способы времяпрепровождения, связанные с использованием компьютеров и электронных средств связи.

Такое изменение окружающей среды не могло не повлиять на систему адаптации человека к техногенным воздействиям. Человек начал сталкиваться, прежде всего, с влиянием информации, которая, представляя собой слабое энергетическое воздействие, воспринимается организмом как закодированное сообщение о реальности многократно более мощных процессов, возникающих со стороны внутренних или внешних структур. Следовательно, информационное воздействие представляет собой значительную нагрузку на механизмы адаптации человека к современной окружающей среде.

В конце XX века было написано много работ, посвященных воздействию информационного стресса на человека. Но там, где есть стресс и проблемы адаптации к нему человека, всегда возникают предпосылки для специфических заболеваний, связанных с восприимчивостью людей к определенному типу воз-

действия окружающей среды, например информационно-технологическому.

Вступление России на новый экономический путь развития и полная открытость внедрению новых технологий привели к изменению не только условий жизни населения, но и структуры имеющихся психических заболеваний, к появлению и распространению ранее крайне редко встречавшихся в нашей стране расстройств психики.

Это заболевание относится к так называемым нехимическим зависимостям.

Нехимические зависимости представляют собой специфические клинические и психологические феномены, которые объединяет отсутствие биохимического подкрепления, а объектом зависимости может являться нехимическое вещество (например, еда), механическое или электронное устройство.

Проблема игровой зависимости (пристрастия к азартным играм, Интернет-зависимость) в последнее время становится все более актуальной. Этому способствуют широкое распространение игромании, возникновение целого поколения, мощной когорты «Человека Играющего».

Игромания распространена особенно в среде подростков, молодежи и приобретает характер национального бедствия. В связи с этим все большее количество специалистов в области наркологии, психиатрии, психотерапии, практической психологии стали обращать свое внимание на данную группу расстройств. В Китае, Корее и Европе были созданы специальные клиники, принимающие пациентов, страдающих от излишней привязанности к компьютерным развлечениям.

Игровая зависимость — это патологическая склонность к азартным играм. У людей, страдающих игровой зависимостью, периодически внезапно возникает непреодолимое влечение к игре. Это стремление овладевает рассудком и

подчиняет себе поведение. Исследования показывают, что после прекращения игры у игроков развиваются расстройства самочувствия, сходные с синдромом отмены у больных алкоголизмом и наркоманией. К игровой зависимости относятся зависимость от азартных игр (рулетка, игровые автоматы, покер) и зависимость от компьютерных игр.

Игроманию в психотерапии и психиатрии относят к аддикциям. *Addictus* (аддиктус) — это юридический термин, которым называют человека подчиняющегося, осужденного: «*addicere liberum corpus in servitutum*» означает «приговаривать свободного человека к рабству за долги»; «аддиктус» — тот, кто связан долгами (Stowasse, 1990). Понятие аддиктивные расстройства (болезни зависимости) охватывает различные типы поведения: сюда входят наркотическая зависимость и алкоголизм, курение, пристрастие к азартным играм и обильной еде, гиперсексуальность, а также получившая широкую распространенность в последнее время компьютерная зависимость, в западных странах именуемая «интернет-зависимость» (К.Янг).

Метафорически зависимым поведением называется глубокая, рабская зависимость от некоей власти, от непреодолимой вынуждающей силы, которая обычно воспринимается и переживается как идущая извне, будь то наркотики, сексуальный партнер, пища, деньги, власть, азартные или компьютерные игры — то есть любая система или объект, требующие от человека тотального повиновения и получающие его. Такое поведение выглядит как добровольное подчинение (*compulsion*).

Все эти типы поведения питает мощная сила подсознательных мотивов, что придает им такие качества, как непреодолимость влечения, требовательность, ненасытность и импульсивная безусловность выполнения.

Гемблинг (патологическая склонность к азартным играм F63.0 по МКБ–10) «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ–10, 1994).

В последнее время проблема азартных игр приобрела исключительно важное значение в связи с повсеместным распространением денежных игровых автоматов, открытием множества казино. Все они красиво оформлены, что способствует усилению суггестивного эффекта легкой возможности выигрывать за короткое время.

Игровые автоматы давно распространены во всем мире. Так, еще в 1970-х годах XX столетия в Англии возникла проблема низкой посещаемости кинотеатров, вплоть до необходимости их закрытия, за счет возрастающей популярности залов игровых автоматов.

В США, по данным Р.Фольберга (Volberg, 1996), количество «проблемных гемблеров» — аддиктивных игроков, настолько зависимых от игровых автоматов, что их жизнь оказывается полностью подчиненной этой страсти, — достигает 5% населения.

Данные других исследователей (Ladouceur et al., 1999) свидетельствуют о том, что только за первую половину 1990-х годов число проблемных гемблеров выросло в Канаде более чем на 75%.

В связи с этим многие зарубежные исследователи считают азартные игры серьезной социальной проблемой, представляющей угрозу для части населения. Проблема усугубляется тем, что в процессе игры в ряде случаев возникают расслабление, снятие эмоционального напряжения, отвлечение от неприятных проблем, и игра рассматривается как приятное времяпрепровождение. На основе этого меха-

низма постепенно наступает втягивание и развивается зависимость. Вместе с тем в литературе до сих пор не утихают споры — является ли гемблинг аддикцией или в большей степени одной из форм обсессивно-компульсивного расстройства (Blanco et al., 2001).

В связи с повсеместным распространением игровых автоматов и отсутствием контроля, в частности, возрастного, в игровых залах России среди населения практически во всех возрастных группах началась своеобразная гемблинг-эпидемия. Подростки не оказались в стороне от нее. У последних имеются свои особенности гемблинг-зависимости. Исследование особенностей гемблинга среди подростковой популяции в 10000 человек в возрасте от 12 до 13 лет из 114 школ в Англии и Уэльсе показало, что подростки играют практически в те же игры, что и взрослые. Вместе с тем подростки предпочитают игровые автоматы (fruit machines, которые в настоящее время стоят во всех игорных залах России), а также билеты Национальной лотереи. По данным австралийских исследователей, более 5% подростков могут быть отнесены к проблемным гемблерам (Fisher, 1999).

П.Дельфабро и Л.Трапп (Delfabbro, Thrupp, 2003), рассматривая социальные детерминанты, способствующие возникновению подросткового гемблинга, указывают на факт гемблинга среди родителей, а также положительное отношение к игре в семье. Говоря о факторах, препятствующих подростковому гемблингу, исследователи отмечают воспитание в семье таких качеств, как умение сохранять свои деньги, составлять и поддерживать бюджет.

Важно отметить, что проблеме патологической склонности к азартным играм уделялось и уделяется много внимания в зарубежной литературе, а в отечественной психологии, психотерапии и психиатрии практически нет научных

исследований и публикаций на эту тему.

Эпидемиологические исследования свидетельствуют, что зависимостью от азартных игр страдают примерно от 0,5% до 1,5% населения развитых стран, особенно в тех регионах, где игорный бизнес легализован. При этом около 60% населения хотя бы раз в год проводит свой досуг именно в игровых салонах.

Мы предполагаем, что, учитывая эти закономерности, в российском обществе также страдает от игровой зависимости до 1,5% населения.

Что касается компьютерной зависимости, в настоящее время трудно предположить, какой процент населения страдает этой аддикцией, тем более что зависимое поведение характеризуется широким спектром патологии различной степени тяжести — от поведения, граничащего с нормальным, до тяжелой психологической и биологической зависимости.

Реабилитация пациентов с игровой зависимостью базируется на общих подходах и принципах, используемых в наркологии. Т.Н.Дудко, В.Е.Пелипас, В.И.Ревенко (1998) полагают, что реабилитация это не только «использование биологически ориентированного лечения» и освобождение больного от болезненной зависимости от ПАВ, но и возвращение его в семью, в общество, где он вновь способен выполнять свои социально полезные функции — члена семьи, трудового коллектива, гражданина и пр. Авторами выделены следующие принципы медико-социальной реабилитации: добровольность, комплексность (бригадность), единство медико-биологических и психосоциальных методов реабилитации, преемственность (этапность), доверие и партнерство, долгосрочность, интегративность, отказ от патернализма.

По мнению Т.Н.Дудко (1998) реабилитация (лечебно-реабилитационный

процесс) в наркологии — это сложная система мероприятий, направленная на восстановление физического, психического и духовного здоровья зависимых больных, их личностного и социального статуса. Включает комплекс медицинских, психологических, психотерапевтических, воспитательных, трудовых, социальных мер и технологий.

Цель реабилитации авторами рассматривается как восстановление (или формирование) нормативного личностного и социального статуса больного на основе раскрытия и развития его интеллектуального, нравственного, эмоционального, творческого потенциала. Задача реабилитации определяется необходимостью достижения ее конечной цели с учетом важнейших аспектов жизненной ситуации больного — медицинского, личностного, социального — путем ее активной направленной реорганизации.

Из принципов реабилитации выделены следующие:

- 1) добровольность участия больного в лечебно-реабилитационном процессе;
- 2) доступность и открытость реабилитационных учреждений;
- 3) доверительность и партнерство;
- 4) единство социально-психологических и медико-биологических методов целевого воздействия;
- 5) многообразие и индивидуализация форм (моделей) реабилитационных мероприятий.

В этой статье мы остановимся на трех наиболее распространенных стратегиях помощи лицам, вовлеченных в игровую зависимость. Эти стратегии являются основой для формирования множества частных методик, применяемых на сегодняшний день в работе с зависимостями.

Стратегия 1

Депривация от объекта зависимости.

Вне сомнения, ориентированная на содержание проблемы тактика переубеж-

дения, в основном апеллирующая к здравому смыслу, хотя и является базовым методом работы с зависимостями, но редко бывает достаточно эффективным. Как показывает опыт, мягкое дискуссионное взаимодействие с лудоманом, в процессе которого стимулируется способность критически осмысливать деструктивность игровой зависимости, малоэффективно. Тактика переубеждения предполагает сохранность личности и ясность осознания клиента. Игроман редко обладает такими качествами: он слушает, но не слышит, понимает содержание речи, но не переживает смысла, представляет опасность зависимости, но не действует конструктивно.

В силу этого депривация от объекта зависимости, в нашем случае — лишение от объекта игровой зависимости (компьютерной сети, рулетки, карт, ипподрома и др.) — является наиболее кардинальным и решительным способом работы. Этот стратегический прием в организации помощи лицам, вовлеченным в игровую зависимость, может иметь добровольно-принудительный характер.

Мы можем вычлениить три стадии такой работы:

1. физическое отделение (добровольное или недобровольное, смешанное, — например, начинающееся как недобровольное, но переходящее затем в добровольное) клиента от объекта зависимости. В течение последних 10 лет мы проводим полевой тренинг «Духовные странствия», которые организуются в уединенных местах (дикий берег Телецкого озера на Алтае, мыс Кадильный на Байкале, горный тренинг на Тянь-Шане). Места эти или невозможно или очень трудно покинуть.

2. Интенсивная работа с клиентами в групповой форме с применением различных трансовых, медитативных, депривационных, экстатических практик, групповые дискуссии.

3. Текущая реабилитация с опорой на новые групповые связи, организацию группы встреч, психолога-консультанта по организации профессиональной помощи по изменению поведения.

Стратегия 2

Консультирование о разрыве. Освобождение от зависимости в такой стратегии осуществляется с опорой на углубленную работу с личностью клиента. При этом ставится цель реформирования мышления и мотивационной сферы клиента. Консультирование инициируется к передаче информации о деструктивных моментах лудомании. Консультирование является добровольным процессом разрыва от игромании. Одновременно оно имеет авторитарный характер воздействия специалиста на клиента. Намерение клиента к разрыву зависимости подкрепляется волей и силой психолога. В этой стратегии успешность организации и проведения напрямую связаны с профессионализмом консультанта, так как изменения личности являются целью консультативного воздействия. Работа сфокусирована на действие специалиста в процессе изменений личности, которые должно вызвать консультирование.

Развитие способностей критически мыслить, особенно в отношении использования контроля сознания при возникновении желания игры, является базовой предпосылкой изменения личности.

Но стратегия разрыва безуспешна без эффективной замены объекта фиксации другими способами деятельности, которые приносят то же наслаждение, какое приносит игра.

Профессионализм заключается в том, чтобы дать замену (творчество, спорт, развлечения, трансовые техники) в соответствии с индивидуально-психологическими особенностями клиента.

Стратегия 3

Опора на референтную группу. Стратегия представляет собой структурированную работу по организации референтных (социально значимых) взаимоотношений (семейных, любовных, дружественных) с целью вызвать начало изменений личности и поведения лудомана.

Первая стадия такой стратегии — выявление референтных лиц из ближнего социального окружения консультируемого таким образом, чтобы обеспечить становление у этого социального окружения способности формировать здоровое поведение без зависимости;

На втором этапе консультативной работа фокусируется на стимулировании процесса изменения личности и поведения консультируемого, а так же его близких.

На третьем этапе реализуются шаги преодоления игровой зависимости. Первый шаг — объяснение и описание и обсуждение потребности в измененных состояниях сознания и феномена аддикций вообще; второй шаг — групповой анализ лудомании; третий шаг — нахождение стратегий и этапов социализации лудомана, в том числе и форм социально одобряемой активности, замещающей игровую зависимость.

Этапы реабилитации (по Т.Н.Дудко) — адаптационный, интеграционный (включение больного в полном объеме в продолженную программу), стабилизационный (удержание больного в программе, подготовка к переходу к следующему этапу ЛРП, то есть к переходу в другое специализированное учреждение или к выписке домой).

Работа с игровой зависимостью предполагает реализацию нескольких важных этапов взаимодействия с клиентами

На первом этапе лечения игровой зависимости необходима четкая определенность со стороны всех заинтересо-

ванных лиц (близких, родственников, друзей) относительно того, что игровая зависимость — это болезнь. Больной человек нуждается в период выздоровления в определенных ограничениях, в данном случае, прежде всего финансовых (не давать, не одалживать денег, не выплачивать долги, не провоцировать легкомысленным отношением к деньгам и ценностям).

На втором этапе лечения игровой зависимости наступает черед формирования контракта между самим зависимым и специалистами, готовыми ему помочь. Со стороны игрока это означает признание того факта, что сам он не способен справиться с этой проблемой.

На третьем этапе лечения игровой зависимости, игрок, под руководством профессионалов прорабатывает свой опыт, осознает и принимает все те разрушительные последствия, к которым привела зависимость, тем самым, укрепляя желание не возвращаться к прошлому.

На четвертом этапе лечения игровой зависимости прорабатываются те проблемы, которые возникли в семье, с друзьями, коллегами в результате игромании. Необходимо также разработать план социальной реабилитации. И в завершении процесса лечения игровой зависимости, на пятом этапе, игрок с помощью специалистов составляет, и сам впоследствии реализует послелечебный план выздоровления, опираясь на собственные, а также все возможные внешние ресурсы.

При создании конкретных психотерапевтических стратегий обычно психотерапевты исходят из того, что патологические игроки имеют высокий уровень психической активности, низкий уровень контроля над импульсами, неустойчивость к отрицательным эмоциям и периодическую потребность в эмоциональной разрядке. При этом в игровой ситуации они в течение длительного времени не способны контролиро-

вать игровой импульс. В немалой степени этому способствует набор неадекватных по отношению к азартным играм понятий и убеждений, сформированных в течение жизненного опыта. Анализ особенностей поведения и переживаний пациентов позволил нам прийти к выводу, что контроль над игровым импульсом теряется когда:

- на подсознательном уровне (автоматических мыслей и представлений) решение играть уже принято;

- импульс к игре представляется игроку как доступный контроль, о чем свидетельствуют высказывания «если мне это действительно не надо, то я не буду играть», «на холодный рассудок проиграть» и цель игры рациональна, например, — «чтобы решить финансовые проблемы»;

- подавляются эмоции, которые для «Я» игрока могли бы свидетельствовать о наличии азартного желания. Способы подавления различны: отвлечение, нагрузка или бессознательное вытеснение.

Таким образом, создаются условия для возникновения ситуации, когда пациент совершенно незащищен для импульса, возникающего внезапно как взрыв, при определенных ситуациях (чаще всего — это наличие денег и свободного времени).

Этапы работы с клиентами с игровой зависимостью:

1. Диагностический этап. На этом этапе устанавливается диагноз патологической склонности к азартным играм, определяется стадиями игровой зависимости, и выясняются индивидуальные особенности фаз игрового цикла. В этот же период уточняются особенности личности пациента и создаются основы для дальнейшего «психотерапевтического сотрудничества». В случае наличия выраженной депрессии или каких-либо других сопутствующих расстройств решается вопрос о целесооб-

разности назначения лекарственных средств.

2. Психообразовательный этап. Цель данного этапа состоит в том, чтобы добиться сознания пациентом невозможности вернуть свое первоначальное отношение к игре. Пациент постепенно понимает то, что он никогда не сможет солгать так называемым «социальным» игроком, использующим азартные игры лишь для развлечения и отдыха, и что необходимо избавиться от иллюзии, каким-либо «чудодейственным» способом вернуться на первоначальный уровень отношения к игре. Более того, пациент должен понять, что поиск путей к восстановлению способности «играть, как все» является самообманом. Наиважнейшим для такого понимания является признание своего пристрастия к игре как болезни, а не дурной привычки, которую можно заменить чем-то аналогичным, но безвредным. В связи с этим единственным выходом становится полный отказ от игры навсегда. При соблюдении всех этих условий возникает новое понимание существующей проблемы.

Цели данного этапа достигаются специальными психотерапевтическими упражнениями с использованием активного воображения пациента.

На индивидуальных занятиях игрок получает информацию о заболевании, причинах его возникновения, характерных симптомах, стадиях развития и фазах игрового цикла, способах наиболее эффективного лечения, ситуациях, провоцирующих ухудшение, способах нормализации отношений с социальным окружением. Обсуждаются соответствия индивидуального случая общим признакам игровой зависимости.

Психотерапевтические задания состоят в том, что бы пациент попытался представить свою будущую жизнь, «в которой никогда не будет азартной игры», и сконцентрировался на внутренних ощущениях, сопровождающих это

представление. Если пациенту бывает трудно представить и, соответственно, эмоционально пережить полный отказ от игры, то ему предлагается вспомнить конкретные жизненные ситуации, когда надо было принимать решение играть или не играть (во всех реальных случаях конфликт этих мотивов разрешался в пользу первого). После того, как перед больным возникает дилемма либо играть до полного социального падения, либо не играть вообще, а так называемое компромиссное «играть как все» осознается, как невозможное, его желание играть обычно резко усиливается. Одновременно в результате такого прямого столкновения желания отказаться от игры с одновременно существующим (и даже усиливающимся) желанием играть увеличивается его критическое отношение к сложности существующей проблемы и осознание преобладания желания играть над другими мотивами.

Помимо решения основной задачи, такие упражнения подготавливают пациента к пониманию того, что отказ от игры влечет за собой период эмоционального напряжения, который ему придется пережить.

3. Этап создания стратегий контроля над импульсом к игре. Данный этап терапии начинается с анализа индивидуальных особенностей стадий игровой зависимости и фаз игрового цикла. На данном этапе важнейшим является понимание пациентом того, что:

- во-первых, с момента игрового срыва он не в состоянии проконтролировать свое поведение;

- во-вторых, отсутствие осознаваемого желания играть не связано напрямую с возможностью контроля над игровым импульсом.

Для пациента это означает, что если, как он считает, желания играть нет, это не является доказательством того, что в ближайшее время у него не может произойти очередной эпизод азартной игры. В связи с этим работа направлена на

осознание им того обстоятельства, что, независимо от осознаваемого им отсутствия или наличия желания играть, он постоянно находится в «предигровой лихорадке» и не может контролировать внутренние и внешние обстоятельства, которые способствуют срыву.

В результате пациент обучается осознавать и различать следующие компоненты своего влечения: а) постоянное желание играть; б) резкое ситуационное усиление игрового импульса под воздействием внешних обстоятельств.

На этом этапе контроль над игровым поведением осуществляется:

- за счет сознательного отказа пациента от решения играть;

- предотвращения вытеснения этого решения из сознания в соответствующих фазах игрового цикла.

Это достигается, во-первых, благодаря обучению пациента навыкам определения момента принятия решения играть и, во-вторых, благодаря изменению иррациональных схем умозаключений и понятий, связанных с игрой.

Вначале пациент учится фиксировать явные признаки надвигающегося срыва (усиление фантазий об игре, нарастание эмоционального напряжения, появление уверенности в выздоровлении). В дальнейшем же — обучается фиксировать собственные «ошибки мышления» и исправлять их с помощью навыков, полученных в ходе терапии.

Регуляция состояний транса. Большинство игроков в ходе работы с ними признавали, что в тот момент, когда принимается решение играть, они словно становятся другими людьми — не могут думать о чем-либо, кроме игры, их отношение к игре из отрицательного (что бывает после проигрыша) или индифферентного становится резко положительным. Они вновь верят в то, что на этот раз точно выиграют, что этот день не похож на другие («фартовый» день), поэтому им повезет. По пути в игровое заведение они не замечают ниче-

го, словно находятся в каком-то тумане.

Ошибочные схемы мышления игроков, касающиеся игры и игровых аппаратов (как, например, вера в счастливый для игры день), тесно связаны с определенным эмоциональным состоянием. Это состояние по своим характеристикам очень близко к состоянию транса и наступает после принятия решения играть. Получается, что игрок непроизвольно обучается сам индуцировать состояние транса (перед срывом), для этого нужно лишь принять решения играть. При этом, чем дольше игровой стаж, тем более легко больной может ввести себя в состояние игрового транса, тем самым, уходя от имеющейся действительности, от критического отношения к происходящему.

Все большее некритичное отношение пациентов к своему поведению обусловлено нарушением во взаимодействии между жизненными событиями и индивидуальными оценками и поступками. Вместо рационального ответа на ту или иную жизненную ситуацию у игрока сначала возникает желание играть, поддерживая значение прежних «ошибок мышления», которые еще более усиливают эмоциональное возбуждение и желание играть, вызывающее «игровой транс». На фоне этого трансового состояния «ошибки мышления» уже не связаны с решением «играть или не играть», а обеспечивают непрерывность игры до момента полного истощения финансовых или физических ресурсов.

Анализ ситуации, который пытается осуществить игрок после игры, происходит, как правило, на фоне подавленного настроения и ошибочных умозаключений, что заканчивается самоосуждением, самокритикой, обещанием «не играть». Это приводит к эмоциональной разрядке и прощению себя только относительно данного игрового эпизода.

Естественно, что регуляция возникновения, а точнее — «не возникнове-

ния» трансового состояния является важнейшим элементом психотерапии игроков.

Работа над «ошибками мышления». Наиболее часто у игроков встречаются два типа иррациональных установок — стратегические и тактические. Первый тип «ошибок мышления» обуславливает общее неосознаваемое положительное отношение к своей зависимости. Тактические «ошибки мышления» запускают и поддерживают механизмы возникновения «игрового транса». К стратегическим типам «ошибок мышления» относятся следующие внутренние убеждения:

— «деньги и работа решают все, в том числе и проблемы эмоций и отношений с людьми»;

— неуверенность в настоящем и ожидание успеха вследствие выигрыша, представление о возможности уничтожить жизненные неудачи успешной игрой;

— замещение фантазий о контроле над собственной судьбой фантазиями о выигрыше.

К тактическим «ошибкам мышления» относятся:

— вера в «выигрышный — фартовый — день»;

— установка на то, что «обязательно должен наступить переломный момент в игре»;

— представление о том, «возможно вернуть долги только с помощью игры, то есть отыграть»;

— эмоциональная связь только с последним игровым эпизодом при даче самому себе слова «никогда не играть»;

— убеждение, что «смогу играть только на часть денег»;

— восприятие денег во время игры как фишек или цифр на дисплее.

4. Этап планирования. На разных этапах выздоровления требуются различные психотерапевтические воздействия на пациентов в соответствии с их меняющимся личностным и социаль-

ным качествами. Директивные методы начальных этапов терапии, направленные, главным образом, на самоконтроль и упорядочивание социальной жизни, должны сменяться методами, позволяющими создавать условия для сознательного стремления (мотивации) к здоровому образу жизни, освобождению от прежних «ошибок мышления», изменению всего стиля жизни. На данном этапе лечения пациенты начинают планировать иерархию своих будущих жизненных задач, в которых на первое место они обычно ставят расчет с долгами, восстановление финансового благополучия, нормализацию рабочих отношений, а задача контроля над игровым поведением имеет меньшее значение. В результате, в качестве главных мотивов поведения начинают выступать прежние потенциальные провокаторы зависимости. Поэтому особенно важно на этом этапе вновь обсудить причины прежних срывов, однако основное внимание уделяется планированию событий ближайшего будущего.

Несколько обособленно стоит вопрос эмоциональной саморегуляции игроков. Пока у пациента существует его увлечение, вопрос о том, как регулировать свое эмоциональное состояние для него не возникает. Но как только игра уходит из жизни, то необходимость найти способ эмоциональной регуляции становится жизненно важным. Азартная игра, представляющая собой квинтэссенцию взаимоотношения человека и денег, становится для игроков естественным путем получения эмоциональной разрядки, адекватной структуре их личности. На это указывают и исследования, касающиеся детского развития патологических игроков, многие из которых выросли в семьях, где способом решения большинства проблем, в том числе и эмоциональных, считались деньги и подарки. В дальнейшем игроки действовали по такой же схеме, пытаясь решить любую проблему, в том

числе, и эмоционального характера, с помощью денег. Поэтому в ходе терапии пациенты обучаются контролировать свое эмоциональное состояние, осваивают навыки саморегуляции. Немаловажная роль отводится поиску новых альтернативных методов взаимодействия с окружающими.

Следует отметить, что основными вопросами и критериями в реализации стратегий помощи лудоманам являются 1) добровольность — согласие клиента на помощь, профессиональный и корректный характер вмешательства, 2) возможность выбора — осознанное принятие решения относительно игровой зависимости.

На наш взгляд, чрезвычайно важна своевременная помощь людям с игровой зависимостью. Лудомания должна в ближайшее время стать объектом пристального научного и практического внимания не только со стороны психотерапии и прикладной практической психологии, но и теории и методологии этих наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубеев Ю.А., Козлов В.В., Никифоров И.А. Интегративные психотехнологии в профилактике и коррекции зависимого поведения. — М.: Слово, 2006. 428 с.
2. Бубеев Ю.А., Романов А.И., Козлов В.В. Игровая зависимость: механизмы, диагностика и реабилитация. — М.: Слово, 2008. 160 с.
3. Варашкевич С.А. История конверсии компьютерной игры. М.: ИП РАН, 1997.
4. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
5. Галкин К.Ю. Зависимость от виртуальной реальности компьютера — новый вид зависимого поведения. — Волгодонск, 2000.

6. *Гоголева А.В.* Аддиктивное поведение и его профилактика. — М.: Изд-во Моск. псих.-соц. ин-та; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2002. 240 с.
7. *Дудко Т.Н.* Реабилитация аддиктивных расстройств, реабилитационный потенциал. — М., 2006.
8. *Дудко Т.Н. и др.* Клинические и синдромальные особенности игромании // Игровая зависимость: мифы и реальность. — М., 2007.
9. *Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф.* Как избавиться от пристрастия к азартным играм. — СПб.: Изд. дом «Нева», 2003. 128 с.
10. *Козлов В.В., Бубеев Ю.А.* Измененные состояния сознания: системный подход. — М., 2005. 395 с.
11. *Козлов В.В.* Интегративная психология: Пути духовного поиска или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
12. *Козлов В.В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. — М.: Институт психотерапии, 2005. 544 с.
13. *Козлов В.В.* Работа с кризисной личностью: Методическое пособие. — М.: Институт психотерапии, 2007. 333 с.
14. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике / Пер. на русск. яз. / Под ред. Ю.Л.Нуллера, С.Ю.Циркина. — СПб.: Адис, 1994. 302 с.
15. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: Учебн. пособ. — М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
16. *Постнов В.В., Дереча В.А.* Духовный поиск как вариант нехимической аддикции у больных алкоголизмом в ремиссии // Новые методы лечения и реабилитации в наркологии (заместительная терапия, психофармакотерапия, психотерапия). Сб. мат-лов междунар. конф. / Под. общ. ред. проф. В.Д.Менделевича. — Казань, 2004. С. 287–291.
17. *Форман Н, Вильсон П.* Использование виртуальной реальности в психологических исследованиях // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 64–79.
18. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: экстринсивная и интринсивная мотивации. В 2 т. Т 2. — М.: Педагогика, 1986. С. 234–248.
19. *Чудова И.В.* Особенности образа «Я» «Жителя Интернета» // Психологический журнал. 2002. Т. 22. № 1. С. 113–117.
20. *Шапкин С.А.* Компьютерная игра: новая область психологических исследований // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 86–102.
21. *Янг К.С.* Диагноз — Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24–29.

Карнов А.В.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Общеизвестно, что проблема соотношения двух форм (иногда их обозначают понятиями видов, типов, классов) мышления — так называемых *теоретического* и *практического*, является одной из наиболее обсуждаемых, остродискуссионных в психологии мышления и весьма неоднозначной. Она, к тому же, имеет достаточно длительную историю разработки, а достаточно существенный вклад в ее развитие внесли крупнейшие отечественные психологи, в частности Б.М.Теплов и С.Л.Рубинштейн, Д.Н.Завалишина и др. [8, 27, 31]. Данная проблема является одной из наиболее традиционных и для Ярославской психологической школы, получив продуктивное развитие в работах Ю.К.Корнилова, Л.П.Урванцева, Н.П.Ерастова, Е.В.Конева, А.В.Панкратова, Н.Н.Мехтихановой, И.Ю.Владимирова, Е.В.Драпак, С.М.Кашапова, В.К.Солондаева и др. [5, 6, 7, 17, 18, 20, 23, 25, 26, 29, 30, 32].

Эта проблема обрела свою конкретизацию и в исследованиях различных видов профессиональной деятельности, в которых под влиянием детерминации своеобразия их предмета и объекта, условий и средств осуществления, а также под воздействием организационных и «режимных» факторов общие закономерности, установленные в психологии мышления, обретают и подчас существенную специфику. Наконец, совершенно естественно и то, что, в силу своей важности особенно — прикладной, эта проблема давно и интенсивно изучается и в зарубежной психологии (К.Дункер, В.Келер, Д.Дернер, Д.Кавенах, Дж.Грино, В.Хаак, К.Хальма, К.-В.Вагнер, Дж.Хейс, К.Тересен, Х.Махони, Р.Стернберг и мн. др. [6, 36, 41, 42, 43, 52, 53]), хотя, конечно, эти исследова-

ния осуществляются с иных теоретико-методологических позиций и в ином терминологическом «обрамлении», нежели отечественные. Наконец, наиболее современное и весьма специфическое воплощение данная проблема в рамках одного их новейших течений когнитивной психологии — в метакогнитивизме в целом и в исследованиях проблем метакогнитивного мониторинга деятельности, метакогнитивной включенности в деятельность и поведение, метакогнитивного контроля поведения (Дж.Флейвел, А.Браун, М.Диркс, Р.Клюве, Дж.Меткалф, М.Феррари, Т.Нельсон, Л.Наренс, Р.Перкинс, Т.Перфект, Д.Ла Коста, К.Хертцог и мн.др. [39, 35, 37, 45, 46, 47, 48, 49]). Анализ данного направления осуществлен нами в [14].

Одной из характерных особенностей исследований практического мышления в отечественной психологии является существование дискуссий о «демаркационных» признаках теоретического и практического мышления. По данной проблеме существуют не просто различные и изменяющиеся со временем точки зрения, но и даже заметная эволюция взглядов на их соотношение у *одних* и тех же исследователей. Наиболее показательной в этом плане является трансформация взглядов С.Л.Рубинштейна по этому вопросу [27].

Сформулированная выше, общая проблема дифференцируется, как известно, на целый ряд методологических, теоретических и эмпирико-экспериментальных аспектов, вопросов, «подпроблем». Все они, однако, «стягиваются» в один проблемный узел; имеют в своей основе один наиболее принципиальный вопрос. Несколько схематизируя и упрощая реальную гносеологиче-

скую ситуацию, сложившуюся в этом плане, его можно сформулировать следующим образом: *существует ли вообще* какое-либо специфической «практическое мышление», отличное в своих атрибутивных особенностях от того мышления, которое традиционно исследуется в одном из фундаментальных разделов общей психологии — в психологии мышления (то есть от «просто мышления», от мышления как такового)? Если да, то каковы его дифференцирующие признаки (его «*differencia specifica*»)? Если да, то в чем заключается его качественная определенность? Понятно также, что от решения данного — повторяем, принципиального вопроса зависит также и «судьба» всех так называемых «частных мышлений», соотносимых с отдельными видами и типами профессиональной деятельности (например, так называемые педагогическое мышление, клиническое мышление, музыкальное мышление и мн. др.).

При исследовании сформулированного выше вопроса разработан ряд теоретических представлений, получены многочисленные эмпирические и экспериментальные данные (в том числе и профессиографического плана), которые резюмируются в целом в «духе» позитивного варианта ответа на него. Вместе с тем, эти данные характеризуются и тем, что их глубинная интерпретация всегда оставляет у исследователей «тень сомнения» и неполной уверенности в этом позитивном решении, поскольку какую бы *конкретную* профессиональную деятельность они ни изучали структурно-функциональная организация мышления, фактически, всегда обнаруживает в них существенные *инвариантные* характеристики и закономерности, выявленные и проинтерпретированные в *общей* психологии мышления. Чтобы намеренно «заострить» данный вопрос, можно провести аналогию (которая, в действительности, является более чем аналогией) между проблемой диффе-

ренциации «просто» мышления и практического мышления (а также его профессионально-специфических подвидов) и классической проблемой, которая традиционно формулируется, как известно, в вопросе: «сколько памятей существует — она, две, несколько» (долговременная, кратковременная, оперативная, иконическая, произвольная, произвольная, а также соотносимая с различными модальностями — зрительная, слуховая и др.)? Данная проблема имеет не только не менее длительную историю, нежели проблема, обсуждаемая в данной статье, но дискутируется даже более интенсивно, чем она в современной когнитивной психологии.

Доводя данную аналогию до ее логического завершения, подобный вопрос можно, очевидно, сформулировать и по отношению ко *всем* иным психическим процессам¹. То, что данная дифференциация в наиболее явной форме представлена именно к процессам мышления и памяти объясняется достаточно просто — их наибольшей значимостью, наибольшей эксплицированностью экспериментальному, а значит — дифференцированному исследованию, в том числе и с помощью наиболее мощных вариантов дизайна экспериментов, разработанных в современной теории эксперимента. Наконец, следует отметить и то, что проведенную выше аналогию между проблемами «унитарности-множественности» по отношению к процессам мышления и памяти дополняет еще и то, что они до сих пор не только очень далеки от своего ре-

¹ В этой связи полезно отметить тот показательный факт, что в тезаурусе психологии *отсутствуют* такие понятия, как, скажем, «практическое восприятие», «практическое внимание», «практическая память» и т.п., что уже само по себе показывает явную проблематичность такого рода словосочетания и по отношению к мышлению. Вместе с тем, следует принимать в расчет, что проведенная аналогия, как, впрочем, и любая иная аналогия, сама по себе не является, согласно канонам логики, *доказательством*. Поэтому не будем торопиться с окончательными выводами.

шения, но взгляды по ним очень существенно различаются.

Не претендуя, разумеется, на окончательное решение проблемы соотношения теоретического и практического мышления, тем не менее, мы считаем возможным высказать ряд соображений, *содействующих* этому. В этих целях формулируем ряд положений, способствующих решению основной проблемы данной статьи.

Концептуальным «ядром» *первого* из них является общепсихологическое понятие *парциальности*. Как известно, данное понятие получило в настоящее время наибольшее распространение в исследованиях психических (и психофизиологических) свойств, а также личностных качеств. Так, например, исследования Дж. Роттера [50], а в еще большей степени работы, выполненные с использованием предложенной им методики диагностики «локуса контроля» достаточно убедительно свидетельствуют о парциальности свойства «интернальности-экстернальности». Аналогичное заключение следует и из результатов цикла наших исследований свойства рефлексивности [10–13]². Все эти данные свидетельствуют, по всей вероятности, об очень широкой и, не исключено, общей «сфере действия» данного свойства. Если это, действительно, так, то нет никаких оснований считать, что и процесс мышления (а также — интеллектуальные качества, обусловленные им) представляют собой исключение изданного *общего* правила. При этом, естественно, следует иметь в виду, что проблема парциальности очень сложна. Одним из проявлений этой сложности является, как известно то, что определение критериев парциальности тех или иных психических свойств, личностных ка-

честв, представляет большие теоретические трудности и является вполне самостоятельной, особой проблемой. В ряде случаев имеет место феномен, который можно обозначить как явление «множественной парциальности» и состоящий в том, что дифференциация какого-либо свойства может производиться не по одному, а по большему числу критериев; при этом сами выделяемые его аспекты (выделяемые в соответствии и с разными критериями) оказываются сформированными в разной степени.

Второе основное положение заключается, на наш взгляд, в необходимости привлечения к раскрытию соотношений между теоретическим и практическим мышления философских категорий *общего*, *особенного* (специфического) и *единичного* (отдельного), а также положения об их «единстве и взаимодействии». На первый взгляд, представляется, что данное положение (в силу его предельно общего, то есть категориального, абстрактно-философского характера) трудно реализуемо к рассмотрению соотношения проблемы соотношения теоретического и практического мышления. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это, конечно, не так. Напротив, как мы попытаемся показать в дальнейшем, оно является необходимым «концептуальным мостом» между общефилософским и конкретно-научными уровнями исследования данной проблемы, а тем самым выступает достаточно важным эвристическим средством ее разработки.

Наряду со сформулированными — исходными положениями, необходимо акцентировать внимание и на еще одном (*третьем*) обстоятельстве. И исторически, и традиционно, и понятийно сложилось так, что для обозначения рассматриваемых в данной работе форм мышления используются термины «теоретическое» и «практическое» мышление. На первый взгляд, это представля-

² Еще более известными являются исследования, вскрывающие существование данной особенности по отношению к основным свойствам нервной системы (Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын, В. М. Русалов и др. [24, 28, 31]).

ется вполне обоснованным и естественным. Тем не менее, вполне очевидно и то, что «теоретическое мышление», строго говоря, это — тоже, хотя и весьма специфическое, но *практическое* мышление, то есть мышление, вплетенное в один из типов профессиональной деятельности — в теоретическую, научную, исследовательскую. И в этом плане — в плане его включенности в профессиональную, то есть *практическую* деятельность оно также должно быть понято как хотя и очень, специфическое, но все же именно практическое мышление. Разумеется, говоря об этом, мы вполне отдаем отчет в том, что сам термин «теоретическое мышление» сложился и закрепился, стал «привычным и обычным» постольку, поскольку *цель* последнего, преимущественно, не преобразование чего-либо, а поиск и открытие «существенно нового» [2]. Практическое же мышление дифференцируется по критерию его *непосредственной* связи с практико-преобразующей деятельностью. Это, по образному выражению Д.Н.Завалишиной, «мышление в действии и посредством действий» [8]. Таким образом, если второй термин не вызывает особых возражений (хотя любое практическое мышление, если это, действительно, мышление в его полноценном виде, то есть поиск и нахождение «существенно нового» также очевидным образом не лишено элементов «теоретичности», «поисковости»), то первый термин (теоретическое мышление) весьма неоднозначен. Вместе с тем, все это относится, скорее, к терминологическому «обрамлению», к *обозначению* двух анализируемых форм мышления, а не к пониманию их сути и содержания (которые репрезентируются существенно более определенно).

Действительно, в основе их дифференциации, по мнению большинства исследователей, лежит (наряду, конечно, с другими) следующие базовый признак, критерий. Его суть заключается, в ко-

нечном счете, в кардинальных различиях *исходной мыслительной задачи*, в форме постановки и репрезентации проблемы и виде ситуаций, являющихся «пустыми стимулами» для развертывания мыслительного процесса и определяющих его ориентацию, направленность. В первом случае (теоретическое мышление) — это, как уже отмечалось, *исследовательские*, поисковые задачи (проблемы, ситуации); это станции «поиска ответа», нахождения решения. Они, то есть «решения» и «ответы» отнюдь не обязательно (более того, — редко или даже в исключительных случаях) должны быть *реализованы* самим нашедшим их субъектом. Тем самым — вольно или невольно, но совершенно объективно данная форма подчиняется (или, по крайней мере, *должна* подчиняться) *постулату старой рациональности* и, более того — неукоснительно базироваться на нем. Иное дело — практическое мышление, а также его разновидности (дифференцирующиеся по критерию различий в приуроченности к различным видам профессиональной деятельности). Его определяющая характеристика заключается в том, что то решение, тот «выход» из проблемной ситуации, тот «ответ», который находится в результате мыслительного поиска, *обязательно* должен быть *реализован самим же* нашедшим его субъектом в *своей* собственной активности (деятельностной, поведенческой, общенческой и любой иной)³.

³ В этом плане следует отметить, что в реальности ситуация еще сложнее, поскольку, например, практическое *управленческое* мышление приводит к результату, который должен быть реализован не в деятельности самого руководителя, а в деятельности его подчиненных. Однако и здесь общий принцип все же сохраняется, хотя и приобретает опосредствованную форму действия: окончательную *ответственность* за реализацию найденного и транслированного в деятельность подчиненных решения несет все же именно руководитель. В связи с этим, можно сказать, что и в этом случае *он* реализует найденной им же решение, но так сказать «руками других людей» — руководимых, подчиненных, управляемых.

Конечно, и в этом случае своего рода «идеальным вариантом» является также подчиненность мыслительного процесса постулату рациональности и регуляция данного процесса сугубо объективными факторами и детерминантами. Но это — именно идеальный, «предельный» случай. На деле же, реализуя свою *практическую* деятельность, субъект в *содержании самих условий* задачи в этих случаях (опять-таки — вольно или невольно, осознано или нет, имплицитно или эксплицитно, но совершенно объективно) *исходно* включает условие необходимости последующей реализации найденного ответа, решения *им же самим в своей ней*. При этом данное обстоятельство обычно достаточно отчетливо рефлексируется в литературе по практическому мышлению. Однако, как правило, акцент при этом делается на так называемом «свойстве реализуемости» решения, то есть на необходимости придания решению таких параметров, которые делали бы его, пусть и не лучшим (идеальным, максимизированным) и потому находжение и реализации его сложной, а решение, которое, хотя и «проигрывает» максимизированному, но именно в силу этого является более доступным для реализации⁴.

Особой, хотя и тесно связанной с рассматриваемыми в данной статье вопросами является проблема соотношения теоретического и практического мышления с точки зрения тех представлений, которые сформулированы в современном *метакогнитивизме* (см. обзор в [14]). Основное содержание данного направления, напомним, заключается в том, что в нем установлен и изучен особый *качественно специфический* класс

психических процессов — метакогнитивные (в терминологии метакогнитивизма — «вторичные» процессы), в частности метамышление («мышление о мышлении»), метапамять («память о памяти») и др. Причем, метамышление, подобно всем иным психическим метапроцессам, «вплетено» в их общую систему. Как показано нами в [11], существуют не только метакогнитивные, но и метарегулятивные, метаэмоциональные и метамотивационные процессы, образующие общую категорию *метапроцессов* в целом.

Система метапроцессов в целом лежит в основе наиболее, пожалуй, сложного процесса — процесса рефлексии, а также рефлексивности как психического свойства. Достаточно отметить в этой связи, что именно рефлексия является *процессуальным средством сознания*, то есть того феномена, который является *предельным* по степени своей сложности. Разработанная нами с учетом данных современного метакогнитивизма, а также собственных материалов концепция рефлексивной регуляции деятельности, и поведения и общения приводит к необходимости дифференциации двух качественно разных модусов рефлексии — *когнитивной и регулятивной* [10–14]. Данная дифференциация имеет непосредственное отношение к рассматриваемой здесь проблеме. Дело в том, что когнитивная рефлексия, в основном, соотносится с теоретическим мышлением. Одним из доказательств этого является обнаруженная нами значимая корреляция между степенью ее развития и уровнем индивидуальной меры развитости именно теоретического мышления. Регулятивная же рефлексия соотносится, в основном, с практическим мышлением (обнаружена значимая корреляционная связь между степенью ее развития и результативными характеристиками практического мышления).

В силу этого, а также по причине существования ряда иных детерминант

⁴ В этом отношении уместно вспомнить введенное Г.Саймоном понятие «удовлетворительного» (или «приемлемого») решения — «satisfasing decision» [51], которое, что очень показательно, было предложено им в ходе анализа *практической* управленческой деятельности в целом, а также процессов мышления и принятия решения в ней, в особенности.

процесс поиска решения, «выхода» из проблемной *практической* ситуации в существенно большей степени подчиняется (и, более того, *должен* подчиняться) не постулату строгой рациональности («объективности», «максимизированности»), а постулату *субъективной осуществимости*, а нередко и просто «выгодности». В значительно меньшей степени обычно учитывается, однако, тот факт, что в ситуации развертывания практического мышления очень большую, а часто — определяющую роль играет феномен *ответственности* за найденное в его результате решение и тем более за его реализацию. Ответственность — при ее достаточно высоких значениях (экстремальных и параэкстремальных), выступает, как правило, мощным *контрпродуктивным* фактором мышления, его своеобразным ингибитором, а иногда — и «блокатором». И хотя это — достаточно «эксклюзивный» случай, имеющий место, повторяем, при экстремальной и параэкстремальной ответственности, *в любом* случае «просто» высокая ответственность отнюдь не является стимулом для развертывания мышления в соответствии с принципом рациональности, объективности, а напротив, стимулирует известный в теории феномен «отхода от строгой рациональности» (Г.Саймон, А.Тверски, Д.Канеман, П.Словик и др. [51, 54]⁵). В силу этого, содержание и динамика мыслительных процессов в профессиональной деятельности базируется в большей степени не на постулате рациональности, объективности, а на *постулате субъективной приемлемости* и «удовлетворительности» (который зачастую трансформирует постулат рациональности в посту-

⁵ В критические моменты мышления, связанные с принятием окончательного решения относительно того или иного варианта ответа, способа преодоления проблемной ситуации данный феномен описывается также понятиями «познавательных уклонов», «деформаций рационального выбора» (biases) [54].

лат *иррациональности*)⁶. В конечном итоге, все это существенно различает теоретическое и практическое мышление; предполагает активное включение во второе эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, а также детерминант собственно личностного и межличностного плана.

Таким образом, можно видеть, что две формы мыслительного процесса значимо дифференцируются по существенным детерминантам, которые (и это следует подчеркнуть особо) носят не внешний по отношению к нему характер, а включены в сами условия его реализации, а также выступают как базовые детерминанты его осуществления. Все это, казалось бы, дает веские основания для позитивного решения вопроса о самостоятельности двух рассматриваемых форм мышления — теоретического и практического. Не будем, однако, пока делать окончательных выводов и продолжим анализ.

Четвертое положение теоретико-методологического плана, способствующее разработке проблемы, обсуждаемой в данной статье, может быть сформулировано следующим образом. Мышление, рассмотренное в качестве когнитивного процесса, как ни один иной среди них, обладает огромной полиморфностью, лабильностью, адаптируемостью к изменению внешних и внутренних условий и проблемных ситуаций. Оно *максимально* гетерогенно и *многолико*. Как указывал М.Монтень, — «Мышление — это и есть мы сами» [22]. Следовательно, существуют *объективные* предпосылки для его дифференциации на различные модусы и формы.

С этим положением тесно связано следующее (*пятое*) и также достаточно

⁶ Здесь уместно напомнить, что в так называемом «управленческом фольклоре» существует известный афоризм, авторство которому приписывается обычно тому же Г.Саймону: «человек не настолько иррационален, чтобы всегда поступать рационально».

значимое обстоятельство. Дело в том, что, несмотря на существенные различия в формах, типах, особенностях, закономерностях и др., процессов теоретического и практического мышления, эти различия все же неправомерно ставить на первый план, абсолютизировать. По нашему мнению, для того, чтобы попытаться разобраться в этом, действительно, сложном вопросе, необходима дифференциация и детализация, а также более глубокое рассмотрение самого *процесса* мышления, взятого как в его теоретическом, так и в практическом модусах. В нем, по-видимому, следует различать те компоненты, которые входят в сам его состав, атрибутивно присущи ему и потому не являются для него чем-то «внешним», а также те компоненты, которые имеют, преимущественно, средовую, ситуационную детерминацию. В силу этого, с одной стороны, мыслительный процесс разворачивается по своей собственной, «внутренней» логике и подчиняется так сказать «автохтонным» закономерностям, имеющим глубинный, имплицитный и, в то же время, определяющий характер. С другой стороны, он подвержен значимому воздействию внешних детерминант. Соотношение двух типов детерминант существенно различается в теоретическом и практическом мышлении: в первом доминируют «автохтонные» детерминанты, а во втором — ситуационные.

Наконец, еще одно (*шестое*) положение теоретического плана, которое также может способствовать решению основной задачи данной работы, заключается в следующем. Как известно, в настоящее время стали достаточно общепризнанными представления Б. Г. Ананьева о трехкомпонентной структуре психических процессов, включающей совокупность их *функциональных, операционных и мотивационных механизмов* [1]⁷. Данные представления получили в дальнейшем свое конструк-

тивное развитие в работах В. Д. Шадрикова, дополнившего их еще одной качественно специфической категорией механизмов, непосредственно формирующихся под влиянием деятельностной детерминации — *оперативных* [33, 34]. Их сущность заключается в том, что они выступают продуктами «тонкой и точной» адаптации, приспособления всех иных процессуальных механизмов (в первую очередь, конечно, операционных) к «режимным», предметным, организационным и всем иным условиям, факторам профессиональной деятельности, обеспечивая в итоге максимально возможную эффективность ее осуществления. Однако подчеркнем и тот аспект этих взглядов (он обычно не становится предметом специального и развернутого анализа), согласно которому совокупность четырех отмеченных выше типов механизмов процессуальных образований — это, по-видимому, отнюдь не «рядоположенная сумма». Напротив, есть веские основания полагать, что они образуют определенную *иерархию*, а каждый из них локализуется на вполне определенном уровне. Так, на высшем уровне, по всей вероятности, локализуются мотивационные механизмы; на втором и третьем уровнях, соответственно, — операционные и оперативные механизмы; низший уровень образован совокупностью функциональных механизмов.

При рассмотрении мышления как процесса (и теоретического, и практического) с позиций категории «процесс» необходима дифференциация самого этого понятия. Кроме того, следует подчеркнуть, что одним из наиболее традиционных и основополагающих способов такой дифференциации, имеющим, хотя и очень общий характер, но одновременно и большое значение, являет-

⁷ Их подробная характеристика очень полно представлена в трудах самого Б. Г. Ананьева (см., например, [1]), что освобождает от необходимости специально останавливаться здесь на этом вопросе.

ся разделение так называемого «формального» и «содержательного» в ней (равно, впрочем, как и в любом иной психическом, особенно когнитивном, процессе). Очевидно, что «формальное» во многом эквивалентно тому, что было обозначено выше как система «автотонных» закономерностей и механизмов мышления, а «содержательное» — тому, что формируется и функционирует в нем под влиянием ситуационной, предметной, личностной, межличностной и пр. детерминации. В аспекте первого из указанных типов («формальном») организация и функционирование обоих типов мышления характеризуются существенным подобием, достигающим до степени изоморфизма. Во втором типе («содержательном») между ними существуют столь же явные различия. И на нем (а, по сей вероятности, *только* на нем) сама дифференциация теоретического и практического мышления является обоснованной.

Вместе с тем, следует, конечно, помнить и еще одно положение, связанное с дифференциацией «формального» и «содержательного» — положение об их взаимосвязи и взаимодетерминации. Данное положение заключается в том, что, хотя эти две стороны любого процесса (особенно — мышления) являются не только важнейшими, но и относительно самостоятельными, эта самостоятельность является все же не абсолютной, а *относительной*. Действительно, «содержательное» (то есть «отраженное», совокупность ментальных репрезентаций и их характеристики, а также «психический материал» — по терминологии Л.М.Веккера [3]) в известных пределах и границах оказывают влияние на само «формальное», то есть на структурно-функциональные закономерности организации и динамики самого процесса мышления. О втором типе детерминационных отношений между ними (как бы «симметричному» первому), то есть о влиянии «формального» на

«содержательное», по-видимому, нет необходимости говорить подробно, поскольку он очень подробно раскрыт в соответствующей литературе и, более того, составляет одну из *основных* «глав» всей психологии мышления [1, 2, 3, 7, 8, 21, 27, 30, 43, 46, 52].

Все отмеченные выше положения теоретико-методологического характера должны быть обязательно учтены при решении вопроса о соотношении двух конструктов — теоретического и практического мышления, а также тех реальностей, которые в них зафиксированы. Базируясь на них, мы считаем возможным предложить один из возможных вариантов такого решения. При этом за «отправную точку» данного решения целесообразно взять наиболее общее из всех сформулированных выше положений, имеющее, по существу, философский характер, — положение о «единстве общего, особенного и единичного (отдельного)», о взаимоотношениях тех аспектов изучаемого предмета, которые соответствуют им.

Действительно, сравнительный анализ основных закономерностей структурно-функциональной организации теоретического и практического мышления на *уровне «общего»* убедительно свидетельствует о том, что между ними нет значимых различий. Последнее обусловлено тем, что их базовые и, следовательно, — определяющие механизмы, закономерности, коренящиеся, согласно общепринятым взглядам, в природе *функциональных* и *операционных* механизмов процесса мышления, едины. При этом, правда, следует сделать уточнение: единство операционных механизмов теоретического и практического мышления заключается не в идентичности их *содержания*, а в тождестве их *состава*, своего рода «номенклатуры». И в том, и в другом типах мышления основные мыслительные операции (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование и пр.) по своему составу

идентичны; однако, по содержанию и нередко даже по форме организации и реализации они обладают определенными различиями. Так, например, в практическом мышлении, в отличие от теоретического, анализ сплошь и рядом обретает явные черты «критериальной обусловленности» и «целевой ограниченности» [11, 12]. Иными словами, он, как правило, базируется не на объективно основных содержательных признаках «анализируемого», а на тех ситуационных критериях, а также на целях и подцелях профессиональной деятельности, которые наиболее актуальны в данный момент. Наряду с этим, и синтез, равно как и обобщение, также обретают определенную специфичность: они реализуются, как правило, не на основе синтеза объективно основных признаков «синтезируемого», а на тех его аспектах, которые наиболее значимы «с практической точки зрения», в плане ситуационно-контекстуального содержания деятельности.

Следовательно, на втором уровне — уровне «особенного» между теоретическим и практическим мышлением имеют место определенные различия в плане содержания (но, повторяем, не в плане состава) их операционных механизмов. Подчеркнем, что пока мы говорим лишь о профессиональной деятельности *в целом* — как определенном *типе* активности личности.

Однако наиболее существенные различия между ними прослеживаются, конечно, в плане двух иных категорий механизмов — оперативных и мотивационных. Оперативные механизмы формируются, как уже отмечалось, под *определяющей* детерминацией предметных, содержательных, организационных, ситуационных и многих иных — так сказать «экстрамыслительных», внешних по отношению к нему факторов. Суть и назначение их формирования заключается в «тонком и точном» приспособлении («подгонке») операци-

онных механизмов к требованиям, условиям и содержанию профессиональной деятельности [33]. Таким образом, можно видеть, что две формы мыслительного процесса значимо дифференцируются по существенным детерминантам, которые (и это следует подчеркнуть особо) носят не внешний по отношению к нему характер, а включены в сами условия его реализации, а также выступают как базовые условия его осуществления. Все это, казалось бы, дает веские основания для позитивного решения вопроса о самостоятельности двух рассматриваемых форм мышления — теоретического и практического. Не будем, однако, пока делать окончательных выводов и продолжим анализ.

Наряду с этим, и синтез, равно как и обобщение, также обретают в практическом мышлении определенную специфичность по отношению к теоретическому: они реализуются, как правило, не на основе синтеза *объективно* основных признаков «синтезируемого», а на тех его аспектах, которые наиболее значимы «с прагматической точки зрения», в плане ситуационно-контекстуального содержания деятельности. Следовательно, на втором уровне — уровне «особенного» между теоретическим и практическим мышлением имеют место определенные различия в плане содержания (но, повторяем, не в плане состава) их операционных механизмов. Подчеркнем еще раз, что пока мы говорим лишь о профессиональной деятельности *в целом* — как определенном *типе* активности субъекта, а не каком-либо ее *конкретном виде*. Это — уровень именно особенного, а не «единичного», поскольку речь идет об особом типе активности субъекта — о *профессиональной, трудовой деятельности*, а не о «единичном», то есть о какой-либо конкретной, «отдельной» деятельности. Объективная необходимость дифференциации уровня «особенного» в плане сравнительного анализа структурно-функциональной организа-

ции теоретического и практического мышления обусловлена тем, что любая профессиональная деятельность обладает рядом *инвариантных* с иными видами деятельности, которые очень подробно описаны в соответствующей литературе (см., например, [10, 11, 21, 33, 34]). И на этом уровне, то есть в том «измерении анализа, который соотносится с категорией «особенного», между теоретическим и практическим мышлением (в отличие от уровня, соотносящегося с категорией «общего») между ними, действительно, имеют место достаточно существенные различия их психологических характеристик и закономерностей. В силу этого (и *только* в силу этого) можно говорить о правомерности дифференциации теоретического и практического мышления как таковых.

Поскольку наиболее существенные различия между ними прослеживаются в плане категорий оперативных и мотивационных, остановимся на этом несколько подробнее. Оперативные механизмы формируются, как уже отмечалось, под *определяющей* детерминацией предметных, содержательных, организационных, ситуационных и многих иных — так сказать «экстрамыслительных», внешних по отношению к нему факторов.

Во-первых, суть и назначение их формирования заключается в «тонком и точном» приспособлении («подгонке») операционных механизмов к требованиям, условиям и содержанию профессиональной деятельности. При этом следует иметь в виду, что соотношение операционных и оперативных механизмов мышления, а особенно трансформация первых весьма сложны; в наибольшей мере это касается самого процесса указанной трансформации. Она представляет собой именно *процесс*, включенный в еще более общий макро-процесс профессионализации личности в целом и подчиняющийся, по-видимому, как и он, основным принципам системогенеза.

Во-вторых, соотношение между ними недопустимо трактовать, так сказать, «дизъюнктивно» и потому упрощенно, механистически. Как раз наоборот: оперативные механизмы — это те же операционные, но приобретшие *конкретно*-деятельностную специфику; они — суть конкретная форма существования операционных механизмов.

В-третьих, во всем многообразии оперативных механизмов следует различать два их основных вида. Первый — это специфические формы *самих* основных операционных механизмов мышления (в частности, те, о которых мы уже упоминали выше — «целеобусловленный», или «критериальный» анализ, ситуационные обобщения и др.). Второй — это оперативные механизмы, которые формируются посредством интернализации основных, индивидуально-специфических деятельностных *стратегий*, реализуемых субъектом и потому адекватных не только его индивидуальным особенностям, но и самой реализуемой им деятельности. Вместе с тем, сложность данной проблемы заключается в том, что они (то есть оперативные механизмы) не просто базируются на операционных и выступают продуктами их трансформации, а представляют собой деятельностно-детерминированные синтезы последних, специфически деятельностные формы их интеграции — своеобразные «паттерны». Все это обусловливает тот факт, что на уровне «единичного» и в аспекте данной категории механизмов четкость дифференциации теоретического и практического мышления является еще большей.

Наконец, проводя сравнительный анализ атрибутивных характеристик теоретического и практического мышления, нельзя оставить без внимания и третью категорию механизмов психических процессов в целом и мышления, в особенности — *мотивационных*. По отношению к ним те общие закономерности соотношения теоретического и

практического мышления, которые были раскрыты выше, в целом сохраняются. Действительно, между теоретическим и практическим мышлением нет *кардинальных*, определяющих различий на уровне «общего», поскольку оба этих вида мышления обязательно предполагают включенность в них мотивационных механизмов и факторов, а также сохраняют в существенно сходной форме подавляющее большинство основных, базовых закономерностей мотивационной детерминации мыслительного процесса (например, зависимость его эффективности, продуктивности от степени мотивированности субъекта). Вместе с тем, при более углубленном и детализированном анализе, при переходе от преимущественно *формально-динамических* аспекта мотивационных механизмов к *содержательным* между теоретическим и практическим мышлением обнаруживаются достаточно существенные различия. Некоторые из основных среди них заключаются, например, в следующем.

Во-первых, в теоретическом мышлении, в отличие от практического характера, содержание мотивации, как правило, существенно иной; причем, базовый параметр этих различий соотносится с дифференциацией *внутренней* и *внешней* мотивации. Процесс теоретического мышления детерминируется, как правило, внутренней мотивацией («познавательной», «поисковой») тогда как в практическом мышлении явный приоритет имеет внешняя мотивация. Известно, однако, что в зависимости от различий этих двух основных типов мотивации очень существенно различаются как результативные, так и особенно процессуальные характеристики мотивационных процессов и мотивируемой ими активности субъекта.

Во-вторых, еще более обобщенной является зависимость интенсивности мотивации от типа мышления — теоретического или практического. Как правило, во втором из них она выше, что

также не может не влиять на сам мыслительный процесс (впрочем, нередко не только не позитивно, но и *контрпродуктивно*, что очень характерно для так называемого «перемотивированного», то есть чрезмерно мотивированного поведения и деятельности). При этом, разумеется, следует сделать необходимое уточнение: мотивация и теоретического мышления (например, мотивация научной деятельности) также может быть очень сильной, а иногда — и более интенсивной, нежели мотивация практического мышления. Речь, однако, идет о так сказать «*массовом*, типичном случае»; о том, что интенсивность мотивации практического мышления обусловлена тем, что профессиональной деятельности сопутствует атрибут, как правило, *высокой* и эксплицитно («каждодневно и ежеминутно» возлагаемой) *ответственности* — нередко достаточно высокой или даже экстремальной. Это не может не влиять и на деятельность в целом, и на процессы мышления в ней, проявляясь, например, в «тренде критериев искомого» от *максимизации* к *примлемости*, от «рациональности» к выгоды и безопасности, от истинности («правильности») к реализуемости и др.

В-третьих, при переходе на еще более конкретный уровень анализа — на уровень «единичного» (отдельного), то есть к рассмотрению конкретных видов деятельности, мотивационные механизмы практического мышления в аспекте данной категории механизмов подвергаются дополнительной спецификации. Дело в том, что в различных видах, типах, классах деятельности, различающихся, естественно, по многим существенным параметрам, доминируют, как правило различные *мотивационные подсистемы* (данное понятие подробно рассмотрено в [16]), то есть качественно специфические «паттерны» гомогенных и, причем деятельностно- и «режимно»-детерминированных «отдельных» моти-

вов и мотивационных образований. Для одних это, скажем, подсистема внешней мотивации; для других — подсистема внутренней мотивации, для третьих — подсистема мотивации достижения, для четвертых — подсистема мотивации избегания неуспеха и пр. Вместе с тем, подчеркнем, что одно из основных положений психологии мотивации состоит в тезисе, согласно которому имеют место существенные различия влияния разных мотивационных подсистем на результативные и процессуальные характеристики «мотивированного поведения, а также обеспечивающих его процессов (в первую очередь — мышления). Таким образом, на уровне «единичного» различия между теоретическим и практическим мышлением еще более усиливаются, поскольку *общие* различия в форме действия мотивационных механизмов дополняются и значительно обогащаются *конкретными* — деятельностью-специфическими их различиями.

Сточки зрения развитых выше — более дифференцированных представлений о структурно-функциональной организации мышления и соотношения двух его форм (теоретического и практического) становится очевидной не только целесообразность, но и необходимость более содержательного и полного использования в психологии мышления понятия «парциальности», которое уже достаточно давно органично включено во многие иные направления и проблемы психологических исследований. Более того, не исключено, что «эвристический потенциал» данного понятия по отношению к изучению именно мышления окажется в перспективе еще выше, нежели по отношению к уже изученным с его позиций предметам исследования. Действительно, как было показано выше, мышление представляет собой единство «унитарного и парциального» — в зависимости *от уровня* его организации (и это составляет онтологический аспект данной проблемы), так-

же от уровня его анализа (и это составляет гносеологический ее аспект). В этой связи можно упомянуть, например, традиционную дискуссию о несовпадении так называемых «аналитического» и «синтетического» типов интеллекта (и, соответственно, типов мышления). Мышление «унитарно» в том смысле в том смысле, что оно базируется на единых функциональных и операционных механизмах (повторяем и подчеркиваем — в аспекте состава последних, но не их «общедеятельностных спецификаций»). Однако, оно же *парциально* в аспекте оперативных и мотивационных механизмов. Причем, уровень и качество оперативных и мотивационных механизмов в значительной степени определяется тем, что можно было бы обозначить как сензитивность функциональных и операционных механизмов мышления к общедеятельностной и конкретно-деятельностной детерминации. На наш взгляд, именно данная характеристика, данное свойство — «деятельностной сензитивности» — в существенной степени лежит в основе дифференциации интеллекта на так называемый «теоретический» (академический) и «практический». Различия в уровне развития практического мышления — это во многом (но, конечно, не во всем) *итоговый эффект* отмеченной «деятельностной сензитивности» — как *общедеятельностной*, так и *конкретно-деятельностной*. Кроме того, с позиций такого подхода открываются дополнительные возможности исследования природы и специфики так называемых «частных мышлений», то есть тех их конкретных *видов*, которые соотносятся с какой-либо *конкретной* деятельностью, например, «педагогическое мышление», «музыкальное мышление» и пр.).

Итак, на основе проведенного анализа можно сделать следующее обобщающее и обоснованное его результатами заключение относительно сформулированного вначале данной статьи

вопроса о *правомерности* дифференциации теоретического и практического мышления как таковых, о ее «границах и пределах», о ее критериях (а в преднамеренно «заостренной» форме — о том, существует ли вообще практическое мышление как специфическая и отличная от теоретического психическая реальность). Все представленные выше аргументы относительно этих, действительно, сложных вопросов позволяют дать на них, и в особенности — на последний следующий ответ: *и да, и нет*. «Нет» — в том смысле, что базовые — *функциональные и операционные* (в аспекте их состава и структуры) механизмы теоретического и практического мышления *идентичны* и, в силу этого, само мышление *едино* по своей сути и атрибутивной природе. «Да» — в том смысле, что «надстраивающиеся» над ними операционные (в аспекте их содержания и деятельности специфичности) и оперативные механизмы в них существенно различны. Причем, эти различия обусловлены «двухступенчатой спецификацией»: под влиянием *общедейственной* детерминации и под влиянием детерминации со стороны *конкретных* особенностей отдельно взятой (то есть *конкретной* деятельности). Последнее обстоятельство, кстати говоря, содержит достаточные предпосылки для решения и еще одной проблемы — проблемы дифференциации не только теоретического и практического мышления в целом, но и дифференциации так называемых «частных» видов мышления (например, «педагогического», «клинического», «управленческого»). Такой вариант ответа оказывается возможным на основе привлечения категорий общего, особенного (специфического) и отдельного (единичного), а также их неразрывного *единства*, но, однако, отнюдь *не тождества*.

Подчеркнем, что предложенный вариант решения вопроса о соотношении теоретического и практического мыш-

ления — решения по принципу «*и да, и нет*» это отнюдь не уход от ответа на него, а именно *позитивная* его форма. Дело в том, что и само мышление в целом, и любые его формы столь сложны, что они требуют «выхода» за пределы упрощенных, так сказать «черно-белых» способов решения по принципу «да-нет». Соотношение между теоретическим и практическим мышлением, вопрос об их дифференциации и ее критериях, а также о том, существует ли практическое мышление не является и *не может являться* абсолютным, но лишь *относительным*. На одном уровне (фиксируемом в категории «общего») различий между ними нет, а сама дифференциация теоретического и практического мышления на этом уровне некорректна. Однако на других уровнях, в других гносеологических «измерениях» (которые, в действительности, фиксируют не только ту или иную «призму познания, а отражают реальные — онтологические реальности), фиксируемых в категориях «особенного» и «единичного» эти различия, несомненно, имеют место, что и порождает саму эту проблему. Именно то обстоятельство, что все предпринимаемые до сих пор попытки решения данной проблемы исходили из «принципа абсолютности», а не «относительности» обуславливали (и продолжают обуславливать) либо их неконструктивность, либо неопределенность, либо даже некорректность. И напротив, осознание сложного характера данного вопроса, но одновременно и более адекватного этой сложности способ ее решения, обоснованного в данной статье, на наш взгляд не только существенно более конструктивно, но и необходимо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. — Л.: ЛГУ, 1977. 332 с.

2. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, обучение, воображение. — М.: Наука, 1996. 411 с.
3. *Веккер Л.М.* Психические процессы. — Л.: ЛГУ, 1974. Т. 1. 332 с.; 1976. Т. 2. 332 с.; 1981. Т. 3. 323 с.
4. *Дункер К.* Структура и динамика процессов решения задач // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. — М.: МГУ, 1981. С. 258–268.
5. *Владимиров И.Ю.* Особенности изучения, диагностики и изменения (формирования) ментальной модели как единицы практического опыта. // Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты. Монография / Под ред. А.В.Карпова, Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. С. 263–305.
6. *Драпак Е.В.* Теоретические проблемы развития мышления практика. // Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты. Монография / Под ред. А.В.Карпова, Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. С. 21–35.
7. *Ерастов Н.П.* Развитие лингвистического мышления школьников // Проблемы мышления. — Ярославль: ЯрГУ, 1968. С. 3–153.
8. *Завалишина Д.Н.* Психологический анализ оперативного мышления. — М., Наука, 1985. 219 с.
9. *Карпов А.В.* Психология принятия управленческих решений. — М.: Юрист, 1998. 448 с.
10. *Карпов А.В.* Психология менеджмента. — М.: Гардарики, 1999. 568 с.
11. *Карпов А.В.* Метасистемная организация уровневых структур психики. — М.: ИП РАН, 2004. 506 с.
12. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. — М.: ИП РАН, 2004. 423 с.
13. *Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология рефлексии. — М.: ИП РАН, 2002. 320 с.
14. *Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология метакогнитивных процессов личности. — М.: ИП РАН, 2005, 296 с.
15. *Карпов А.В., Карпова Е.В.* Психологическая структура проблемности // Формирование педагогического мышления. — М.: ИП РАН, 1999. С. 34–45.
16. *Карпова Е.В.* Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности. — Ярославль: ЯГПУ, 2007. 566 с.
17. *Кашанов С.М.* Психология педагогического мышления. — СПб.: Алетейя, 2000. 380 с.
18. *Конева Е.В.* Особенности мышления в субъект-субъектных видах деятельности. Некоторые детерминанты в мышлении следователя // Психологический журнал. Т. 17. № 6. 1996. С. 82–95.
19. *Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности. — М.: Наука, 1980. 170 с.
20. *Корнилов Ю.К.* Психология практического мышления. — Ярославль: ДИА-Пресс, 2000. 212 с.
21. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1984. 444 с.
22. *Монтень М.* Опыты. — М.: Прогресс, 1975. 143 с.
23. *Мехтиханова Н.Н.* Исследование практического мышления: методические проблемы // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений. Сборник статей / Под ред. Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. С. 114–134.
24. *Небылицын В.Д.* Избранные психологические труды. — М.: Педагогика, 1990. 320 с.
25. *Панкратов А.В.* Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний / Под ред. Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1997. С. 98–127.
26. Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты. Монография / Под ред. А.В.Карпова, Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. 440 с.

27. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1973. 420 с.
28. *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М.: Наука, 1979. 352 с.
29. *Солондаев В.К.* Практическое мышление и организационное консультирование // Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты. Монография / Под ред. А.В.Карпова, Ю.К.Корнилова. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. С. 157–181.
30. Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В.Карпова, Ю.К.Корнилова. — Ярославль, 2004. 320 с.
31. *Урванцев Л.П.* Наглядные обобщения и интуитивные оценочные суждения в мышлении профессионала-практика // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемости знаний. — Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1997. С. 53–71.
32. *Шадриков В.Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. — М.: Наука, 1982. 182 с.
33. *Шадриков В.Д.* Способности и деятельность. — М.: Логос. 320 с.
34. *Brown A.L., Bransford J.D., Ferrara R.A., Campione J.C.* Learning, remembering, and understanding // In J.H.Flavell and E.M.Markman (Eds.). Handbook of Child Psychology Vol. 3. Cognitive Development. Fourth edition. — NY: Wiley, 1983.
35. *Cavanaugh J.C., Murphy N.Z.* Personality and metamemory correlates of memory performance in younger and older adults // Educational Gerontology. 1986. N 12. P. 385–394.
36. *Deci E.L.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. — NY, 2001. 221 p.
37. *Dirkes M.A.* Metacognition: Students in charge of their thinking. Roper Review, 1985, 8(2). P. 96–100. EJ 329 760.
38. *Dorner D. et.al.* Lohhausen: von Umgang mit Unbestimmtheit und Komplexität. — Bern: Huber, 1983. 466 S.
39. *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: a new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist, 1979.
40. *Ghiselli E.E.* Intelligence and managerial success // Psychology Report. 1963. Vol. 121.
41. *Greeno J.* Trends in the theory of knowledge for problem solving // D.T.Tuma, F.Reif (eds). Problem Solving and Education. Hillsdale. — NY: Erlbaum, 1980.
42. *Haack V., Halm K., Wagner K.-V.* Programmieren als Schematisches Problemlösen // Z. Psychol. 1989. 197. N 3. S. 217–262.
43. *Hayes J.R.* The complete problem solver. — NY: Erlbaum, 1981.
44. *Heller M.F.* How do you know what you know? Metacognitive modeling in the content areas // Journal of Reading. 1986. 29. P. 415–421. EJ 329 408.
45. *Hertzog C., Dixon R., Hultsch D.* Relationships between metamemory, memory predictions, and memory task performance in adults // Psychology and Aging. 1990. 5. P. 215–227.
46. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. by V.Yzerbyt et al. SAGE Publications. 2002. 253 p.
47. *Nelson T.O.* (Ed.). Metacognition: Core Readings. — Boston: Allyn and Bacon, 1992.
48. *Perkins R., Salomon B.* Metacognitive and Control Strategies Revised // Social Psychology Journal. Vol. 3. 1987. P. 13–18.
49. *Perfect T.J., Schwartz B.L.* Applied Metacognition. — Cambridge University Press, 2002. 220 p.
50. *Rotter J.B.* Social Learning and Clinical Psychology. — Englewood Cliffs. NJ, 1954. 214 p.
51. *Simon H.A.* Administrative behavior. — NY, 1947. 236 p.
52. *Sternberg R.J.* Beyond IQ. — Cambridge, England: CUP, 1985. 222 p.
53. *Therese C.E., Mahoney H.J.* Behavioral self-control. — NY, 1974. 242 p.
54. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and biases // Science. 1974.

Кашипов М.М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ, МЕХАНИЗМЫ И ПРИНЦИПЫ ТВОРЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ *

В деятельности профессионала прослеживаются все его нерешенные проблемы. Основой их решения является переход от интуитивного ощущения принципов, законов и закономерностей, которым подчиняется профессиональная деятельность, к их познанию, осмыслению и сознательному учету и применению делает профессионала хозяином положения, а не рабом обстоятельств, плетущегося в хвосте событий. Знание закономерностей открывает новые горизонты творческого поиска, избавляет от блуждания в потемках, позволяет быстрее и увереннее находить верные решения профессиональных проблем. Иначе формируется усредненность, стереотипность мышления. Поэтому становится очевидной важность понимания практического смысла закономерностей творческой деятельности и умения этим пользоваться.

Необходимую закономерность творческого мышления, его начальный момент составляет возникновение проблемности. Знание причин возникновения рассогласований, затруднений в психологической деятельности позволяет своевременно разработать меры по их предупреждению, повысить уровень профессионализма в разрешении проблемности. Возникновение проблемности побуждает мысль к поиску недостающей информации, ее анализу и синтезу. В качестве значимых черт проблемности можно выделить наличие у субъекта потребности в их решении, причем принципиально новым, ранее

не используемым способом. Проблемности порождают у субъекта потребность в выработке различного рода внутренних регуляторных схем, позволяющих более эффективно организовывать свои мыслительные действия.

Человек, по мнению А.Эйнштейна, не сможет решить проблему, если решат ее на том же уровне, на котором был, когда осознал эту проблему. Умение обнаруживать надситуативную проблемность в решаемой проблемной ситуации связывает воедино практическое и теоретическое мышление профессионала, так как от разрешения частных конкретных задач происходит переход к нахождению общих закономерностей, принципов решения профессиональных проблем. Например, руководитель от решения задачи организации работы подчиненного переходит к решению вопросов организации и создания конструктивных конфликтов, развивающих личность подчиненного. Содержание надситуативной проблемности по своему семантическому объему является более полным, чем содержание ситуативной проблемности.

Умение устанавливать надситуативную проблемность позволяет познавать и управлять причинно-следственными отношениями. За конгломератом частностей профессионал видит общие тенденции, закономерности развития познаваемых явлений. Проблемность является закономерностью самостоятельной мыслительной деятельности. Теоретичность профессионального мыш-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ; № проекта 07-06-00279а.

ления означает умение исходить из закономерностей и принципов теории, значимой для практической деятельности. Индивидуальность характеризуется тем, что общие закономерности и принципы теории становятся достоянием личности профессионала. Закономерности мышления профессионала приобретают особые оттенки в силу его сильных и слабых сторон. Лучше всего он справляется с производственными задачами, в решении которых опирается на самые сильные стороны, как своей личности, так и решаемой ситуации.

Какова специфика психологических закономерностей творческого разрешения профессиональных проблемных ситуаций?

Эмпирическим путем нами обнаружены закономерности целостной организации процессов профессионального мышления [5–7, 10]. Они, как это и было спрогнозировано, принадлежат к закономерностям интегративного типа. К ним, в частности, относятся следующие закономерности: чем «ниже» уровень профессионального мышления, тем большую роль играют процессы и качества оперативной переработки информации о ситуационных характеристиках; чем «выше» уровень, тем большую роль играют качества надситуативного осмысления и понимания информации, личностные особенности субъекта; отсутствует значимая и стабильная связь между продуктивностью профессиональных решений и характеристиками развития отдельных психических свойств, личностных качеств, но она существует между продуктивностью этих решений и степенью их интегрированности в структуры; оптимальность профессиональных решений в большей мере определяется не автономными влияниями со стороны отдельных компонентов профессионального мышления, а эффективностью их взаимодействия, которое обусловлено закономерностями

ми как повторяющимися связями между элементами.

Связь познания и мышления осуществляется через их продукты — знания. В знаниях сняты закономерности исследуемых объектов. Феномен проблемы профессионалу необходимо обрабатывать вначале средствами логики, используя сознательно организованный опыт, свой личный категориальный строй, превращая проблему этими средствами в творческую познавательную задачу, то есть в задачу мыслительную. Для решения мыслительной задачи сознательно организованного опыта уже недостаточно. Это и порождает потребность в новом знании, получение которого опирается на неосознаваемый опыт. Новое знание достигается, прежде всего, путем интуитивного решения. Дальнейшая логическая обработка интуитивного эффекта превращает новое знание в логическое, которое может быть использовано для новых шагов в проблемной ситуации. Такое превращение и есть то, что является вербализацией и формализацией интуитивно полученного эффекта.

Макросистемный анализ достигнутого результата позволяет выделить общие тенденции на уровне формирования определенного типа развития: опережающего, задержанного и недоразвития. Уровень микросистемного обоснования позволяет выявить закономерности в оценке влияний генетических и средовых факторов в формировании различных систем психологических особенностей. Исходя из содержания системного подхода, можно отметить, что именно связи, а не объединенные ими элементы определяют сущность системы, базовые закономерности ее функционирования.

Закономерности творческого мышления с одной стороны, базируются на общих законах мышления, а с другой стороны, имеют свою специфику. Закономерность мышления — это причин-

но-следственные отношения, определяющие направление и эффективность мыслительного процесса. Творчество, согласно психологической закономерности, установленной Я.А.Пономаревым, является таковым лишь до тех пор и в тех ситуациях, в которых происходит саморазвитие личности, что невозможно без опоры на резервы самоуправления личности [10]. Творческая личность чаще отклоняется от жестких стандартов, не боится любых форм поведения, в том числе и детских. Это помогает человеку наиболее взвешенно относиться к ситуации. Каждый человек является творцом, если он активно занимается саморазвитием. Проявление закономерностей творческого профессионального мышления характеризуется подъемами и спадами. Один и тот же фактор (например, аттестация) может помогать или мешать развивать профессионалу свои творческие способности. Поэтому остро встает проблема психологического сопровождения профессионала, оказания своевременной поддержки в становлении стержневых качеств его творческого мышления.

Для успешного управления процессом становления и эффективного функционирования творческого мышления профессионала представляется целесообразным учитывать его закономерности. Зная общие закономерности в отношениях между людьми, и овладев хотя бы азами осмысления взаимопонимания, мы можем улучшить отношения с теми людьми, общение с которыми для нас значимо.

Под законом, как сущностном обобщении, понимаются устойчивые, повторяющиеся, внутренне необходимые связи между явлениями. А закономерности приобретения социокультурного опыта характеризуют способности обучаемых к применению социальных действий, социального мышления, социального взаимодействия, имеющих эф-

фект в профессиональной деятельности. Социальные действия предполагают развитость двух типов мышления у обучаемого: ситуативного, обеспечивающих профессиональное, деятельностное развитие специалиста и надситуативного — ориентированного на социальное достижение (социальный успех, личностное развитие профессионала). Два типа мышления предполагают функциональный и аксиологический уровни развития субъекта. Функциональный уровень развития субъекта характеризует цели, которые согласованы с его технико-нормативными возможностями. Обучаемый действует исходя из наличия определенных навыков в достижении соответствующих целей. Его действия характеризуются нормативно-одобренным способом осуществления профессиональной деятельности. Аксиологический уровень развития выражает жизненные смыслы субъекта, их взаимосвязь с общей системой ценностных ориентаций в социокультурной среде. В случае несоответствия целей возможностям субъекта осуществляется не редукция целей, а разрабатывается задача саморазвития соответственно достигнутому уровню самосознания, уровню притязаний, жизненной и профессиональной стратегии. Аксиологический уровень социальных достижений и личностного развития актуализируется на практическом уровне поведения субъекта.

Закономерности функционирования творческого профессионального мышления неразрывно связаны с закономерностями протекания инновационных процессов, среди выделяется четыре закона:

1. Закон необратимой дестабилизации профессиональной инновационной среды.
2. Закон финальной реализации инновационного процесса.
3. Закон стереотипизации профессиональных инноваций.

4. Закон цикловой повторяемости, возвращаемости профессиональных инноваций.

Конкретное проявление любого общего закона психологии всегда включает в себя, по мнению Б.М.Теплова, фактор личности, фактор индивидуальности [15, с. 170]. Закономерности творческого мышления с одной стороны, базирующиеся на общих законах мышления, а с другой стороны, имеют свою специфику. Закономерность мышления — это причинно-следственные отношения, определяющие направление и эффективность мыслительного процесса.

В связи с этим представляется перспективным рассмотрение соотношения закономерностей обучения и закономерностей творческого мышления преподавателя. Закономерности обучения — выражение действия законов в конкретных ситуациях. Это устойчивые, существенные связи между компонентами процесса обучения. Одни из них проявляются всегда, независимо от действий участников учебного процесса, другие проявляются как тенденция, то есть не в каждой отдельной ситуации. Различают внешние и внутренние закономерности обучения. Первые характеризуют зависимость обучения от общественных процессов и условий: социально-экономической и политической ситуации, уровня культуры, потребностей общества в определенном типе личности.

К внутренним закономерностям процесса обучения относятся связи между его компонентами: целями, содержанием, методами, средствами, формами, иначе говоря, зависимостью между преподаванием, учением и изучаемым материалом. Например, зависимость между взаимодействием преподавателя и обучаемого и результатами обучения; развитие умственных умений и навыков зависит от применения педагогом поисковых методов обучения; прочность усвоения учебного материала за-

висит от систематического прямого и отсроченного повторения. Поэтому каждый преподаватель имеет свое представление о цели обучения, исходя из которой он планирует учебный курс. Преподаватель, планируя учебный курс, задает себе следующие вопросы: 1. Зачем? Концептуальный аппарат. (Какие базовые понятия должен усвоить студент?). 2. Что? Овладение основными психологическими теориями по тематике курса (основные идеи и принципы). 3. Как? Методы и методики. Умения практически применять знания и умения. 4. Кого? Учет возрастных, профессиональных, половых и индивидуально-типологических характеристик обучаемых.

Самой постоянной характеристикой жизни является ее постоянное изменение. Что нужно для того, чтобы жить и трудиться в этом изменяющемся мире?

1. Умение работать с новой информацией.

2. Быть готовым к новому.

3. Человек сам должен быть изменяющимся, должен быть креативным. Поэтому становление креативной личности подчиняется следующим закономерностям:

- Чувствительность к проблемным ситуациям и формулированию проблем.

- Если среда удовлетворяет познавательной потребности, то происходит развитие креативной личности.

- Уровень развития академического интеллекта гарантирует успехи в школе, но не в жизни. Поскольку в жизни, по мнению Р.Стернберга, требуется высокий уровень развития практического интеллекта [11]. В школе же дети с низким интеллектом получают высокие баллы по оригинальности мышления.

В результате анализа научной литературы и обобщения результатов наших исследований можно выделить ряд закономерностей психического развития, как повторяющихся связи между элементами, которые оказывают влияние

на развитие творческого мышления профессионала:

1. Неравномерность и гетерохронность. Например, развитие профессионального мышления может опережать личностное развитие и наоборот. Однако первое может опережать второе лишь до определенного уровня профессионализма.

2. Преемственность психического развития, которая выражается в том, что последующие стадии развития связаны с предыдущими периодами, которые при этом перестраиваются.

3. Сензитивность психического развития характеризуется тем, что человек на определенных этапах развития наиболее чувствителен к выработке определенных качеств творческого мышления.

4. Случайность — одно из частных проявлений закономерности. Умение в любом, даже случайном явлении видеть определенные причинно-следственные связи является одной из важных характеристик творческого мышления.

5. Высокий уровень интеллекта характеризуется отсутствием связи с креативностью, а средний уровень — положительной связью с креативностью.

Таким образом, важно понимать практический смысл закономерностей и механизмов творческой деятельности и уметь адекватно и оперативно этим пользоваться. А в целях управления процессом формирования творческого мышления необходимо познать его психологическую природу. Эффективность психологических механизмов и закономерностей творческого мышления возрастает, когда они выступают комплексно. В качестве психологических механизмов и закономерностей нами были выделены те, которые способны оказывать наиболее действенное влияние на развитие качества творческого мышления профессионала. Чтобы добиться успеха в формировании творческого мышления профессионала важно соз-

дать такие условия образовательной, социальной и профессиональной среды, выстроить такие конструктивные отношения, которые становятся средствами развития творческой личности специалиста, поскольку творчество является залогом физического и психологического здоровья, а также благополучного долголетия.

Знание закономерностей явлений, как считает Г.С.Альтшуллер, дает ключ к управлению ими [1]. Незнание этих закономерностей делает явления роковыми. Закономерности не бывают ни плохими, ни хорошими. Они могут быть «еще неизвестными» или «уже известными». Новая ситуация в психологической науке выводит к проблемам, которые связаны с уточнением предмета, выявлением в науке соотношения теоретико-методологического и прикладного, определением взаимосвязей с естественными, общественными и техническими науками. В частности, важно выделять не только философский или общенаучный уровни методологии, но и ее конкретно-научный и процедурно-методический уровни. Именно в рамках такой методологии стала возможной реализация акмеологического подхода, который предполагает целостность и интеграцию в рамках единой системы не только исследовательских, но и деятельностных, развивающих моделей, алгоритмов и технологий.

Принципиальным для акмеологии является вывод, касающийся ключевого положения методологического основания — закономерностей. Прежде всего, можно выделить то, что характерно и является общим для психологических и акмеологических закономерностей.

Во-первых, акмеологические закономерности (как и психологические) есть не что иное, как устойчивые связи или отношения.

Во-вторых, акмеологические закономерности (как и психологические)

одновременно объективны и субъективны.

В-третьих, акмеологические закономерности характеризуются повторяемостью, не только как «внутреннее» устойчивое проявление определенных характеристик, но и как «внешняя» выраженность в более широкой, открытой системе.

В-четвертых, акмеологические закономерности сходны с психологическими еще в том, что они относятся к четвертому и пятому уровню законов (закономерностей), а именно к закономерностям, отражающим процессы психического развития человека, и закономерностям связей между различными уровнями организации психических процессов и явлений.

В-пятых, акмеологические закономерности относятся к классу «законотенденций», обладающих некоторой «нежесткостью», вариантностью вокруг устойчивого общего.

Следует также отметить наличие существенных отличий акмеологических закономерностей от закономерностей других наук. Они заключаются в следующем:

1. Существенно меньшая вариантность по сравнению с другими и, прежде всего, психологическими закономерностями;

2. Технологическая направленность, охватывающая потенциальный, актуальный и модельно-прогностический компоненты исследуемого объекта;

3. Акмеологические закономерности обладают потенциальными, связанными с возможным развитием субъекта характеристиками;

4. Ярко выраженная специфичность существенных характерных связей, которая обусловлена предметом науки и др.

Учет всего отмеченного круга вопросов дает возможность более зримо и убедительно определить предметное поле акмеологии. Приоритетным в нем, без-

условно, является Человек, реальный носитель собственного опыта и социальных ценностей. Его «АКМЕ» — это вершина, пик, оптимум, совершенство самого человека и всех его макрохарактеристик, связей и отношений. Такое состояние достигается и проявляется в конкретных условиях и ситуациях.

Интеллект у человека, по мнению Б.М.Теплова, один и едины основные механизмы мышления, но различны формы мыслительной деятельности, поскольку различны задачи, стоящие в том и другом случае перед умом человека» [15, с. 114]. Им было показано, что основные элементы мышления едины, они своеобразно функционируют при решении тактических и стратегических задач. Должны присутствовать такие черты, как «схватывание» целого при одновременном внимании к деталям, умение находить быстрое решение, способность к предвидению и др. Механизмы творческого профессионального мышления невозможно понимать без учета механизмов развития психики.

Механизм развития психики (по мнению Л.С.Выготского) — это усвоение социально-исторических форм деятельности. К основным психологическим механизмам формирования высших психических функций относятся:

1. Механизм интериоризации распределенной деятельности.

2. Механизм «осмысления» элементов распределенной деятельности на основе символизации (прежде всего на основе реального включения в соответственные отношения, свойственные взрослым). При этом за счет управляемого формирования коллективно распределенной деятельности в учебных коллективах можно добиться такого положения, когда личные цели учащегося становятся подчиненными коллективным. Для целенаправленного формирования смысла той или иной деятельности необходимо использование особых организационно-игровых

методов, реально моделирующих распределение интенсивных эмоциональных состояний при опоре на идею ответственности, свойственную коллективизму взрослых [3].

Как профессионал воспринимает и осмысливает ситуацию, так он и поступает. Его творческие мысли предопределяют соответствующие действия, направленные на эффективное разрешение конкретной ситуации. Управлять процессом становления и совершенствования творческого мышления профессионала возможно при условии учета многоуровневости и единства психологических закономерностей и механизмов его функционирования.

Идея многоуровневости, интегральности когнитивных образований, представленная в работах В.Д.Шадрикова, В.Н.Дружинина, А.В.Карпова, Е.А.Сергиенко, В.В.Знакова, М.А.Холодной, В.И.Панова и др., имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к рассмотрению психологических механизмов, под которыми понимается система различных условий, средств, отношений, связей и других психических явлений, обеспечивающих развитие качеств творческого мышления. Механизм творческого акта состоит, по мнению Д.Н.Завалишиной, в «выходе за пределы» исходного уровня психического обеспечения деятельности, преобразования ситуации, в подключении (или специальном формировании) новых «пластов», «планов» психической организации субъекта. В результате продуктивный процесс становится многомерным, гибким [4, с. 21].

Профессиональное же мышление, наряду с общими механизмами, имеет свою специфику, которая определяется своеобразием решаемых задач и условиями труда. Проведенный теоретический анализ, а также обобщение эмпирических данных, полученных в ходе исследования специфики творческого мышления на разных этапах

профессионализации (двузоровый, вузовский и послевузовский), а также в различных видах профессиональной деятельности (Е.В.Коточигова, Т.Г.Киселева, Ю.В.Скворцова, Т.В.Огородова, С.А.Томчук, О.Н.Ракитская, А.В.Лейбина, Е.В.Каганкевич и др.), позволяет отметить, что существуют механизмы тормозящие (актуализация дистрессового опыта, самоосуществляющийся прогноз, драматизация). А также позволяет выделить следующие механизмы, повышающие эффективность профессионального мышления.

1. Механизмы операционной интеграции, отвечающие на вопрос «Каким образом?» — это внутренние психические образования когнитивных действий, участвующих в процессе переработки профессиональной информации и принятии решений. Такие механизмы обогащают функциональную систему познавательных процессов человека и адаптируют ее к профессиональной деятельности, которую человек осваивает.

1. Механизм «анализ через синтез». Поиск неизвестного с помощью механизма «анализ через синтез», по мнению С.Л.Рубинштейна, означает выявление свойств объекта через установление его взаимосвязей с другими объектами [14]. В процессе решения любой задачи происходит расчленение ее на несколько частей: что известно, что надо найти (анализ), а потом результаты решения данных вопросов объединяются в единый способ, который и будет ответом к задаче. Одним из методов изучения мыслительных механизмов, определяющих успешность производственной деятельности, может служить анализ развивающегося отражения профессионалом ситуации своей деятельности (через анализ представленности в сознании знаний о ней).

2. Механизм поиска неизвестного на основе взаимодействия интуитивного, спонтанного и логического, рационально-

го начал. Ход удовлетворения потребности в новом знании всегда предполагает интуитивный момент, вербализацию и формализацию его эффекта; то решение, которое можно назвать творческим, не может быть получено непосредственно путем логического вывода. Рождение нового связано с нарушением привычной системы упорядоченности: с переструктурированием знания или с достраиванием знаний посредством выхода за пределы исходной системы знаний.

II. **Функциональные механизмы**, отвечающие на вопрос «Для чего?»

1. **Механизм интерпретационных обобщений.** Интерпретация предполагает понимание не только того, что происходит, но и того, что это значит для личности, как на нее влияет. Интерпретация в этом значении становится возможной в ситуации социального взаимодействия и характеризуется выработкой своего отношения к познаваемому.

2. **Механизм актуализации айстрессового опыта:** творчески думающий профессионал начинает мыслить от продуктивного, успешного завершения ситуации. Ориентация на достижение позитивного, нового отличает эффективного профессионала от неэффективного.

Данные механизмы обеспечивают формирование, коррекцию, создание новых интеллектуальных качеств профессионального мышления.

III. **Уровневые механизмы** отвечают на вопрос «Каковы границы ситуации?», «Каковы параметры — актуальные, перспективные — осмысления ситуации?»

1. **Механизм перехода с ситуативного уровня профессионального мышления на надситуативный** позволяет профессионалу в более полной мере актуализировать собственный творческий потенциал [4, 5]. Такой механизм осуществляется через речевые конструкции + рефлексивные средства (осознание того,

что стоит за рамками конкретной ситуации. Реализация мета-позиции в осмыслении происходящего характеризуется отсутствием ситуационной, внешней детерминистической зависимости) + внешняя помощь (обучение приемам надситуативного мышления). Учет данного механизма позволяет успешно формировать у будущих специалистов приемы надситуативного мышления как психологическую основу творческого профессионального мышления. Актуализация данного механизма осуществляется с помощью способности к самотранценденции, означающей способность человека к выходу за пределы наличной ситуации, обеспечивающей ему возможность самоизменений и саморазвития. Находясь внутри ситуации трудно понять, что происходит. Нужно подняться над ситуацией. Для этого необходимо установить общности между элементами проблемности компетенции, возникающими в профессиональной деятельности, и элементами проблемности компетентности, затрагиваемыми личностные характеристики субъекта профессиональной деятельности. Характер выполняемой деятельности неизбежно изменяется под влиянием изменившегося субъекта мышления. Человек, приобретая адекватные профессиональной деятельности особенности мышления, в определенной степени изменяет саму эту деятельность. Благодаря актуализации данного механизма осуществляется выход на продуктивные виды деятельности. Установить механизм функционирования надситуативного уровня профессионального мышления можно с помощью метода динамического моделирования. Данный метод основан на процессе распознавания и классификации решаемых ситуаций.

2. **Механизм когнитивной интеграции.** Д.Н.Завалишина, рассматривая механизмы функционирования зрелого интеллекта, выделяет механизм операци-

онной интеграции, основной формой реализации которого является постоянное образование новых операционных структур, представляющих собой достаточно устойчивые, целостные интеграции различных операционных элементов (перцептивных, логических, интуитивных), адресованных разным аспектам действительности.

IV. *Личностные* механизмы отвечают на вопрос «Кто?» и обеспечивают процессы личностной адаптации:

1. *Механизм саморегуляции* означает сознательное воздействие профессионала на самого себя с целью реализации своего творческого потенциала. Когнитивная перестройка (по Ж.Пиаже) как смена наглядно-образных операций, дологических на формально-логические) «запускает» в определенном роде и качественные изменения профессионального творческого мышления, прежде всего, развитие самосознания, рефлексивность как способность к самоизменению. Данные изменения можно отнести к составляющим регуляторного компонента профессионального творческого мышления. Механизм творческого мышления как способ конструктивной саморегуляции и саморазвития личности в проблемно-конфликтной ситуации составляет конфликт интеллектуальных содержаний и рефлексивно осмысленных и отчужденных личностных содержаний [9]. Субъектная саморегуляция, являясь важным психологическим механизмом, рассматривается как сложное многокомпонентное психологическое образование личности, характеризующееся способами самоактуализации личности, при котором достигается (или нет) целостность и автономность саморазвивающегося и перспективного профессионала (К.А.Абульханова-Славская, Л.Г.Дикая, А.О.Прохоров).

2. *Психодинамические механизмы* характеризуются, по мнению З.Фрейд, тем, что творческую активность можно

рассматривать как результат сублимации, смещения полового влечения на другую сферу деятельности: в результате творческого акта лежит всегда определенная в социально-приемлемой форме сексуальная фантазия. Э.Фромм психологические механизмы рассматривал, исходя из понимания креативности как способности удивляться и познавать, умения находить решения в нестандартных ситуациях, как нацеленности на открытие нового и способности к глубокому осознанию своего опыта [17]. Динамическая регуляторная система, по мнению О.К.Тихомирова, формируется здесь и сейчас и проявляется в регулировании смысла [16].

3. *Механизм самооценки* — оценивание профессионалом своих действий и деятельности в целом и внесение в нее конструктивных изменений и корректив на основе анализа творческих ресурсов. Самооценка как оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей, является важным регулятором мышления и поведения личности.

V. *Деятельностные механизмы* отвечают на вопрос «Что?» и обеспечивают профессиональную адаптацию, идентификацию и оптацию.

1. *Механизм творческой рефлексии*: осознание и понимание, каким образом происходит творческое изменение и улучшение деятельности. Применение рефлексии способствует расширению и увеличению зоны внутреннего плана и внешней активности. Взаимосвязь внешнего (предметного) и внутреннего (модельного) планов действий составляет основу психологического механизма творческой деятельности человека. Данный механизм характеризуется переосмыслением и перестройкой субъектом содержаний своего сознания, своей деятельности, направленной на преобразование себя, своих личностных черт, в том числе креативных, и окружающего мира.

2. *Механизм соотношения осознанных и неосознаваемых компонентов мыслительной деятельности.* Творческий акт как включенный в контекст интеллектуальной деятельности рассматривается Я.А.Пономаревым через призму соотношения осознанных и неосознаваемых механизмов по следующей схеме: на начальном этапе постановки проблемы проявляет активность сознание, затем на этапе решения — бессознательное, а отбором и проверкой правильности решения на третьем этапе занимает сознание.

3. *Механизмы диссоциации и ассоциации.* Работа профессионала не может стать творческой, если не обеспечены ее механизмы диссоциации и ассоциации. Разложить действительность на элементы, освоить их для того, чтобы потом в конкретных условиях быть способным воссоединить их в необходимой — соответственно ситуации и поставленной цели! — комбинации, — вот суть творчества. Обратимость мышления означает умение мыслить от конца к началу, от дебюта к финалу, от заведомого поражения к реальной победе. С помощью ассоциативного механизма осуществляется поиск неизвестного. Под ассоциациями понимается установление взаимосвязей между явлениями на основе наличия у них сходных или различных признаков.

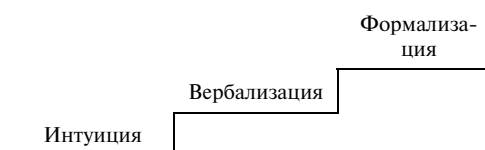
4. *Механизмы интериоризации и экстериоризации.* Соотношение интериоризации и экстериоризации рассматривается как проявление двух сторон единого эвристического процесса. Интериоризация как формирование внутренних структур человеческой психики осуществляется благодаря усвоению структур внешней социальной деятельности (П.Жане, Ж.Пиаже, А.Валлон и др.). Экстериоризация (от лат. exterior — наружный, внешний) — процесс порождения внешних действий, высказываний и т.д. на основе преобразования ряда внутренних структур, сложившихся

в ходе интериоризации внешней социальной деятельности человека. Поиск неизвестного осуществляется с помощью следующих эвристических приемов: а) переформулирование требований задачи; б) рассмотрение крайних случаев; в) блокирование составляющих; г) аналогия.

5. *Позитивное переструктурирование своего опыта* является, по мнению Р.Ассаджоли механизмом самораскрытия творческого процесса [2]. Одним из основных психологических механизмов самораскрытия творческого процесса является позитивное переструктурирование своего опыта. Рождение нового связано с нарушением привычной системы упорядоченности: а) с переструктурированием знания или с его достраиванием; б) с переструктурированием проблемной ситуации посредством модификации тех или иных базисных черт ее проблемности, что влечет за собой изменение в межличностном взаимодействии; в) осуществления выхода за пределы исходной системы знания. Р.Ассаджоли рассматривал творчество как процесс восхождения личности к «идеальному Я», как способ ее самораскрытия. Одним из основных психологических механизмов самораскрытия творческого процесса является позитивное изменение своего опыта (см. схему 1).

6. *Механизм синергетической альтернативы* является способом снятия расхождений в профессиональной деятельности. Данный механизм характеризуется обнаружением такого варианта выхода из ситуации, который не толь-

Схема 1. Динамика самораскрытия творческого процесса

ко устранял бы ее исходную противоречивость, но и заставлял бы сами противоречия «работать» на преодоление друг друга. Работа профессионала не может стать творческой, если не обеспечены ее механизмы диссоциации и ассоциации. Разложить действительность на элементы, освоить их для того, чтобы потом в конкретных условиях быть способным целенаправленно воссоединить их в необходимой комбинации, — вот суть творческого мышления профессионала. Поэтому неслучайно В.Д.Шадриков считает, что в качестве операционных механизмов мышления выступают познавательные способности, причем в мышлении отдельные познавательные способности интегрируются, проявляются системно в режиме взаимодействия [19, с. 236].

Знание психологической природы механизмов творческого мышления позволяет более адекватно рассматривать критерии их сформированности. Согласно М.А.Холодной, к сформированности механизмов метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности имеют отношение когнитивные стили [18]. Когнитивный стиль характеризуется устойчивыми способами приема и переработки информации, проявляющимися в индивидуальной специфике организации познавательных процессов, влияющими на все уровни ментальной иерархии, включая личностные и интеллектуальные особенности, в том числе принципы творческого мышления. Учет принципов позволяет выработать общий подход к исследованию и формированию творческого профессионального мышления.

Творческое мышление неразрывно связано с осознанием господствующих идей. Развитие способности к осознанию поляризующей идеи в данной области знания и освобождение от ее влияния. Поэтому целесообразно преждевременно вербализовать рождающуюся идею. Особую ценность при

этом имеет деление целого на более мелкие части, а затем создание крупных идей, мыслей, образов. Знание о мире, о способах деятельности, умения реализации творческого процесса и мыслительной деятельности, образы, ощущения, мотивы, потребности и т.д., органически сплетаясь, дают характеристику мышления профессионала.

Овладение учителем системой средств и способов решения педагогических задач, — считает Л.М.Митина, умение проникать в суть явлений формирует у него педагогическое мышление, а самоанализ развивает у него педагогическую рефлексию [8, с. 69]. Можно выделить различные типы принципов, позволяющих выработать общий подход к исследованию и формированию творческого профессионального мышления. Прежде всего, следует выделить содержательные и процессуальные принципы. Каковы же эти принципы?

К содержательным принципам, лежащим в основе развития креативного мышления, относятся:

Принцип системности — методологический подход к анализу психических явлений, когда соответствующее явление рассматривается как система, не сводимая к сумме своих элементов, обладающая структурой, а свойства элемента определяются его местом в структуре; представляет собой применение в частной области общенаучного принципа системности. Системный подход профессионала к разрешению педагогической ситуации должен отвечать трем основным требованиям:

1. Научность: исходить из научно обоснованных закономерностей и принципов теории профессиональной деятельности.

2. Индивидуальность: общие закономерности и принципы практической психологии становятся достоянием личности профессионала.

3. Адаптивность: решение производственной ситуации приспособлено к

конкретным обстоятельствам ее реализации.

Системный подход — технология применения диалектического метода в решении ситуаций. Предшественником системного подхода является локальный подход, который оправдывает свое предназначение, когда в качестве локуса берется главное, приводится в порядок и это дает хороший практический результат. Однако некоторые существенные признаки ситуации оказываются неучтенными профессионалом, так как он считает их незначительными.

Системный принцип включает в себя следующие частные принципы: оптимальность (достижение наилучшего результата с наименьшими затратами сил и времени); структурность (выделение компонентов и их упорядоченность); функциональность (определение задач каждого компонента); интегративность (объединение элементов в единое целое).

Принцип дополнительнойности действия ситуативных (обеспечивающих вариативность) и транситуативных (обеспечивающих постоянство поведения) факторов характеризуются тем, что в большинстве случаев детерминирующими факторами являются личностные факторы, тогда как ситуативные играют роль модулятора (определяя вариативность проявления личностных факторов). В некоторых, гораздо более редких, по мнению А.А. Реана случаях, иерархия факторов может меняться [13].

Принцип превентивности — для каждого уровня обнаружения проблемности учитель разрабатывает средства предупреждения возможных педагогических отклонений в развитии ситуации и находит приемы их устранения.

Принцип мультиплицированности — рассмотрение познаваемого объекта с противоположных точек зрения.

Принцип контекстности — в условиях обнаружения надситуативной про-

блемности профессионал неизменно удерживает, сохраняет контекст целостной деятельности (не давая «сбить себя с толку»), не поддаваясь сиюминутным требованиям производственного процесса.

К числу **процессуальных принципов** можно отнести:

1. Видение взаимосвязи компонентов педагогической деятельности; выявление их проблемности (рассогласования).

2. Поиски различных подходов (чем больше наборов рассмотрения данного явления, тем выше эффективность творческого мышления).

3. Высвобождение из-под жесткого контроля шаблонного мышления.

4. Использование случая (снять урожай результатов случайных взаимодействий идей). Подвергнуть себя воздействию стимулирующих ситуаций. Сознательное переплетение различных направлений мыслительной деятельности.

5. Нахождение и реализация новых идей в своей работе.

Таким образом, творческое мышление является разновидностью нешаблонного мышления как способа рождения новой идеи. Овладение обобщенными принципами творческого мышления дает возможность профессионалу увидеть выполняемую деятельность в целом, понять логику и закономерности ее протекания, а самое главное — породить новые идеи, направленные на ее дальнейшее совершенствование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтшуллер Г.С.* Творчество как точная наука. — М., 1979.
2. *Ассаджоли Р.* Психосинтез: теория и практика. — М.: REFL-book, 1994. 314 с.
3. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. — М., 1960.
4. *Завалишина Д.Н.* Творческий аспект практического мышления // Пси-

хологический журнал. 1991. Т. 12. № 2. С. 16–26.

5. *Кашапов М.М.* Психология педагогического мышления. Монография. — СПб.: Алетейя, 2000. 463 с.

6. *Кашапов М.М.* Психология творческого мышления профессионала. Монография. — М.: ПЕР СЭ. 2006. 688 с.

7. *Кашапов М.М.* Совершенствование творческого мышления профессионала. Монография. — М. — Ярославль, МАПН, 2006. 313 с.

8. *Митина Л.М.* Управлять или подавлять: выбор стратегии профессиональной жизнедеятельности педагога. — М.: Сентябрь, 1999. 192 с.

9. *Пономарев Я.А.* Психология творческого мышления. — М., 1960. 352 с.

10. *Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю.* Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. — М., 1990.

11. *Стернберг Р.Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др.* Практический интеллект. — СПб.: Питер, 2002. 272 с.

12. Психология профессионального педагогического мышления / Под ред. М.М.Кашапова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. 398 с.

13. *Реан А.А.* Психология педагогической деятельности (Проблемный анализ): Учеб. пособие. — Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1994. 83 с.

14. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1989. 488 с.

15. *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. — М.: Педагогика, 1985. 360 с.

16. *Тихомиров О.К.* Психология мышления. — М.: МГУ, 1984. 272 с.

17. *Фромм Э.* Человеческая ситуация. — М.: Смысл, 1995. 238 с.

18. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. — СПб.: Питер, 2004. 384 с.

19. *Шадриков В.Д.* Ментальное развитие человека. — М.: Аспект Пресс, 2007. 284 с.

Мазилев В.А.

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ *

Для эффективного использования социально-психологического знания в современных условиях полезно четко осознавать, в каком положении находится современная отечественная социальная психология и как она соотносится с мировой социально-психологической наукой. Настоящая статья посвящена анализу интеграционных процессов, происходящих в современной отечественной социальной психологии.

В настоящее время актуальной является проблема интеграции отечественной социальной психологии в мировую систему социально-психологического знания. При этом важно учитывать методологические основания развития отечественной социальной психологии. Актуальность обозначенной проблемной области определяется ситуацией, сложившейся в отечественной социальной психологии в связи с интеграцией постсоветских стран в мировое сообщество. Не владение отечественными исследователями зарубежной современной научной терминологией, ограниченность представлений в области актуальных направлений и проблемных областей социально-психологических исследований, слабая разработанность методологических оснований интеграции, ограниченность ориентации в существующих информационных ресурсах и контактов с наиболее передовыми исследователями, ориентированными на сотрудничество создают многочисленные сложности в ряде вопросов, определяющие дальнейшее развитие отечественной социально-психологической науки и практики: искаженное представление и понимание системы ба-

зовых категорий современной зарубежной социальной психологии, приводящее к недопониманию сторон и некорректной представленности их в отечественной культуре; не владение информационными ресурсами, позволяющими как углубить собственные представления в области актуальных направлений исследований, так и налаживанию продуктивной научной коммуникации, способствующей развитию науки; ограниченность научно-методического обеспечения, направленного на способствование ин- и аккультурации отечественных социальных психологов в международную социально-психологическую культуру посредством овладения технологическими особенностями перевода и адаптации зарубежного знания.

2008 год ознаменовался юбилеем социальной психологии. Прошли конференции, посвященные столетию социальной психологии, появились публикации, в которых отмечалось, что социальная психология отметила 100-летие своего существования. Основанием для подобного заключения послужил тот факт, что в 1908 году одновременно были опубликованы две книги, посвященные социальной психологии: в Лондоне была опубликована работа Уильяма Мак-Даугалла «Введение в социальную психологию» (McDaugall W., 1908), а в Нью-Йорке книга Эдварда Росса «Социальная психология» (Ross E.A., 1908).

Такая позиция является достаточно распространенной, хотя и не единственной. Некоторые исследователи связывают возникновение социальной психологии с основанием Хейманом Штейнталем и Морисом Лацарусом известного

* Работа выполнена при поддержке ГРНФ, грант 07-06-00442.

журнала «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft» в 1859 году. Другие авторы указывают, что есть основания связывать возникновение социальной психологии с появлением психологического направления в социологии и, соответственно, датируют 90-ми годами XIX столетия. Основателем этого направления можно считать французского социолога Густава Лебона (в 1895 году он опубликовал известный труд «Психология толпы» («Psychologie des foules»). Между тем некоторые историки психологии полагают, что говорить о социальной психологии как науке можно лишь тогда, когда она начинает использовать экспериментальные методы. В этом случае датировка меняется и датой возникновения социальной психологии становится середина 20-х годов XX столетия, когда экспериментальные исследования в этой области развертываются достаточно широко. Как справедливо указывает Б.Д. Парыгин, «по критерию оформления социальной психологии в качестве целостной системы научного знания с развитой структурой прикладных функций этот процесс может быть отнесен даже к 70-м годам XX столетия» (Парыгин, 2003, с. 76). Таким образом, мы видим, что существует известное разнообразие мнений о времени возникновения социальной психологии как науки. К сказанному стоит добавить, что существует «тенденция, связанная с поиском более удаленного от наших дней времени становления социально-психологического знания» (Парыгин, 2003, с. 76).

В данной связи можно указать на мнение Гордона Олпорта, связывавшего возникновение социальной психологии с творениями выдающегося философа Платона. А немецкие исследователи Ганс Гибш и Манфред Форверг полагают, что «с тех пор как существуют люди, которые вместе трудятся и живут, с того момента, когда они осознали необходимость осмыслить общественное бы-

тие человека, существует без сомнения «социально-психологическое» мышление как один из аспектов всеобъемлющей работы мысли — с целью понять и сформулировать отношение человека к более крупным социальным структурам. С развитием человечества это мышление находит выражение в исторически существующих объективациях: в социальных и общественных институтах, в мифах и сказаниях, в философских концепциях и, наконец, в постепенно формирующихся специальных научных дисциплинах» (Гибш, Форверг, 1972, с. 13). Впрочем, сами Гибш и Форверг по сути повторяют известный афоризм Эббингауза (психология «имеет длинное прошлое, но краткую историю») по отношению к *социальной психологии*: «Насколько древней представляется история социально-психологического мышления, настолько коротка история социальной психологии как относительно самостоятельной научной дисциплины в рамках психологической науки. Если первая насчитывает столетия, то вторая немногим более полувека» (Гибш, Форверг, 1972, с. 13).

Отметим, кстати, что немецкие авторы называют следующие источники возникновения социальной психологии: «Мы полагаем, что три истока социальной психологии составляют следующие теории: психологии народов — течение, возникшее преимущественно в Германии, психология масс — теория, которая в основном развивалась в романских странах (Италия, Франция), и различные теории об инстинктах социального поведения, которые были сформулированы в Англии и США в начале XX столетия» (Гибш, Форверг, 1972, с. 19).

Таким образом, еще раз отметим, что существует значительное многообразие взглядов по поводу датировки появления социальной психологии как научной дисциплины. Обычно такая ситуация связана с недостаточной разработкой методологических вопросов. Обра-

тимся к рассмотрению этих обстоятельств более подробно. Глубокий анализ этого вопроса содержится в фундаментальной работе Б.Д.Парыгина (2003). Парыгин отмечает, что различие во взглядах «вызваны прежде всего склонностью ряда исследователей к видению ее генезиса в качестве одноактного и однозначного феномена, что особенно очевидно в случаях фиксации даты рождения науки подобно тому, как мы говорим о рождении ребенка. Сказывается при этом недостаточная договоренность о предмете науки, разноречивость в критериях при определении ее истоков в лоне различных научных дисциплин» (Парыгин, 2003, с. 77).

Таким образом, позиция, согласно которой социальная психология ныне отмечает столетний юбилей, имеет право на существование, хотя более оправданной представляется точка зрения классика отечественной социальной психологии Б.Д.Парыгина, согласно которой «становление мировой социально-психологической мысли и науки — многоактный, многозначный и протяженный во времени процесс перехода от очень удаленных и первоначально научно неосознаваемых предпосылок, практического опыта общения к попыткам его осмысления и анализа, постепенно перерастающим в течение социально психологической мысли, а затем и в систему научного знания» (Парыгин, 2003, с. 94). Основными моментами в этом процессе (Парыгин, 2003, с. 94–95) являются:

- эмпирические предпосылки социальной психологии как опыта практических действий;
- философские истоки социально-психологической мысли;
- непосредственные исторические условия;
- формирование социально-психологического направления в человековедении;

– становление социальной психологии как экспериментальной науки;

– оформление социальной психологии в систему научного знания.

Впрочем, вернемся к процессам интеграции в современной социальной психологии.

Ранее нами был осуществлен методологический анализ развития социально-психологических идей в отечественной науке. В качестве рабочей использовалась периодизация развития отечественной социальной психологии, предложенная Б.Д.Парыгиным (2003). Были использованы историко-психологические и методологические исследования Е.А.Будиловой, Е.В.Шороховой, В.А.Кольцовой, Ю.Н.Олейника, К.А.Абульхановой, Б.Д.Парыгина, Г.М.Андреевой, Л.А.Петровской, А.И.Донцова, Н.Н.Богомоловой и др. Были проанализированы методологические взгляды основателей отечественной социальной психологии (Н.К.Михайловский, Г.В.Плеханов, Н.А.Бердяев, В.М.Бехтерев). Проведен методологический анализ становления социальной психологии в СССР в 20-е годы XX столетия (Г.И.Челпанов, В.А.Вагнер, В.М.Бехтерев, Л.Н.Войтоловский, К.Н.Корнилов, В.А.Артемьев, П.П.Блонский, В.М.Боровский, М.А.Рейснер, А.Б.Залкинд, Г.Малис и др.). В анализе дискуссий по проблемам социальной психологии, проходивших в 20-е годы, особое внимание уделено дифференциации идеологического, философского и собственно социально-психологического уровней методологии. Проведен анализ общепсихологических и философских работ периода так называемого «перерыва» в развитии отечественной социальной психологии (30-е — 50-е гг. XX столетия). Особое внимание уделено возрождению социальной психологии в СССР (60-е гг.). Проведен анализ методологических оснований социально-психологических программ в новых идеологических услови-

ях (Б.Д.Парыгин, Е.С.Кузьмин, Б.Г.Ананьев, А.Г.Ковалев, Б.Ф.Поршнев, А.А.Бодалев, Г.М.Андреева, и др.). Также проведен методологический анализ направлений в современной отечественной социальной психологии. Общий вывод, сформулированный в результате историко-методологического анализа, подтвердил исходную гипотезу: в отечественной социальной психологии выражены и все нарастают тенденции к интеграции социально-психологического знания и интеграции различных направлений и подходов, но темпы реальной интеграции являются крайне низкими по причине отсутствия специальной целенаправленной деятельности психологов по осуществлению интеграции, с одной стороны, и отсутствия специального методологического аппарата и разработанных средств осуществления интеграции, с другой.

В самое последнее время появились методологические исследования, отмечающие перспективные направления разработок в области методологии современной отечественной социальной психологии. А.Л.Журавлев (2008) отмечает в качестве таковых: 1) развитие представлений о предмете социально-психологических исследований, 2) развитие представлений об объекте социально-психологических исследований, 3) развитие представлений о методе, 4) о тезаурусе основных понятий социальной психологии, 5) о междисциплинарном статусе социально-психологических исследований. Представляется, что требуется новое обобщение методологической ситуации, сложившейся в отечественной социальной психологии.

Было проведено выделение ключевых социально-психологических понятий, получивших широкое распространение в отечественной социальной психологии советского периода. К базовым понятиям социальной психологии советского периода были отнесены следующие понятия: личность, деятель-

ность, общность, общение, социальное отношение, заражение, внушение, убеждение, подражание, мода, состояние социальной психики, общественное настроение, социально-психологический климат, группа, коллектив). Было осуществлено определение реального и мнимого спектров значений (Мазилов, 2002) основных социально-психологических понятий в свете разрабатываемого уровневых подхода. Представляется чрезвычайно интересным и полезным сопоставить перечень базовых категорий отечественной социальной психологии советского периода с тезаурусом современной российской социальной психологии. А.Л.Журавлев отмечает: «Изменение тезауруса современной социальной психологии происходит достаточно интенсивно благодаря формулированию новых научных проблем, формированию новых научных направлений, обоснованию новых парадигм и т.д. Развитие системы понятий происходит в самых разных формах, как:

- новое (или уточненное) содержание традиционных понятий;
- новые по названию понятия, но близкие по смыслу и содержанию старым;
- реально новые понятия, отражающие соответствующие явления, хотя при этом степень их новизны тоже может быть различной» (Журавлев, 2008, с. 10).

А.Л.Журавлев в только что цитированной статье отмечает: «В отечественной социальной психологии за последние примерно 10 лет стали интенсивно использоваться следующие термины и понятия: коллективный (групповой) субъект, совместная жизнедеятельность, групповая саморефлексия, дискурс, социальное и экономическое самоопределение личности и группы, совладающее поведение, коллективный коупинг, нравственно-психологическая регуляция поведения, психологическая дистанция, социально-психологическое пространство, социально-психологиче-

ские сети, социальный капитал, корпоративная (организационная) культура, межличностное и межгрупповое доверие, социально-психологическая зрелость, межличностный и межгрупповой обмен знаниями, субъективное качество жизни, субъективное благополучие, отношение группы ко времени, дистинктивное поведение» (Журавлев, 2008, с. 10). Таким образом, на повестку дня выходит определение реального и мнимого спектров значений новых социально-психологических понятий. Необходимо установить, какие из новых социально-психологических понятий могут претендовать на статус базовых.

Было проведено исследование, направленное на интеграцию психологического знания в рамках основных парадигм (в первую очередь был предпринят сопоставительный анализ работ, выполняемых в русле естественнонаучной ориентации (парадигмы) и гуманистической, а также синергетической, претендующей на то, чтобы стать самостоятельной парадигмой психологической науки). Проведенный анализ позволил сделать выводы об основных направлениях интеграции психологического знания в научной психологии начала двадцать первого века. Выделены основные виды интеграции (стихийная, целенаправленная). В целенаправленной интеграции проанализированы такие разновидности как осуществление «синтеза», разработка многомерных теорий, разработка общей методологии, коммуникативная методология, интегративная методология (Мазилев, 2007).

Оказалось возможным производить соотнесение концепций не только в рамках научной академической психологии, но и за ее пределами. Для этого необходимо дополнительное соотнесение предмета научной психологии и того, что полагается в качестве предмета в концепциях, продуцирующих ненаучное и вненаучное знание. Особенно важным представляется установление

соотношений между научной психологией и практико-ориентированными концепциями, получившими в современной социальной психологии достаточно широкое распространение.

Проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление представлений психологов-исследователей об интеграции в психологии. Были сконструированы методики для эмпирического исследования. Была составлена анкета и программа интервью для опроса российских и белорусских ученых. Методики были разработаны для того, чтобы выявить представления исследователей о роли методологии в процессе психологического научного исследования. Для того, чтобы учесть недостаточно осознаваемые установки исследователя (как показали наши исследования, многие компоненты предтеории обычно не осознаются самими исследователями) использовались такие методики как модифицированная методика семантического дифференциала и метод репертуарных решеток Дж.Келли. Всего было опрошено 25 российских ученых и 10 белорусских. Получен достаточно интересный эмпирический материал. Выявлено, в частности, что у исследователей доминируют установки на получение нового, оригинального научного продукта, поэтому интегративные установки выражены минимально. Наибольшую ценность в глазах исследователей (в работах их коллег) имеют позитивные ссылки на собственные работы и использование полученных результатов другими учеными. Интересно, что реально интегративные установки выражены минимально, хотя на уровне деклараций процессы интеграции в психологии самими психологами оцениваются чрезвычайно позитивно. Получен интересный материал, раскрывающий новейшую историю психологии в России и Белоруссии.

Выявлены и описаны психологические барьеры, препятствующие осуще-

ствлению интеграционным процессам в психологии. Получены данные, позволяющие выявить реально существующие взаимоотношения между различными психологическими концепциями и научными традициями, углубить понимание существующих реальных взаимоотношений метода и теории в современном психологическом исследовании.

Была предложена конкретная модель, позволяющая осуществлять реальную интеграцию социально-психологического знания. Она разработана на основе концепции коммуникативной методологии, ориентированной на соотношение различных психологических концепций и тем самым способствующей решению проблемы интеграции психологического знания. В основе концепции коммуникативной методологии лежит модель соотношения теории и метода в психологии. Данная модель представляет собой структурный инвариант, поэтому может быть использована в качестве основы для осуществления соотношения психологических концепций. Предложен и описан вспомогательный аппарат коммуникативной методологии, представлена конкретная технология интеграции психологического знания, разработанная на основе коммуникативной методологии (Мазилев, 2007).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. — М.: Прогресс, 1972.
2. Журавлев А.Л. Тенденции развития отечественной социальной психологии // Социальный мир человека. Вып. 2. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Человек и мир: социальные миры изменяющейся России» 25–26 июня 2008 г. / Под ред. Н.И.Леонова. — Ижевск: Ergo, 2008. С. 9–10.
3. Козлов В.В. Седьмая волна в развитии психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. — Ярославль, 2004. С. 185–206.
4. Мазилев В.А. Актуальные методологические проблемы современной психологии. Ярославль: МАПН, 2002.
5. Мазилев В.А. Интеграция научного знания в психологии // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / Под ред. А.Л.Журавлева, А.В.Юревича. — М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 427–459.
6. Мазилев В.А. Век социальной психологии // Психология XXI столетия. Том 1 / Под ред. В.В.Козлова. — Ярославль: МАПН, 2008. С. 36–45.
7. Новиков В.В. Психология и экономика. Избранные сочинения в 11 тт. Ярославль, 2004–2005.
8. Парыгин Б.Д. Социальная психология: Учебное пособие. — СПб.: СПбГУП, 2003.
9. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд., дораб. — М.: Мысль, 1985.
10. Le Bon G. Psychologie des foules. — P.: Alcan, 1895.
11. McDougall W. Introduction to Social Psychology. — L.: Methuen, 1908.
12. Ross E.A. Social Psychology. — NY: Macmillan, 1908.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Вяткин А.П.

СУБЪЕКТНО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Проблему социализации с позиций субъекта одним из первых рассматривает В.В.Новиков, вводя понятие «субъектной социализации» в процессе трансляции культуры. Категория «субъект» в современной науке утвердилась как новая область знания и как методология психологического исследования (С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов, А.В.Брушлинский, К.А.Абульханова, Л.И.Анциферова, В.В.Знаков и др.). Это объясняется интегративными тенденциями науки и характером самой категории, позволяющей интегрировать гносеологический и онтологический подходы в конкретно-научном исследовании [5]. Категория субъекта позволяет выделять адекватные единицы анализа, которые аккумулируют свойства и деятеля, и деятельности, обеспечивая связь между ними, единство человека и его жизни. Активное деятельностное отношение человека к миру исходит от субъекта как инициатора, креативного начала в его взаимодействии с обществом, миром и самим собой [3]. Динамика деятельности соответствует динамической структуре ее субъекта, связанной, в свою очередь, со структурой личности.

Само понятие субъекта у разных авторов весьма неоднозначно и претерпело существенные изменения. Б.Г.Ананьев отмечал, что субъект — это всегда личность, устанавливающая конкрет-

ные отношения с социальным окружением или предметом. Суть субъекта заключается в нем как носителе сознания, отражающего предметную деятельность, и самой деятельности, преобразующей действительность. Субъект наделен сенсомоторным, речемыслительным и знаковым аппаратом, не сводимым к общественным отношениям. Структура субъекта деятельности «образуется из определенных свойств индивида и личности, соответствующих предмету и средствам деятельности» [2, с. 252]. Субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность — совокупностью социальных отношений. К.А.Абульханова раскрывает психологическую сущность субъекта через совокупность его отношений к миру. Субъект — это специфический способ организации, качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, личность приобретает новое качество отношений к миру, дающее основание говорить о ней как о субъекте деятельности [1].

А.В.Брушлинским субъект трактуется как индивид, находящийся на определенном уровне развития, который со-

ответствует его преобразовательной активности, целостности, свободе, гармоничности и отличается своеобразной целенаправленностью [6]. К основным критериям развитого субъекта относятся способность к свободным нравственным действиям, а также навыки самопознания, самопонимания и рефлексии [5]. Экономический субъект характеризуется как носитель экономического сознания, он же исполнитель экономической деятельности, а также как личность — субъект экономических отношений. Субъект и личность имеют как общую область, так и различаются. Личность «задает общее направление самоорганизации и саморазвития», а субъект — «конкретно реализует его через координацию выбора целей и ресурсов» [14, с. 18].

Экономическая деятельность представлена набором экономических ролей, общая характеристика и спецификация которых выполнена нами ранее [7]. Обозначим соответствие ролевого поведения и деятельности в роли уровня установочной регуляции, выделенным А.Г.Асмоловым [4]. Смысловой уровень задает саму экономическую роль, например, роль потребителя, предпринимателя, работника по найму и др. Целевой уровень соответствует намерениям человека в той или иной роли, формирует и поддерживает образ осознаваемого предвидимого результата и актуализирует общую готовность к его достижению. Операциональная установка отражает готовность к определенным действиям в заданной роли, направленным на достижение цели. Таким образом, экономическая роль адекватно аккумулирует свойства субъекта и свойства деятельности, обеспечивая связь между ними, и может быть принята в качестве единицы анализа экономической деятельности.

В освоении экономических ролей человек, посредством целенаправленной, автономной преобразовательной

активности разрешает множественные противоречия и достигает определенного уровня экономического самоопределения, то есть также реализует себя как экономический субъект. «Кардинальное отличие процесса социализации ролей в ходе онтогенеза от сознательного выбора личностью социальной роли состоит в том, что в первом случае роль овладевает личностью, а во втором случае личность овладевает ролью, используя роль как инструмент, как средство для перестройки своего поведения в различных ситуациях» [4., с. 155]. То есть человек, осваивая роль, может действовать внутренне пассивно, по определенным образцам «как все нормальные люди», а может выступать и настоящим творцом своей жизни, полноценным субъектом самоопределения. Кроме того, человек участвует в экономических отношениях, неизбежно вызванных выполнением экономических ролей. По сути, это отношения экономических деятельностей, а точнее — отношения людей по поводу этих деятельностей, где проявляется субъект как личность. Социально-экономические отношения являются источником формирования и условием развития психологических свойств личности как экономического субъекта. Например, способность «задавать себе направление самоорганизации», может быть определено как экономическая направленность личности [7].

Изложенные положения отражены на рис. 1. Субъект является личностью, а личность — субъектом, при этом они не сводятся друг к другу и образуют центр взаимодействия с «внешними» экономическими явлениями. Экономическая деятельность и экономическое поведение имеют общие основания, однако и отличаются друг от друга. Общее связано с соотношением затрат и результатов при распоряжении ограниченными ресурсом и направлено на обеспечение «всего того, что наполняет человеческое

существо смыслом и счастьем» [9, с. 68]. Принципиальное отличие деятельности от поведения заключено в природе мотива субъекта: деятельность в большей степени характеризуется общественной потребностью, а поведение — индивидуальной. Это приводит к отличию связи мотива и цели и дальнейшему отличию функции результата — в поведении он непосредственно удовлетворяет потребность, а в деятельности лишь дает возможность для ее удовлетворения в другой деятельности или поведении. Деятельность существенно более опосредована социальными отношениями, чем поведение, у которого цель более спонтанная и близкая, и мало изменчивая.

На этом основании роли предпринимателя, работника по найму, продавца, плательщика налогов отнесены к категории экономической деятельности, а роли потребителя и покупателя, — к категории экономического поведения [7]. Некоторые роли, например, роль собственника или плательщика налогов, могут быть отнесены как к деятельности, так и к поведению, в зависимости от их содержания.

Далее предстоит рассмотреть экономическую роль как функциональную единицу социализации личности. Одна

из функций социальной роли заключается в установлении связи конкретного вида деятельности и способа социальных отношений, сопровождающих эту деятельность. Экономическая роль с социальной стороны в отношении личности определяет общий вид отношений, например, потребление — производство, а со стороны субъекта в отношении деятельности, в рамках общего стандарта отношений может быть реализовано множество вариантов экономических действий, обусловленных особенностями субъекта. В этом смысле экономическая роль является функциональной единицей освоения личностью экономической среды и одновременно средством изменения экономического сознания, поскольку соответствует присоединению индивидуальных черт личности к «фактам социума» (Г.И.Ловецкий), конструированию социального пространства личности (Е.П.Белинская), «прыжку» к новому культурному значению (Д.А.Леонтьев). Тогда экономическая роль может считаться единицей социального конструирования, которая:

а) предназначена для синхронизации взаимодействия человека с экономической средой и связывает личность с экономической ситуацией;

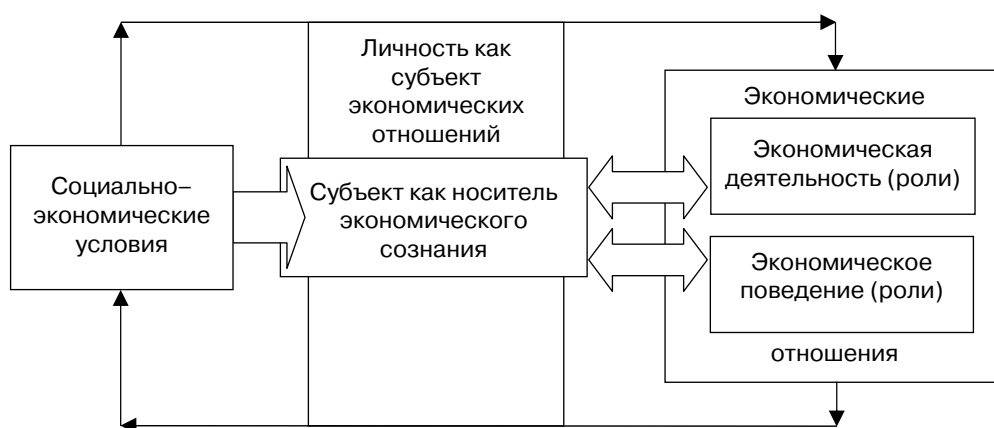

Рис. 1. Схема субъектно-ролевого подхода к проблеме экономической социализации личности

б) исходит из представлений личности об экономической ситуации, из обобщенной ориентации в ней;

в) включает набор присвоенных и выработанных действий по личностной реализации экономических норм (предписаний, требований) и ожиданий.

Основные характеристики экономической роли определены на основании выделенных ранее критериев социальной роли. К ним относятся: масштаб, способ получения, эмоциональность, формализация, мотивация [11].

Масштаб роли зависит от диапазона межличностных отношений. Диапазон экономических отношений достаточно широк, поэтому масштаб экономической роли выходит далеко за рамки конкретной профессии.

Способ получения роли зависит от того, насколько неизбежной является данная роль для человека. Например, роль потребителя является неизбежной для каждого человека. Другие экономические роли могут осваиваться или завоевываться в процессе обучения и деятельности. Каждая роль несет в себе определенные возможности *эмоционального проявления*. Экспектации окружающих, социальные нормы, обычаи или даже мода могут определять те или иные особенности эмоционального проявления человека в определенной ситуации. Например, роль покупателя может быть очень привлекательной, эмоционально насыщенной. *Формализация* как описательная характеристика социальной роли определяется спецификой межличностных отношений носителя данной роли. В целом, экономические роли представляют в большей степени формальные, чем неформальные отношения. Разные экономические роли сопровождаются различными *мотивами*. Глобальное экономическое поведение обусловлено потребительскими мотивами. Ведущим мотивом экономической деятельности является максимизация полезности в процессе распоряжения

ограниченным ресурсом. Иногда ролевое поведение становится самомотивирующим, то есть само исполнение роли становится ее мотивом.

Влияние экономической роли на социализацию. В социализацию личности включено ее взаимодействие с лицами, исполняющими целый ряд ролей, а также ее собственное участие в определенном ролевом репертуаре. Чем больше социальных ролей способен воспроизвести индивид, тем в большей степени он включен в жизнь или приспособлен к ней. Процесс социализации личности часто рассматривается как освоение социальных ролей. Это положение является наиболее важным для выделения единиц анализа и обоснования критерия экономической социализации личности. В качестве такого критерия в нашем исследовании выбрана степень самоопределения в экономических ролях. Субъект социализации от взаимодействия с носителем экономической роли переходит к ее интериоризации и/или дальнейшему личному конструированию роли. Восприятие и исполнение экономических ролей в учебной деятельности позволяет развивать представления о собственной индивидуальности в экономическом поведении. Большой эффект социализации имеют процессы рефлексии экономических ролей, ранее нами проведены теоретические и экспериментальные исследования рефлексивной экономической игры как средства освоения экономических ролей [7].

Освоение экономической роли. Д.А. Леонтьев выделил два аспекта освоения социальной роли: технический и смысловой. Технический аспект включает в себя восприятие сущности роли субъектом и овладение ее содержанием. Смысловой аспект связан с отношением человека к конкретной собственной роли [9]. Прежде всего, индивид должен овладеть содержанием роли. Чаще всего такое освоение идет через механизм

подражания. Многие роли усваиваются довольно легко, но некоторые требуют особых усилий и способностей. Смысловая сторона социальной роли заключается в принятии роли для самого себя. Она должна ему понравиться или, по крайней мере, не вызывать негативно-го отношения. Значимой является не только позитивная установка по отношению к предстоящему освоению роли, но и то, как она поддерживается (на внешнем и внутреннем уровнях) в самом процессе освоения. В освоении роли представляет важность готовность человека к данному процессу и наличие внешней поддержки со стороны.

Иногда складывается ситуация, когда содержание роли вполне усвоено, но есть внутренние препятствия для ее принятия, и человек стремится доказать себе и другим, что он нечто большее, чем роль. С другой стороны, роль может настолько сильно увлечь, что индивид полностью подчиняется ей. Таким образом, возникают три проблемы освоения социальной роли: проблема трудности усвоения роли, проблема неприятия роли, проблема нарушения меры в усвоении. Многие экономические субъекты сталкиваются с неприятием роли продавца или нарушением меры усвоения роли предпринимателя. Вопрос о том, какой аспект — технический или смысловой — важнее, то есть обладает приоритетом в процессе социализации, остается в сфере задач дальнейшего исследования. Можно предположить, что без достаточного смыслового принятия конкретной роли ее техническое освоение лишено какой-либо перспективы личностного роста. В то же время глубокое личностное принятие роли невозможно без «вживания» в ее содержание. Из практики экономического поведения известно множество случаев, когда люди, исполняя, например, роль продавца, личностью ее отвергали. И это вызывало сильное эмоциональное напряжение и заметно снижало результат

деятельности, хотя технический арсенал роли был освоен достаточно. Полное освоение экономической роли, несомненно, требует как ее ценностное принятие, обеспечивающее ее смысловой уровень, так и техническое овладение.

Уровень принятия человеком социальной роли для себя тоже может быть разным. Роль может быть использована как инструмент, своеобразное средство, направленное к достижению определенной цели. Но может и сама стать целью, конечным результатом, к которому субъект стремится на протяжении длительного времени. В этом случае роль может «покорить» личность. Иными словами, за ролью личность будет не видна. Особенно влиятельным фактором освоения роли является социальный престиж. Если роль престижна, то индивид будет прилагать большие усилий для ее освоения, поскольку она может способствовать и более успешному вхождению в экономическую канву жизни. Максимальная поглощенность лишь одной ролью, в конечном счете, неблагоприятно сказывается на социализации личности. Следует заметить, что общий ролевой репертуар в данном случае сокращается, и гипертрофированное развитие одной роли ведет за собой и одностороннее развитие. Вероятно, есть люди, для которых подобное освоение роли является нормальным. Но именно овладение широким спектром экономических ролей является наиболее приемлемым для личностного конструирования в процессе социализации.

Экономическое самоопределение личности соотносится с профессиональным самоопределением и профессиональной социализацией, которые имеют разработанную методологию. Под самоопределением обобщенно понимается сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции личности в проблемной ситуации, что детерминируется степенью развития личностной рефлексии, смыслообразования и целепола-

гания. Факт самоопределения чаще всего связывается с наличием жизненного плана, воплощающего жизненную концепцию, основанную на сформированном смысловом будущем личности. В профессиональном самоопределении выделяется самостоятельное и осознанное нахождение смыслов выполняемой работы и всей жизнедеятельности в конкретной культурно-исторической ситуации [13]. Под профессиональной социализацией понимается, «с одной стороны процесс вхождения индивида в профессиональную среду, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества, а с другой стороны, — процесс активной реализации накапливаемого профессионального опыта, в котором различные типы адаптивного поведения проявляются не как слепое подчинение внешним требованиям, а как выбор оптимального поведенческого решения, предполагающего непрерывное профессиональное саморазвитие» [10, с. 57].

Под экономическим самоопределением понимается сознательный выбор и утверждение позиции субъекта в экономической сфере, детерминированной личной рефлексией, экономическим смыслом и соответствующей целью. Экономический смысл для конкретного человека всегда лежит в контексте выбираемой или уже выбранной трудовой деятельности и его собственной жизни, иначе феномен самоопределения теряет целостность [8]. Суть экономического смысла рядом известных экономических психологов (О.С.Дейнека, А.Л.Журавлев, А.Н.Поддъяков, В.А.Хашенко) имманентно сводится к оптимизации материальной (рациональной) выгоды. Для более глубокого понимания экономического самоопределения необходимо обращаться к психологическому содержанию экономической деятельности и явлениям смыслообразования в ней. В условиях рыночной экономики основными видами

экономической деятельности являются наемный труд, индивидуальное и коллективное хозяйствование, а также предпринимательство [12]. Первоначальное экономическое самоопределение личности выступает как выбор между предпринимательством и работой по найму.

Самоопределение в экономических ролях является своеобразной дифференциацией экономического самоопределения личности, где экономическая роль выступает также единицей анализа и функцией социализации личности. Для самоопределения в роли главным является позитивный личностный смысл роли, позитивная установка на ее освоение и дальнейшее «вживание» в ее содержание. Важно, чтобы роль не «покорила» личность, а оставалась средством обеспечения «всего того, что наполняет человеческое существование смыслом и счастьем». Суть явления экономической социализации личности не сводится к профессиональной социализации, а выходит далеко за рамки профессии, и в то же время присутствует в каждой профессии. Отсюда критерии профессионального самоопределения и профессиональной социализации не могут быть перенесены на оценку экономической социализации. Критерий оценки экономической социализации должен соответствовать ее функциям и экономической специфике, то есть включать требования оптимизации полезности в соотношении выгод и затрат. Кроме того, вся достаточно широкая сфера экономической социализации личности в качестве ядра может иметь *экономическое самоопределение*. Экономическая роль отвечает названным положениям, поэтому самоопределение в экономической роли можно считать частным критерием экономической социализации личности.

В целом проведенный анализ подтвердил интегративные возможности категории «субъект» и субъектно-роле-

вого подхода, позволяющего исследовать экономическую социализацию личности на нескольких уровнях взаимодействия: «субъект — личность», «личность — экономическая среда», «деятельность — социализация». Выделена адекватная единица анализа экономической деятельности и экономической социализации личности — экономическая роль, которая исходит из ориентации субъекта в экономической ситуации, направлена на взаимодействие с ней и включает набор выработанных действий. Предложенная концептуальная схема субъектно-ролевого подхода может быть положена в основу конструирования социально-экономического пространства личности в процессе социализации. В качестве ядра и общего критерия экономической социализации личности может быть принято ее экономическое самоопределение, которое реализует сознательный выбор и утверждение позиции субъекта в экономической сфере, детерминируется личной рефлексией, экономическим смыслом и соответствующей целью. В качестве частного критерия экономической социализации может быть принято самоопределение в экономической роли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики.* — М., 1997. С. 56–74.
2. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. — М. — Воронеж, 1996.
3. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного похода // *Проблемы субъекта в психологической науке.* — М., 2000. С. 27–42.
4. *Асмолов А.Г.* Психология личности. — М., 2001.
5. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта и его деятельности // *Психология субъекта профессиональной деятельности.* — М. — Ярославль, 2001. С. 5–23.
6. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. — СПб., 2003.
7. *Вяткин А.П.* Психологические методы изучения экономической социализации личности. — Иркутск, 2004.
8. *Вяткин А.П.* Экономическое самоопределение студентов-психологов // *Социально-психологические проблемы развития проф. самосознания личности.* — Иркутск, 2008. С. 306–324.
9. *Леонтьев Д.А.* Поиск смысла в новом тысячелетии // *Психологический журнал.* 2001. № 1. С. 18–29.
10. *Митина Л.М.* Психология развития конкурентоспособной личности. М. — Воронеж, 2002.
11. *Парсонс Т.* О социальных системах. — М., 2002.
12. *Позняков В.П.* Психологические отношения в условиях изменяющихся форм собственности. Автореф. дис. докт. психол. наук. 19.00.05. — М., 2002.
13. *Пряжников Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение. — М., 1996.
14. *Сергиенко Е.А.* От когнитивной психологии к психологии субъекта // *Психологический журнал.* 2007. № 1. С. 17–27.

Грецов А.Г.

ПСИХОЛОГИЯ И СМИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

В последние годы в России сложилось активное взаимодействие профессионального психологического сообщества со СМИ. Отметим следующие моменты, наиболее ярко характеризующие его:

1. Психологические знания при их представлении в СМИ подвергаются характерным трансформациям и в итоге довольно сильно отличаются от формы, принятой в науке. Помимо этого, зачастую происходит смешивание психологических знаний с информацией из других источников: личным жизненным опытом выступающих в СМИ, фактами из иных гуманитарных наук (социология, история и т.д.) и медицины, а иной раз и представлениями оккультного характера.

2. Под влиянием психологических знаний, представленных в СМИ, у читательской и зрительской аудитории формируются представления о психологии как об области гуманитарного знания, определяются запросы на работу этих специалистов и социальные ожидания по отношению к ним.

3. Эти представления о психологии, в свою очередь, влияют на работу специалистов, желающих быть социально востребованными, а также стимулируют изменения в методике преподавания психологии (то есть влияют на систему подготовки новых специалистов) и, в конечном итоге, влияют и на научные психологические знания.

В статье на конкретных примерах рассматриваются механизмы этих взаимосвязей и возникающие при этом проблемы. Она основана как на результатах мониторинга представленности психологических знаний в различных СМИ, так и на собственном опыте работы автора в сфере популяризации этих знаний (из-

дание серии научно-популярных книг, регулярные эфиры на «Радио России» и ТРК «Петербург», сотрудничество с газетой «Деловой Петербург», разработка и поддержка Интернет-сайтов психологической тематики и т.д.), а также на опыте личного общения со специалистами, работающими в данной сфере.

1. Широта представленности психологических знаний в СМИ

В настоящее время психологическая информация широко представлена в самых разнообразных СМИ. Отметим важнейшие каналы, по которым она транслируется.

Телевидение, радио. Специализированные передачи, посвященные именно рассмотрению психологических вопросов, пока довольно редки, однако без регулярных выступлений психологов не обходится, пожалуй, ни одно реалити-шоу, а их аудитория составляет многие миллионы зрителей, преимущественно в молодежных кругах. Психологов часто приглашают в ток-шоу, в разнообразные тематические передачи, в прямые эфиры на радио. (При этом тематика эфиров не обязательно является узко психологической, она может быть ближе и к педагогике, и к социологии. Так, уже несколько лет именно психологи ведут на «Радио России» цикл передач «Наш педсовет», где рассматриваются проблемы обучения и воспитания детей и подростков).

Интернет. Имеется ряд сайтов психологической тематики, которые обычно предлагают такой набор информационных ресурсов, как подборка тематических научно-популярных статей, психологических тестов (чаще всего это не научные, а популярные методики, позаим-

ствованные из «глянцевых» журналов; иногда их можно пройти непосредственно на сайте, в интерактивном режиме), форум, ссылки на другие сайты сходной тематики, разного рода справочные материалы. Поскольку такие сайты обычно создаются организациями или отдельными психологами с рекламной целью, на них практически всегда представлена информация о деятельности авторов, описания проводимых ими тренингов с предложением посетить их, приглашения на консультации, рекомендации приобрести что-либо и т.п. Кроме того, психологическая информация широко представлена на сайтах профориентационной тематики, а также на тех сайтах, что ориентированы на родителей.

Периодические издания. Появились специализированная психологическая периодика, рассчитанная не на профессионалов, а на широкий круг читателей, не имеющих специальной подготовки. Подчас она весьма популярна. Так, рассчитанный на широкий круг читателей журнал *Psychologies* («Психология») в последнее время издается на русском языке тиражом 290 000 экз/мес, что на два порядка превосходит средние тиражи научных психологических изданий и делает его одним из самых популярных среди «глянцевых» журналов России. Широко представлены разного рода психологические рубрики и в журналах и газетах другой тематики, как откровенно «гламурной», так и ориентированной на вполне определенный круг профессионалов (например, в газете «Первое сентября»). При этом периодические издания, ориентированные именно на профессиональное сообщество психологов, существуют куда скромнее, их тиражи редко превышают одну-две тысячи экземпляров. А бывшая некогда самой популярной в профессиональном сообществе «Психологическая газета» вообще перестала выходить в бумажном виде по причине нерентабельности из-за низких тиражей (остался только ее

электронный вариант, представленный в Интернете).

Публикации в жанре «поп-психологии». Полки книжных магазинов буквально забиты литературой психологической тематики, рассчитанной на широкий круг читателей. В любом более или менее крупном книжном магазине найдется, как минимум, несколько сотен таких изданий, они практически вытеснили с полок научную психологическую литературу. Вместе с тем, подавляющее большинство из них не является и научно-популярными изданиями в традиционном значении этого понятия, а представляют собой весьма специфический жанр публицистики, за которым закрепился термин «поп-психология». Стилистические особенности этого жанра будут рассмотрены ниже; здесь отметим лишь, что он гораздо ближе к периодическим изданиям, рассчитанным на широкий круг читателей, чем к научным публикациям, и его можно вполне обоснованно рассматривать как разновидность СМИ.

Психологические знания в той форме, как они представляются в СМИ — «вершина айсберга», на основе восприятия которой у широких масс формируется мнение о психологии в целом. Однако этот пласт психологических знаний весьма специфичен. По сути, его представляет совершенно особый круг людей, в большинстве случаев имеющий весьма отдаленное сходство с научным сообществом. У них совершенно другие цели и ценности, авторитеты, представления о профессиональном успехе. И если научный статус (например, ученая степень) имеет в их кругах хоть какой-то вес, то обратная сторона медали отсутствует — в глазах большинства из тех, кто относит себя к научному сообществу, эти люди вообще не являются носителями авторитета. Однако **представления о психологии в глазах масс формируются именно с опорой на тех специалистов, которые ориентированы на работу со**

СМИ, а не на тех, кто является признанными авторитетами в научной психологии. Расспросите старшеклассников и студентов, каких психологов они знают — из научной сферы большинство из них назовет, в лучшем случае, лишь Фрейда, зато обязательно будет упомянут доктор Курпатов и еще 2–3 подобные фамилии.

2. Специфика представления психологических знаний в различных видах СМИ

Психологические знания, представляемые в различных СМИ, формируют общественное мнение о психологии и социальные ожидания к работе этих специалистов. Однако они имеют свою довольно яркую специфику, они отличаются и от изложения научной информации (например, в формате доклада на конференции), и от представления знаний при преподавании психологии. Эти отличия касаются и формы представления информации, и ее содержания. Рассмотрим их применительно к различным СМИ.

Эфиры психологической тематики стали привычным явлением на **радио**. В силу специфики организации таких передач они обычно не включают большого числа участников (как телевизионные ток-шоу), а количество приглашенных гостей ограничивается 1–2 человеками — как правило, специалистами достаточно высокой квалификации. Тема обычно формулируется заблаговременно и звучит достаточно конкретно, однако какого-то детально развернутого плана, по которому будет развиваться беседа, чаще всего нет, особенно если речь идет о прямом эфире. Дословно прописываются лишь вводные и завершающие реплики журналиста-ведущего; часто имеется примерный перечень вопросов, которые предполагается обсудить с гостем (при этом он может быть составлен как журналистом, так и самим выступающим). Вопросы радиослушателей, звонящих в эфир, заранее не за-

писываются, беседа с ними происходит в условиях реального времени. Иногда заблаговременно записываются 1–2 коротких сюжета, которые включаются в передачу — это могут быть, например, опросы прохожих на тему, которой посвящена передача, или мини-интервью еще с каким-то специалистом. Средняя длительность таких эфиров — 25–35 минут, и протекают они в основном в режиме импровизации. Можно отметить несколько особенностей работы психолога в данной сфере.

- Разъяснение психологических вопросов, подчас сложнейших, производится в условиях крайне ограниченного времени. И первопричина этого отнюдь не в дефиците эфирного времени, а в специфике данного жанра СМИ. Длинные, растянутые эфиры, напоминающие по жанру лекционные монологи, не находят отклика у слушателей.

- Психолог, регулярно выступающий в эфире, волей-неволей должен становиться «многостаночником», готовым участвовать в самых разнообразных передачах и без предварительной подготовки складно отвечать на практически любые вопросы психологической (а подчас и не только) тематики.

- Если речь идет о прямых эфирах, то, в среднем, около половины высказываний представляют собой комментарии по поводу конкретных ситуаций, рассказанных слушателями. Налицо весьма жесткая «привязка» психологических знаний к тому жизненному опыту, что стал предметом обсуждения, а не к какому-либо научным теориям.

Вопрос о выборе тех, кого приглашать в эфир, практически полностью ложится на плечи ведущих, которые обычно не имеют специальной подготовки в области психологии, а являются журналистами. Соответственно, при принятии решений о том, чьи проекты продвигать, они ориентируются не столько на уровень профессионализма этих людей (в большинстве случаев они

просто не в состоянии объективно оценить его), сколько на их умение красиво выступать публично. Впрочем, нет оснований обвинять в этом ведущих — даже если они специальную психологическую подготовку, все равно, надо полагать, они поступали бы так же, потому что для успешной работы в прямом эфире коммуникабельность важнее академических знаний.

«Экологическая ниша» психолога на **телевидении** существенно отличается от радио. Специализированные передачи, посвященные обсуждению психологических вопросов, пока относительно редки. Чаще психологи приглашаются в программы для разовых, коротких комментариев по тому или иному вопросу. Это могут быть тематические передачи (например, по проблемам воспитания детей), иногда также аналитические обзоры и выпуски новостей. Популярным персонажем психолог является в разного рода ток-шоу и телепроектах. Однако там он не рассказывает о каких-либо психологических фактах и закономерностях и, тем более, не представляет психологию как науку, а лишь дает личные комментарии по поводу происходящего (или, например, высказывает предположение, как будут развиваться дальнейшие отношения героев). Однако в реальности деятельность психолога в подготовке подобных передач зачастую оказывается существенно шире, чем то, что непосредственно демонстрируется в эфире. Так, он может участвовать в подборе героев ток-шоу или телепроекта, инструктировать их по поводу особенностей поведения в эфире, предварительно беседовать с людьми, присутствующими на ток-шоу в качестве зрителей (объясняя и показывая им, в какие моменты и как демонстрировать те или иные эмоции) и т.п.

Попытки продемонстрировать с помощью телепередач реальную работу психолога-консультанта с клиентами, обратившимися со своими жизненными

запросами, обычно выглядят весьма специфично и существенно отличаются от того, что происходит в реальных консультативных кабинетах. Они рассчитаны, скорее, на внешний эффект, и больше напоминают постановочные сцены. Вот, скажем, клиентка в прямом телеэфире начинает жаловаться известному психологу на то, что у нее проблемы во взаимоотношениях с ребенком, она не знает, как его воспитывать. Психолог же в ответ на это высыпает перед ней кучу деталей из какого-то конструктора и предлагает... собрать из них робота! Когда она застывает в недоумении и говорит что-то насчет того, что хотелось бы увидеть инструкцию по сборке, он поучительно заявляет: вот, дескать, чтобы в конструктор играть — нужны специальные знания, а чтобы ребенка воспитывать — нет?! Почитали бы вы, мамаша, умные книжки по детской психологии!

Продемонстрируй студент-психолог такой способ «консультирования» на экзамене по соответствующему курсу — едва ли он мог бы рассчитывать на положительную оценку. Ведь этот способ рассчитан сугубо на внешний эффект, на то, чтобы быть показательным в глазах телевизионной аудитории, запомниться зрителям. Но вряд ли он способен всерьез помочь клиентке разрешить проблемы во взаимоотношениях с ребенком — быть может, он и побудит ее (а заодно и часть телезрителей) прочитать какую-нибудь полезную книжку, однако более вероятно, что оставит лишь недоумение и обиду. Однако насколько это эффективней в глазах телевизионной аудитории, чем скрупулезное длительное выяснение сущности проблем в детско-родительских отношениях и совместный поиск способов выхода из них!

Интернет-сайты

Представление с их помощью психологических знаний характеризуется рядом особенностей.

- Самый низкий по сравнению со всеми другими СМИ уровень выверенности представленной информации. По сути, в Интернете никто за этим не следит, любой желающий может размещать там информацию какого угодно рода (исключение составляют лишь немногие сайты при профессиональных организациях, например «Психологическая газета»). Во многих случаях, работая с сайтом, не представляется возможным установить, откуда исходит та или иная статья и насколько достоверные сведения в ней приводятся; нередко даже «теряются» фамилии авторов, информация дается анонимно. Встречаются смысловые и грамматические ошибки, разного рода неточности.

- Максимальная легкость доступа к информации. Достаточно набрать 2–3 ключевых слова в любой сетевой поисковой машине (такой, например, как Yandex или Google), чтобы получить ссылки на множество сайтов, содержащих сведения запрашиваемой тематики, с содержанием любого из которых можно немедленно ознакомиться. В глазах большинства пользователей, особенно молодежи, это огромное, стратегическое преимущество Интернета, не оставляющее ни малейших шансов традиционным «бумажным» библиотекам (впрочем, большая часть фондов крупнейших зарубежных библиотек уже доступна в электронной форме, намечается такая тенденция и в России).

- Широкая представленность аудиовизуальной информации. Так, например, в ряде случаев в Интернете возможно не только получить текстовую информацию про тот или иной тренинг, но и посмотреть фотографии с него, а также видеофрагмент, включающий самопрезентацию ведущего и некоторые сцены работы группы (хотя нельзя забывать, что такие фрагменты размещаются не столько с информационной, сколько с рекламной целью).

- «Мозаичность», собранность на одних и тех же сайтах весьма разноплановой информации, а также наличие множества ссылок, ведущих на другие сайты.

3. Популярная психологическая литература

Уже на протяжении 8–10 последних лет наблюдается яркий всплеск активности на рынке популярной психологической литературы. Общее количество изданных книг такого жанра составляет несколько тысяч наименований (что совершенно несопоставимо с количеством литературы такого рода в советские времена и в первые послеперестроечные годы), при этом одновременно в крупных книжных магазинах представлено порядка 200–300 подобных изданий. Средние тиражи такой литературы составляют в настоящее время порядка 4500 экземпляров, бестселлером считается книга, разошедшаяся в количестве 15–20 тысяч экземпляров, а наиболее популярные издания имеют суммарный тираж 300–400 тысяч экземпляров (правда, это не единовременный тираж, а ряд допечаток на протяжении нескольких лет). На фоне тиражей научных психологических изданий эти цифры впечатляют, однако по сравнению с некоторыми другими жанрами популярной литературы (например, оздоровительной тематики) выглядят довольно скромно. Этот рынок развивается преимущественно «вширь», за счет увеличения ассортимента, а не роста популярности отдельных изданий.

Кстати, такой всплеск активности на рынке психологической литературы характерен именно для России и для стран СНГ, что дает основание связывать данное явление с резким изменением социокультурных условий, произошедших в этих государствах. А, к примеру, в США (это страна с самой развитой системой практической психологии; больше половины от общемирового числа психологов живут и работают именно в этой стране)

ассортимент такой литературы, представленный в книжных магазинах, в несколько раз меньше, чем в России. Общее количество психологических изданий там очень велико, однако это преимущественно учебная литература (практически каждый университет издает собственный набор учебных пособий по всем основным курсам) и научная периодика; такие издания там не попадают в обычные книжные магазины, а распространяются через университетские книготорговые сети и через Интернет. Жанр «психологии для масс» представлен небольшим количеством популярных изданий, в основном довольно старых годов выпуска (например, до сих пор пользуются высокой популярностью работы Д. Карнеги и Б. Спока), а также рядом авторов, разрабатывавших свои психологические парадигмы (так, большими тиражами издаются книги К. Юнга и В. Франкла).

Отметим наиболее характерные особенности таких изданий:

- **Ярко выраженная эклектичность.** Популярные психологические издания крайне редко бывают выдержанными в каких-то четко обозначенных научных позициях, выстроены на единых парадигмах. Гораздо чаще для них характерна своего рода «всеядность». В них включается тот материал, который, с точки зрения авторов, наиболее показателен применительно к рассматриваемому вопросу или способен вызвать повышенную заинтересованность читателей, вне зависимости от того, на каких именно научных взглядах он базируется, да и вообще отвечает ли он требованиям научности. Наряду со ссылками на психологические эксперименты, в таких книгах можно увидеть как множество фактов и примеров и из других областей гуманитарного знания (например, из истории или социологии), так и имеющих отношение, скорее, к области масс-медиа (например, описания случаев из биографии эстрадных «звезд» или известных политиков). Подчас встречаются

и откровенно оккультные идеи. Так, недавно вышла написанная авторитетным и довольно известным психологом книга популярного жанра про взаимодействие с деньгами. Наряду с собственной психологической информацией об этой сфере, в книге представлен и «экономический ликбез» (например, сведения о разных моделях финансовых систем), и даже весьма странная рекомендация хранить книгу «в правом верхнем углу квартиры» (дескать, с позиции фэншуй, в таком случае она поможет «притягивать» деньги в дом).

- **Активное задействование личного жизненного опыта** авторов. Наряду с прямыми ссылками на этот опыт (например, рассказом о конкретных случаях из собственной психологической практики) в большинстве случаев имеется и ряд косвенных обращений такого рода. Это могут быть и примеры со ссылкой на каких-то третьих лиц (подчас за ними стоит либо сам автор, либо кто-то из его ближайшего социального окружения), и обезличенные описания тех или иных жизненных ситуаций. Как отмечают некоторые коллеги, весьма любопытно читать популярные книги по психологии, будучи близко знакомым с их автором: в них подчас можно разглядеть в закамуфлированной форме чуть ли не всю его биографию. Однако личные примеры относительно редко используются в неизменном виде — как правило, они в той или иной степени видоизменены, домыслены, иногда несколько реальных жизненных примеров объединены в один. Это делается для того, чтобы они стали более показательными применительно к рассматриваемым в книге вопросам. А в некоторых случаях еще и для того, чтобы избежать предоставления информации, позволяющей однозначно идентифицировать обсуждаемых персонажей (что может привести к разглашению конфиденциальных сведений, в силу чего противоречит профессиональной этике психолога).

• Структурирование материала с опорой не столько на общую логику соответствующих разделов психологического знания, сколько на **конкретные ситуации**, в которых эта информация может оказаться востребованной. Собственно, тематика таких книг и определяется обычно конкретными, бытовыми запросами, такими как «удачно создать семью», «стать более уверенным в себе», «прекратить нервничать по любому поводу», «научиться больше зарабатывать» и т.п. Материал преподносится исходя из подобных запросов, а не исходя из того, в какой же научной школе он наработан.

• Сведение к минимуму использования специальной терминологии, стремление излагать материал языком, который максимально **приближен к разговорному**. Причины этого — не только расчет на то, что читатели могут быть мало знакомы с понятийным аппаратом современной психологии, но подчас и принципиальные убеждения авторов такой литературы. («Если суть психологического понятия нельзя изложить обычным разговорным языком — значит, это понятие надуманное, в реальности за ним ничего не стоит»). Если специальная терминология и применяется, то ее круг невелик (и чаще всего ограничен преимущественно сферой психоанализа), а понятия используются подчас без глубокого понимания их сущности и даже в несколько одиозной манере («На горизонте грозно замаячил Эдипов комплекс, что вызвало сублимацию»).

На рынке современной психологической литературы наблюдается весьма любопытная тенденция: **сближение популярных психологических книг с жанром периодических изданий**. Крупнейшие издательства, работающие с литературой психологической тематики, в последнее время отказываются от публикации отдельных, единичных книг (в силу того, что их стало трудно позиционировать на рынке, и спрос на них зачастую оказывается недостаточным не только для получения до-

хода, но и для самоокупаемости). Вместо этого предпочтение отдается своего рода «романам с продолжением», сериям сходных публикаций. Бывает, в серию объединяются одноплановые книги разных авторов, однако чаще издательства стремятся найти и привлечь к работе тех из них, которые могли бы вести серию единолично, при необходимости опираясь на коллектив соавторов. Как отмечают специалисты в области издательского бизнеса, **чтобы автора-психолога помнили и активно покупали, под его фамилией должно выходить не менее одной новой книги в год**. А лучше — две книги ежегодно (то есть, по сути, речь идет не о каких-то единичных публикациях, а скорее о регулярно выходящем периодическом издании). При этом вполне допускается и соавторство, однако первой на обложке обязательно должна стоять фамилия того, под кого позиционируется данный издательский проект; это требование не личных амбиций, а маркетинга, поскольку фамилия известного автора становится коммерческим брендом. Частичное повторение содержания публикаций не считается чем-то предосудительным (да и возможно ли без этого регулярно выпускать по книге в семестр?..), однако при повторном использовании материал рекомендуется по-другому структурировать и снабдить новыми примерами. Получается, что одна и та же содержательная канва используется автором многократно, каждый раз по-новому «обрастая» конкретикой.

Как правило, даже при реализации перспективного издательского проекта, возглавляемого известным, «брендовым» автором, единовременный тираж каждой книги относительно невелик. Он редко превышает цифру 5–7 тысяч экземпляров, даже если прогнозируемый объем продаж гораздо больше. В принципе, чем выше тираж, тем дешевле обходится для издательства каждый выпущенный экземпляр и, соответственно, большая норма прибыли может быть за-

ложена в данный проект. Однако, с другой стороны, крупный тираж не может быть распродан мгновенно, а деньги, израсходованные на книгу, лежащую на складе — с точки зрения бизнеса «мертвые», выведенные из активного оборота (не говоря уж о том, что есть риск так и не продать эту книгу, да и само ее хранение тоже требует расходов). Поэтому выгоднее оказывается сделать относительно небольшой базовый тираж и регулярно (в случае хорошей динамики продаж — каждые несколько месяцев) выпускать допечатки. Издательства и заинтересованы, в первую очередь, в тех книгах, которые будут востребованы в достаточных для этого количествах. Для авторов, кстати, коммерческий интерес тоже возникает лишь в таких ситуациях — дело в том, что получаемый ими процент от стоимости книги совсем невелик, и говорить о том, что он оправдывает трудовые затраты, можно лишь при тираже порядка 20—25 тысяч экземпляров, то есть после 3—4 допечаток. При меньших тиражах книга решает задачу саморекламы автора, его «пиара», продвижения каких-либо идей, но не является эффективным способом заработка (если, конечно, речь идет об изданиях, рассчитанных на самокупаемость, а не о тех, подготовка которых оплачивается за счет грантов, федеральных целевых программ и т.п.).

Следует отметить, что **специфика большинства современных психологических изданий определяется требованиями не психологической науки, а маркетинга.** В целом, это положительная тенденция, поскольку она способствует более полной ориентации психологии на запросы практики, стимулирует специалистов задумываться над реальными жизненными проблемами, актуальными для читателей. Это позволяет сделать книги более востребованными, приблизить их к интересам потребителей. В настоящее время стало практически невозможно издавать такие тексты, которые представляют собой отвлеченные «интеллек-

туальные игрища» и не отвечают на конкретные запросы аудитории. В то же время, столь яркая ориентация на требования рынка связана и с некоторыми издержками. Так, часто наблюдаются следующие явления:

- **Необоснованное сокращение сроков подготовки изданий.** Атмосфера спешки проистекает из организации работы в издательствах, где материальное стимулирование всех задействованных лиц напрямую связано со стадиями прохождения проектов. Что, в свою очередь, опять же связано с особенностями рынка: недостаточно просто выпустить хорошую книгу, это нужно сделать быстрее, чем идею перехватят конкуренты. Подчас выгоднее оказывается опубликовать посредственную, откровенно недоработанную книгу, но зато в нужный момент, уловив конъюнктуру рынка, чем выпустить высококачественное издание, но несколько позже. С этим, кстати, связан и почти полный отказ от рецензирования таких книг и от их обсуждения на профильных кафедрах — такая процедура занимает, в среднем, несколько месяцев, что с точки зрения издателей является непозволительной роскошью, а на уровень продаж влияет слабо.

- **Затруднения с доработкой книг при их переизданиях.** По сути, автор теряет контроль над дальнейшим движением своего произведения в тот момент, как высылает в издательство первоначальный вариант рукописи, и его желание вносить в текст последующие исправления не находит сочувствия у представителей книжного бизнеса. Если книга хорошо продается, то издатели вряд ли возьмутся за выпуск ее переработанного издания, поскольку это неизбежно связано с дополнительными материальными издержками, а заметного роста прибылей не гарантирует. Вместо этого она будет раз за разом допечатываться в стереотипном варианте, а автору, желающему усовершенствовать ее, предложат вместо этого подготовить новую книгу,

продолжающую развивать тематику предыдущей. Если же книга продается плохо, залеживается на складах — за ее переработку тем более никто не возьмется, поскольку это связано с высоким риском убытков.

• **Подмена тематики изданий и/или их целевой аудитории.** Так, вполне реальные ситуации, когда, к примеру, книга, в которой описан тренинг для подростков (а целевой аудиторией, с точки зрения автора, являются психологи и педагоги, работающие с этим контингентом), в процессе подготовки к печати неожиданно превращается в тренинг для старшеклассников и студентов, адресованный не специалистам, а... самой молодежи! Налицо двойная подмена: и потенциальных участников тренинга, и целевой аудитории книги. Разумеется, такие серьезные изменения требуют кардинальной переработки текста и вряд ли могут быть адекватно осуществлены литературным редактором, не имеющим специальной подготовки в сфере психологии. Тем не менее, книга выходит именно так, как решило издательство, и формально оно абсолютно право (ибо в договоре на передачу авторских прав ясно указано, что издательство может вносить в текст произведения и его название литературно-редакторскую правку). А объяснение у издателей одно, зато бесспорное: так, с точки зрения отдела маркетинга, книга будет лучше продаваться.

Следует отметить, что сходные явления имеют место при издании не только популярных, но и научных, и учебных работ в сфере психологии. Особенно ярко это проявляется при подготовке переводных изданий: так, *Experiential Groups* (что можно приблизительно перевести как «Группы набора жизненного опыта») превращается в «Групповую психотерапию», хотя как раз о психотерапии-то в книге речь почти не ведется, а *Human Development* («Развитие человека») — в «Психологию развития». Приведем еще один пример: когда готовил-

ся к переизданию классический труд С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии», текст решили сократить (очевидно, опять же из маркетинговых соображений — чтобы сделать из двухтомника однотомное издание), что было осуществлено весьма своеобразным способом — из текста удалили практически все сведения, касающиеся онтогенеза рассматриваемых психических явлений. Книга в результате действительно стала компактнее и, в известной мере, удобнее для чтения, однако ее ценность для специалистов, занимающихся психологией развития, резко снизилась. Научная ценность оказалась принесена в жертву удобству использования. И это отнюдь не единичные примеры.

4. Проблемы, связанные с представлением психологических знаний в СМИ и в популярной литературе

Несмотря на отмеченную выше широкоую представленность психологических знаний в различных СМИ, этот процесс в большинстве случаев протекает отнюдь не безоблачно. Так, довольно часто специалисты, представляющие психологические знания в СМИ, прямо **декларируют скептическую, а то и откровенно враждебную позицию по отношению к психологической науке.** Приведем в качестве примера две цитаты из книги Николая Козлова «Философские сказки для обдумывающих жизнь». Это автор, который, по статистике издательского бизнеса, уже много лет является самым читаемым психологом России, суммарный тираж его книг превысил 10 млн. экземпляров. Подчеркнем, что это не уникальный пример, высказывания такого рода весьма типичны для многих популярных авторов.

«Наука — великолепный тихий заповедник, куда так удобно сбежать от людей и жизни: сиди себе с книжечкой и ощущай себя нужным и умным. ... Под-

суесться в аспирантуру и любым способом защититься, потом найти покровителя и с его помощью — уютное, никому не нужное НИИ. Финал — немного поработав локтями, самому стать там маленьким начальником и иметь стабильную зарплату. А что — не пыльно и уважаемо. Не ящики же грузить!» (с. 150). «Текст обязательно делается научным, то есть пишется специальным тяжелым стилем и специальными словами, которые называются научной терминологией. Делается это, как правило, от страха, чтобы редкий будущий читатель не сразу догадался о том, что с самого начала и так печально ясно нашему автору: весь его текст — ахиня» (с. 152–153).

Прежде всего, приходится отметить, что критика такого рода хоть и несколько утрирована, однако в некоторых случаях вполне уместна, и от нее нельзя просто отмахиваться, как от чьей-то досужей фантазии. В самом деле, некоторые научные работы и даже учебные пособия в области психологии выполнены на довольно надуманные, слабо связанные с реальностью темы, да и написаны так, как будто авторы намеренно преследуют цель сделать их как можно менее понятными для потенциальных читателей. По этому поводу остается лишь сожалеть, что отношение к таким неудачным работам подчас переносится на всю научную психологию как таковую.

Тем не менее, обычно подобная критика приводится весьма гипертрофированно и необоснованно абсолютизировано, за ней читается не столько констатация реальных фактов, сколько негативное личное отношение авторов. Чем же оно обусловлено? Конечно, со стороны некоторые недостатки, присущие науке, видны гораздо ярче, чем изнутри. Тем не менее, за таким отношением в ряде случаев стоят и субъективные причины. Дело в том, что большинство из наиболее известных специалистов, взаимодействующих со СМИ, имеют определенный опыт взаимодействия и с акаде-

мической наукой, и с системой высшего образования. И этот опыт оборачивается для них разочарованием и формированием скептического отношения к данным сферам. В частности, как показывают беседы с коллегами, зачастую к этому приводят следующие факторы:

- Почти полная **девальвация профессиональных достижений** на пути взаимодействия со СМИ и популяризацией психологической науки, имеющая место при взаимодействии с ее академическими кругами. Допустим, человек может быть владельцем собственной успешной фирмы, оказывающей психологические услуги, или автором бестселлера, разошедшегося стотысячным тиражом. Однако если он решает посвятить часть времени и сил преподаванию или научной работе, устроившись в какой-либо вуз или НИИ, то вдруг обнаруживает, что все эти достижения не дают ему равным счетом никаких преимуществ, а скорее наоборот. Если у него нет научной степени, он все равно сможет претендовать лишь на статус ассистента или младшего научного сотрудника. А если его книга не обозначена как монография или учебное пособие — то это, дескать, «беллетристика», которую нельзя включать в список публикаций при аттестации на ученое звание. Более того, достижения такого рода даже способны спровоцировать негативное отношение академически ориентированных коллег — дескать, этот человек «выскачка», «самозванец» и т.п. В результате такие специалисты подчас буквально «выталкиваются» из сферы науки и высшего образования — и, разумеется, в итоге у них формируется отрицательное личное отношение к этой системе.

- Крайне высокая **бюрократизированность организации труда** в научных и учебных организациях. Особенно ярко это проявляется в сфере выполнения работ по грантам, государственным контрактам, федеральным целевым программам — то есть как раз там, где есть

возможность получить дополнительное финансирование на реализацию своих научных идей и методических разработок. По опыту общения с коллегами, подавляющее большинство из них **покидают эту сферу после успешной реализации двух-трех проектов** такого рода. Количество бюрократических проволочек оказывается чрезмерным. В самом деле, если даже для того, чтобы израсходовать уже переведенные на счет университета средства гранта для приобретения нужных в работе расходных материалов (скажем, купить несколько пачек бумаги и картридж для принтера), требуется собрать подписи восьми (!) должностных лиц, желание выстраивать карьеру в этой сфере резко снижается. Ведь собственно научными и методическими разработками заниматься в результате становится практически некогда, все время и силы уходят на оформление разного рода отчетных документов.

- Бытующее в официальных научных и вузовских кругах **негативное отношение к поездкам сотрудников**, не связанным непосредственно с должностными обязанностями. Психологи, приобретшие известность благодаря успешному взаимодействию со СМИ, обычно имеют множество приглашений, как по России, так и за рубеж — например, чтобы выступить с публичными лекциями или провести мастер-класс. Тем не менее, обычно подобные резоны для совершения поездки не вызывают сочувствия у руководителей (а от интересных приглашений специалист, разумеется, все равно не станет отказываться). Возможно, конечно, оформление по каждому поводу официальных командировок, однако оно сопряжено со множеством бюрократических проволочек и зачастую требует больше времени и сил, чем собственно совершение поездки. Отъезды же без такого оформления, даже если они не сказываются на выполнении текущей учебной и научной работы, чреваты неприятными разборками с администра-

цией и, формально, могут послужить основанием для различных мер дисциплинарного воздействия, вплоть до увольнения. В подобных условиях некоторым (и отнюдь не самым худшим!) специалистам легче порвать с работой в этих сферах, нежели соблюдать все социальные и бюрократические условности, связанные с регулярными поездками.

Какие бы объективные и субъективные причины ни стояли за пропагандой негативного отношения к науке, допускаемой взаимодействующими со СМИ специалистами, свой вклад в формирование общественного мнения о психологии она, несомненно, вносит. Не хотелось бы переводить дальнейший пласт изложения в дискуссию на извечную тему «кто виноват и что делать». Могу лишь поделиться выходом, который я нашел для себя как преподаватель. Когда на лекциях рассматривается соответствующая тематика, я в режиме «лирических отступлений» время от времени прямо цитирую подобных авторов (впрочем, как выясняется по ходу дела, многие студенты хорошо знакомы с ними и без моего участия). После чего, не вдаваясь в критические комментарии, спокойно поясняю, почему тем, кто хочет стать настоящими специалистами, все-таки желательно знать научные взгляды по соответствующим вопросам, а не ограничиваться процитированными суждениями, и перехожу к изложению этих взглядов.

Говоря о специфике представления психологической информации в СМИ, приходится отметить еще одну тенденцию, на наш взгляд нежелательную и даже опасную, так как она чревата дискредитацией психологической науки как таковой. Это **отождествление психологического и оккультного знания**. Рекламные объявления, в которых комплексно предлагается приблизительно такой набор услуг, как «консультация психолога, психодиагностика, психоанализ, составление гороскопа, коррекция Кармы, приворот, избавление от алкоголизма по фотогра-

фии», уже давно никого не удивляют. Многие выступления в СМИ лиц, позиционирующих себя как психологов, выстроены примерно на таких же позициях. Иногда это обусловлено элементарной некомпетентностью (так, некоторые люди, считающие себя специалистами, вполне искренне не видят разницы между консультированием и коррекцией Кармы, описанием акцентуаций характера и особенностей разных знаков Зодиака, прогностическими способностями и гаданием на картах Таро). Но иногда, увы, и профессиональные психологи начинают пользоваться оккультной терминологией, рассчитывая таким образом привлечь к себе внимание публики.

В принципе, тенденция к отождествлению научного знания с оккультными верованиями так или иначе «всплывает» в самых разных областях деятельности, и научно-технический прогресс здесь мало что изменил: нередко встречаются люди, пытающиеся вступать в «экстрасенсорные диалоги» даже с... компьютерами! Особенно ярко подобные тенденции проявляются в периоды резких социально-экономических перемен, когда общественные условия нестабильны, а система образования и науки оказывается в кризисе. Тем не менее, именно психология, в сравнении с другими науками, оказывается повышенно-притягательной для любителей всего оккультного. Как нам представляется, в основе этого могут лежать несколько причин:

1. Специфика предмета психологии такова, что он дан каждому человеку в непосредственной субъективной реальности, представляется легкодоступным и вполне познаваемым путем самонаблюдения. В научной психологии, правда, от такого подхода к исследованиям давно отказались, и вполне обоснованно считается, что субъективную реальность можно и нужно изучать путем фиксации ее объективных проявлений (в этом смысле, на правомочность пословицы «чужая душа — потемки» профессио-

нальные психологи не посягают). Тем не менее, большинство людей воспринимают психологию, прежде всего, именно как знания о субъективных переживаниях, внутреннем мире человека — и, исходя из этих позиций, считают себя специалистами в ней. (В самом деле, если воспринимать психологию как познание внутреннего мира человека, то кто ж в ней может быть лучшим специалистом, чем сам субъект — его обладатель?) А раз так, то каждый человек, считая себя носителем психологических знаний, самостоятельно и решает, чему именно доверять; ссылка на научные авторитеты, столь распространенная в других областях знания, в психологии работает слабо, здесь каждый считает себя вправе определять эти авторитеты самостоятельно.

2. Тот факт, что психологические феномены непосредственно представлены в жизни всех людей, приводит к возникновению эффекта так называемой «эвристики доступности»: коль скоро человек соприкасается с ними в повседневной жизни и они представлены ему в форме непосредственных субъективных переживаний, он склонен считать их легко предсказуемыми и вполне объяснимыми с позиций «здравого смысла», без апеллирования к специальным исследованиям. В ряде случаев попытки объяснить психологические явления таким образом ведут к серьезнейшим ошибкам. Пожалуй, самая известная и, тем не менее, наиболее распространенная из них — это так называемая «фундаментальная ошибка каузальной атрибуции». (Это склонность при объяснении причин поведения переоценивать значимость личностных факторов и недооценивать влияние ситуаций — дескать, если человек повел себя определенным образом, то это потому, что он сам «такой-сякой», а не потому, что какие-то условия побудили его к этим действиям. А задача психолога видится в том, чтобы описать, каков же этот человек, а не в том, чтобы проанализировать, что

за ситуация побудила его вести себя подобным образом).

Сходным образом и профессиональная деятельность психологов зачастую воспринимается как нечто, осуществляемое по наитию или под влиянием каких-то высших сил, не требующее специальных знаний и умений. Многие люди считают себя способными оказывать подобные услуги, хотя никогда не учились этому. Они-то чаще всего и пополняют сомнительную армию разного рода «астропсихологов», «ясновидящих», «специалистов по коррекции Кармы» и т.п. Здесь возникает параллель с отношением людей к управленческой работе: вряд ли кто-то возьмется без предварительной подготовки управлять автомобилем или самолетом, а вот поуправлять какой-нибудь организацией, проявив себя в качестве менеджеров-самоучек, многие люди считают себя вполне готовыми.

5. Популяризация психологических знаний как поле деятельности для профессионалов

С помощью СМИ в сознании зрителей и слушателей вырисовывается довольно пестрая картина психологического и околопсихологического знания, в которой **штрихов собственно от науки остается не так уж и много**. Тем не менее, именно на основе этой картины формируются социальные ожидания по отношению к психологам, запросы на их работу. В результате специалисты — психологи, желающие оказаться востребованными не только в узком профессиональном кругу, но и среди более широких масс, вынуждены соответствовать ожиданиям, обусловленным имплицитными представлениями о психологии. Что оказывается не всегда просто (так, по данным проведенных нами опросов, около половины подростков воспринимают психолога как врача, специализирующегося на лечении психических заболеваний, в силу чего избегают контактов с

этим специалистом). В первую очередь подобные проблемы касаются, конечно, психологической практики. Однако сходная тенденция наблюдается и в преподавании психологии, и даже, в некоторой степени, в научных исследованиях.

К преподавателю психологии тоже предъявляются весьма специфические ожидания, существенно отличающиеся от тех, что предъявляются, к примеру, преподавателям технических дисциплин. От него не ждут не столько того, что он изложит какие-то психологические концепции, сколько того, что он сам, **собственным примером продемонстрирует модель психологически грамотного поведения**. Проходит лекция? Пожалуйста, покажите нам на ее примере, как же настоящий ас должен выступать публично — ведь вы, психологи, так много об этом пишете и проводите соответствующие тренинги. Семинарское занятие? Замечательно, почему бы нам не поучиться слушать и слышать собеседников, организовывать дискуссию, формировать мотивацию, грамотно парировать «неудобные» вопросы и реплики? Такие ожидания вполне адекватны, квалифицированный специалист может и должен их удовлетворять: ведь, перефразируя народную мудрость, лучше один раз показать, чем сто раз рассказать. Но иногда к преподавателю предъявляются и не вполне адекватные ожидания — например, подчас студенты ждут, что он будет погружать их всех в гипноз или продемонстрирует умение «читать» чьи-нибудь мысли. Отказаться от подобных предложений со ссылкой на неумение — заработать минус в глазах студентов. Выразить готовность их исполнить и потерпеть фиаско — заработать еще больший минус. Перевести в этот момент отношения в официальную плоскость (дескать, подобное не входит в программу, и вообще высказывать такие пожелания не тактично) — сохранить лицо, но потерять эмоциональный контакт с аудиторией. Наверное, в таких ситуациях лучше всего как-нибудь отшутиться.

Современные СМИ, а особенно Интернет создают своего рода «**избыточность информационного пространства**», предоставляя куда больше сведений, чем потребители реально могут и хотят воспринимать. Не составляет сложностей добыть те или иные психологические сведения, куда важнее добыть их в нужный момент, оценить степень их достоверности и применить к решению конкретной проблемы. (Разумеется, это нужно учитывать и в методике преподавания психологии: следует не столько давать знания конкретных фактов, сколько обрисовывать общие ориентиры в рамках данной дисциплины, формировать умение искать нужную информацию, оценивать ее подлинность и применимость в разных жизненных и профессиональных ракурсах). А там, где есть избыточность информации, возникает и ее «естественный отбор» — и протекает он, в данном случае, не столько по критериям научной достоверности, сколько по признакам интересности, легкости и удобства для восприятия. Поэтому зачастую в общем-то бессодержательные, созданные людьми без профессиональной психологической подготовки, но зато написанные легко и увлекательно тексты оказываются куда более востребованными, чем богатые по содержанию, но написанные в более трудной для восприятия манере.

Вообще-то если психолог, имеющий серьезную академическую подготовку, создает с опорой на научное знание продукт, рассчитанный на широкую аудиторию и отвечающий стилистическим требованиям, предъявляемым СМИ, то его труд оказывается более конкурентоспособным, чем произведение того, кто не имеет соответствующей подготовки. Наша читающая и слушающая аудитория пока еще в состоянии отличить настоящие знания от популистских рассуждений на тему, и отдает предпочтение первому — но только при условии, что читать и слушать достоверную информацию о

серьезных психологических вопросах будет легко, приятно и интересно.

Проблема отнюдь не в неподготовленности аудитории, а в том, что **наиболее квалифицированные специалисты, как правило, самоустраиваются от популяризации психологических знаний**, совершенно безосновательно считая это занятие чем-то недостойным для настоящего профессионала, отдающим дешевым популизмом. В какой-то мере такую позицию можно понять и принять — действительно, иногда эта популяризация реализуется столь неквалифицированно, что не хочется, чтобы и тебя стали уподоблять ее авторам, да и в глазах коллег — ученых и преподавателей — такая деятельность подчас чревата утратой авторитета.

Тем не менее, спрос на психологию в широких массах имеется — но, разумеется, не на строго научную, а на представленную, образно говоря, «в красивой обертке». А спрос, как известно, рождает предложение. Вот эта ниша и заполняется людьми, иной раз не только далекими от науки, но и производящими впечатление не вполне грамотных. И до тех пор, пока наиболее квалифицированные, имеющие серьезную научную подготовку психологи избегают работать в этом жанре, тем конкурировать не с кем, кроме себе подобных. А результатом мы имеем то, что общественные представления о психологии, запросы к ней в значительной мере формируются именно такой прослойкой людей — и специалисты, желающие оказаться востребованными и хорошо оплачиваемыми, вынуждены, в свою очередь, соответствовать этим представлениям и ожиданиям. Круг замыкается... А разомкнуть его можно, лишь представляя на высоком профессиональном уровне обширный пласт научно-популярных психологических знаний, ориентированных на широкую аудиторию и отвечающий предъявляемым массовыми слушателями и читателями содержательным запросам и стилистическим требованиям.

Карпов А.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Увеличение количества казино и залов игровых автоматов в России, а также появление ряда новых игровых возможностей, например онлайн-казино и азартных игр через Интернет, вызывает значительную обеспокоенность среди психологов, психотерапевтов, врачей.

Мы представляем краткий обзор, посвященный проблемам влияния азартных игр на отдельных лиц и членов их семей, а также постановки диагноза и методов оценки, которые могут быть использованы психологами, психотерапевтами и врачами.

Подходы к лечению

В мировой практике существует два стандартных подхода к лечению игровой зависимости, которыми пользуются терапевты и консультанты: использование кратковременной, ориентированной на немедленное решение конкретных проблем, терапии [12] и поведенческие и когнитивные терапии, призванные сократить чрезмерные эмоциональные реакции, изменяя поведение и ошибки мышления, в том числе неадаптивные иррациональные убеждения, которые лежат в основе игровых реакций [7, 8].

В дополнение к этим подходам лечения многие консультанты используют комплексный подход, который помогает определить соответствующий уровень развития аддикции и тип лечения для конкретного пациента.

Таким комплексным подходом, например, является планирование лечения «Модель Пути». Подход, представляющий собой комплексный анализ экологических составляющих, особен-

ностей личности пациента, особенностей развития, познавательных способностей, включающий также теорию обучения и учет биологических факторов, разработанный австралийским клиническим психологом, профессором Алексом Блажинским [9].

«Модель Пути» обращает внимание на то, что работа с коморбидными расстройствами азартных игроков должна прежде всего учитывать специфику игрового поведения.

Модель пути

Причины, которые лежат в основе развития патологического гемблинга, разнообразны и сложны.

Социологические, психологические, биографические и биологические данные игрока могут помочь создать представление о факторах, которые способствуют развитию зависимости, и руководствоваться терапевтом при создании всеобъемлющего плана лечения, подходящего для конкретного пациента.

Доктор Блажински предлагает следующую классификацию проблемных игроков:

- непатологические или нормальные;
- эмоционально уязвимые;
- импульсивные [10].

Существуют, однако, некоторые общие факторы формирования зависимости для всех игроков, независимо от подгруппы, к которой они относятся.

1. Политика и общественное мнение. Наличие и доступ к игровым залам. С увеличением количества игровых залов все больше становится зависимых игроков [15].

2. Роль классического и оперантного научения. Исследования показали, что азартная игра приводит к возникновению чувства волнения, повышению возбудимости [14], расстройствам психической деятельности, [18] увеличению ЧСС [6, 20, 11, 16].

Выигрыши происходят с перерывами, скачкообразно, и могут вызывать возбуждение уровня, аналогичного или эквивалентного сильным наркотикам. Переживание этих чувств, а также стимулы извне, связанные с азартными играми, подталкивают окунуться в игру, что приводит к развитию привычки [13, 26].

Розенталь и Лесьер отметили, что игрок испытывает уровень возбуждения в ответ на воздействие ситуации игры или других сигналов, связанных с ней [24]. Более того, предвкушение азартной игры может создавать такое же, или даже большее возбуждение, чем он испытывает непосредственно в процессе игры.

3. Когнитивные искажения. Два наиболее распространенных из них — «иллюзия контроля» и «самообман игрока».

Игра основывается в первую очередь на случайности, но случайность не поддается контролю, и много игроков пытаются контролировать или изменить результаты игрового случая, придумывая и следуя различным замысловатым «системам» или суевериям. Явление «самообмана» происходит после того, как человек испытал несколько поражений подряд. Игрок считает, что счастье придет, удача, несомненно, улыбнется, и что победа совсем близко. В результате ставки становятся крупнее, азартная игра продолжается, несмотря на потери.

Поведение некоторых проблемных игроков можно охарактеризовать подобным иррациональным мышлением или когнитивными искажениями, которые часто приводят к неверной оценке ситуации и ошибкам мышления [19].

Несмотря на то, что факторы, описанные выше, являются, в определен-

ной степени, общими для всех проблемных игроков, есть еще несколько факторов, которые отличают одну подгруппу от другой.

«Обычные» проблемные игроки

«Обычные» проблемные игроки характеризуются благополучным детством и семьей. Увлечение азартными играми и проблемы, связанные с ними, возникают позже, в отличие от игроков, пристрастившихся к игре в подростковом возрасте или после двадцати лет. У них более короткий период чрезмерного увлечения азартными играми, а финансовые проблемы менее серьезные.

Данная группа азартных игроков отличается отсутствием преморбидных психопатологий, а симптомы депрессии и тревоги связаны с ухудшением взаимоотношений и финансовыми трудностями, вызванными тратой денег, и увеличением времени, потраченного на игру. Для многих депрессии и тревожность снижаются после того, как игра берется под контроль и решаются финансовые трудности и проблемы взаимоотношений. На пике своего игрового расстройства некоторые проблемные «нормальные» игроки понимают, что, несмотря на их усилия, не в силах самостоятельно справиться с зависимостью, и прибегают к консультации специалиста.

Для данной группы игроков хорошо работают когнитивная поведенческая терапия, а также терапия краткосрочная, ориентированная на решение проблемы. Когнитивная поведенческая терапия направлена на работу с необычными убеждениями и взглядами, в отношении таких понятий, как контроль, удача, прогнозирование и вероятность [19]. Информирование проблемных игроков в отношении понятия вероятности, на котором строятся все азартные игры, также может быть полезным при

терапии неверных представлений об игре.

Также целесообразно использование краткосрочной, ориентированной на решение проблемы терапии, поскольку «нормальные» проблемные игроки не имеют преморбидных психопатологий, вследствие чего их лечение может принимать менее интенсивные формы. Этот подход предлагает пациентам подумать о случаях из их жизни, когда они успешно применяли соответствующие стратегии и навыки решения других проблем. Подобная оценка навыков может помочь мотивировать и стимулировать их успехи в решении проблем, с которыми они сталкиваются из-за увлечения азартными играми.

«Нормальные» проблемные игроки, как правило, очень успешно проходят лечение, и зачастую быстро вносят изменения в свое поведение с минимальным вмешательством терапевта. Они более успешны в контроле своего поведения в последующих игровых эпизодах, нежели две следующие группы.

Психологически и эмоционально уязвимые проблемные игроки

Эмоционально уязвимые проблемные игроки чаще всего имели тяжелое детство и проблемы в семье. Среди факторов риска можно выделить наличие физического, сексуального и эмоционального насилия, а также отсутствие способности решения проблем.

Такие игроки страдают от психопатологий среднего уровня, например клинической депрессии и тревоги, и более подвержены риску принятия других вредных привычек. Отрицательные эмоции и неспособность управлять стрессом (как негативным, так и позитивным), являются важными факторами, влияющими на их проблемное поведение. Азартная игра для этих игроков — способ отвлечься или отделить се-

бя от своих негативных чувств, временно избежать чувств, связанных с депрессией.

В данном случае цель терапии состоит в разработке способов регулирования стресса и навыков решения проблем для эмоционально уязвимых пациентов. Когнитивная поведенческая терапия хорошо подходит для данной группы пациентов, так как помогает им определить ситуации повышенного риска и позволяет разрабатывать соответствующие стратегии для борьбы с соблазнами и порывами играть. Тем не менее, чувство депрессии и тревоги не всегда снижается у эмоционально уязвимых пациентов после того, как они прекращают играть. В некоторых случаях пациентам могут помочь лекарственные препараты и психотерапия симптомов клинической депрессии и тревоги.

Решение проблем эмоционально уязвимых игроков может быть более сложной задачей, и потребовать большего времени, нежели терапия «нормальных» проблемных игроков. Пристрастие к азартным играм может обостряться в периоды стресса и кризиса, в результате чего воздержание для этой группы является наиболее подходящим выбором.

Импульсивные проблемные игроки

В эту группу входит небольшое количество игроков. Неспособность этих лиц остановить влечение к азартным играм гораздо выше, нежели у «обычных» или эмоционально уязвимых проблемных игроков.

На эту группу игроков оказывают влияние все описанные выше факторы: иррациональное мышление, непонимание принципов вероятности и эмоциональная уязвимость. Тем не менее, в качестве основы формирования зависимости у этой группы игроков выступают неврологические нарушения или нейрохимические дисфункции, связан-

ные с импульсивностью и синдромом дефицита внимания в детстве. Как правило, такие игроки часто испытывали трудности обучения в школе и проблемы концентрации внимания. Их сложно заинтересовать, им трудно придерживаться долгосрочных целей и требуются много усилий для поддержания внимания.

Импульсные проблемные игроки, как правило, во время игры употребляют алкоголь или наркотики, и обращаются к азартным играм в очень раннем возрасте (подростками или в двадцатилетнем возрасте). Они сталкиваются с серьезными финансовыми трудностями, а их кутеж приводит к большей потере денег и наступлению тяжелых депрессий, повышает риск аутоагрессии, злоупотребления алкоголем или наркотиками, преступного поведения.

С этой группой сложнее всего работать, и она плохо реагирует на лечение. Когнитивная поведенческая терапия является полезной, поскольку она позволяет этим пациентам определить свои проблемы, и помогает им лучше понимать и развивать навыки, которые помогут изменить импульсивное поведение. Кроме того, эффективным является использование психотропных лекарственных препаратов для борьбы с данным расстройством.

Сопутствующее лечение

Гемблинг-зависимость часто сопровождается другими психическими и физическими нарушениями, которые необходимо учитывать при лечении. Специалисты, работающие с азартными игроками, должны быть готовы одновременно лечить сопутствующие расстройства.

Например, депрессия может развиваться вследствие проблемы увлечения азартными играми, или же, напротив, может привести к игровой зависимости. Очень важно определить причины про-

блем и взаимосвязи между ними для организации эффективного лечения.

Еще один фактор, который необходимо учитывать, это возможность сопутствующего физического и сексуального насилия. В сложных случаях, сопровождающихся суицидальным поведением, требуются психиатрические консультации.

Игровая зависимость затрагивает родственников игрока, поэтому может потребоваться семейная психотерапия. Наряду с вышеперечисленными методами лечения игровой зависимости мы предлагаем также использование методов, позволяющих вывести пациента в альтернативные измененные состояния сознания.

Феноменология измененных состояний сознания азартных игроков

Результаты наших исследований показывают, что подавляющее большинство игроков, как с поставленным диагнозом «патологическая склонность к азартным играм», так и без него, во время игры испытывают состояния измененного сознания.

В настоящее время в европейской психологической традиции нет общепринятой классификации состояний сознания. К измененным состояниям сознания относят бесконечно большое множество состояний сознания, заполняющее пространство между бодрствованием и сном.

Определения состояний сознания чрезвычайно размыты и не позволяют выделить качественной разницы между ними. Это наблюдается не только в континууме «необычных» состояний обычного (нормального) сознания, но и в таких дуальных его составляющих, каквыми являются здоровое и патологическое состояния сознания [3].

Что касается обычного (здорового) «обыденного» состояния сознания, ему более подходит название «плавающего

осознания», флуктуирующего по глубине в пределах от полного осознания до «нулевого сознания», включая транссовые состояния сознания [2, с. 24–25].

Измененные состояния сознания (ИСС) в культурной антропологии, экзотические состояния в религиоведении обозначают достаточно обширный круг феноменов, которые отличаются рядом параметров от обычного, нормального, бодрствующего состояния человека.

В литературе ИСС определяется как психическое состояние, вызванное тем или иным физиологическим, психологическим или фармакологическим агентом, субъективно описываемое индивидом в терминах внутреннего опыта и при объективном наблюдении за ним характеризуемое как отклонение от определенной нормы функционирования психики (Ф.Д.Гудман, 1983). Ч.Тарт определяет ИСС как качественную перестройку в индивидуальном паттерне психического функционирования.

Согласно уже устоявшемуся определению, аддиктивное поведение характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения своего сознания [4]. Происходит формирование новой аддиктивной личности, которая имеет собственную мотивацию, интересы, направленность, ценностные ориентации, отличные от прежних.

Когнитивная сфера

Патологическим игрокам свойственны когнитивные искажения. Магическое мышление игрока может проявляться в определенных ритуалах, которые необходимо провести, чтобы выиграть; наличии любимого стола или автомата. Гемблеры считают простейшую игру на игровом автомате игрой, требующей навыков. Верят в удачу, в «систему», разработанную ими самими или позаимствованную у кого-либо.

Одно из самых серьезных заблуждений игроков — считать вероятностную

азартную игру способом зарабатывания денег. Игроку присуще убеждение, что можно, не работая, лишь при наличии удачи получить деньги.

В когнитивной сфере проблемных и патологических игроков нарушен антиципационный компонент. Игроки либо не делают прогнозов относительно последствий игрового поведения, либо делают их некорректно. Часто проблемным и патологическим гемблерам свойственна установка, что деньги являются и причиной и решением их проблем.

В исследовании D.C.Hodgins и N.el-Guebaly отмечено превалирование когнитивных факторов влияния над эмоциональными на рецидив азартной игры. Наиболее частый фактор — оптимистичные мысли о выигрыше (чувство удачи и вера в то, что выигрыш возможен) — 23% рецидивов и потребность «сделать деньги» из-за финансового давления или желания отыграться — 17% рецидивов. Оба фактора связаны с финансовыми проблемами и часто являются целью когнитивно-бихевиоральных подходов в лечении. Третья категория связана с неструктурированным временем или скукой — 13% [17, с. 72–80].

По результатам исследования R.A.McCormick и J.I.Taber [22, с. 368–370], среди патологических игроков существует тенденция приписывать результаты событий внутренним, устойчивым и глобальным причинам. Было выявлено положительное отношение между степенью депрессии и тенденцией приписывать отрицательным событиям внутренние, глобальные и устойчивые причины. Результаты исследования показывают, что степень вовлеченности в азартную игру до лечения и атрибутивный стиль влияют на прогнозирование тяжести рецидива гемблинга в течение полугода после лечения.

Патологическому игроку свойственно убеждение о том, что он может каким-то образом контролировать ход и результат игры. Существует три смысла

слова «контроль» в азартной игре. Во-первых, есть адаптивное значение контроля: играть ли, и когда играть на деньги и сколько тратить. Во-вторых, «контроль» может использоваться как иллюзия контроля — суеверное поведение, попытки влиять на выигрыш в азартной игре. И есть третье значение, в котором «контроль» используется относительно гемблинга: некоторые игроки сообщают, что азартная игра — это средство контролировать свою жизнь или финансы. Играть на деньги и сколько тратить на азартную игру — это, по сути, единственный элемент азартной игры, который потенциально может быть полностью под контролем игрока. Внутренний локус контроля относительно азартной игры связан с беспроблемным гемблингом. Азартная игра изобилует примерами ситуаций, не поддающихся контролю. Способность управлять выигрышем или ограничена, или ее нет совсем, как в вероятностных играх типа лотерей. Индивиды могут реалистично полагать, что они не имеют никакого контроля над ситуациями, не поддающимися контролю, что ведет их к отказу от игры или изменению стратегии. У тех, кто придерживается иллюзии контроля над выигрышем, на рациональность процесса принятия решения влияют когнитивные искажения.

S.M. Moore и K. Ohtsuka [23, с. 339–347] провели исследование оценки связи между диапазоном убеждений о контроле и проблемным гемблингом среди молодых людей от 14 до 25 лет. Также исследовалась роль убеждений о контроле в прогнозировании частоты гемблинга. В исследовании 3,8% выборки составляли патологические гемблеры; у 10,8% выборки был обнаружен умеренные проблемы с гемблингом. Выяснилось, что значительная часть испытуемых придерживалась иллюзии контроля над выигрышем, полагая, что они способны повлиять, чтобы выпали «счастливые» номера, а концентрация или

позитивное мышление могут повысить их шансы на выигрыш. Эти убеждения более свойственны подросткам и мужчинам. Они с большей вероятностью считали нужду в деньгах причиной азартной игры и были менее «циничны» относительно выигрыша. Около 2/3 испытуемых полагало, что они имеют рациональный контроль над азартной игрой, то есть могут остановиться и начать игру по своему желанию и придерживаться бюджета. Показатель «циничного» отношения к выигрышу был весьма высок, особенно среди женщин и старших подростков. Молодые мужчины были весьма наивными в смысле наличия несбыточных представлений о шансах на выигрыш и их влияния на получение выигрыша. Это отражено в их более высокой частоте азартной игры и намного более высоких показателях проблемного гемблинга, чем у женщин.

Частота гемблинга и проблемный гемблинг у мужчин и женщин были связаны с тремя факторами: «Иллюзия контроля», «Нужда в деньгах» и «Вера в «системы». Связи этих убеждений с проблемным гемблингом были намного более сильны, чем с частотой гемблинга. Эти комплексы убеждений также находились в сильной взаимосвязи друг с другом. Более рациональная убежденность в контроле над гемблингом и «циничное» отношение к выигрышу были слабо связаны друг с другом и негативно связаны с проблемным гемблингом только для молодых женщин. «Циничное» отношение к выигрышу имело отрицательное отношение к частоте азартной игры только у мужчин. Те, кто играет больше (и женщины, и мужчины), убеждены, что больше контролируют гемблинг. Иррациональная вера поддерживает увеличение азартной игрой и является сильным фактором риска проблемного гемблинга, особенно в том случае, когда рациональный контроль слаб. Здоровый и реалистичный «цинизм» насчет выигрыша является очень

хорошим защитным фактором, хотя он работает различно для мужчин и для женщин. Внутренний локус контроля относительно гемблинга был связан с большей частотой гемблинга для обоих полов в этом исследовании.

Этот результат может отражать низкий уровень приверженности гемблингу большинства испытуемых, так что они действительно не имеют достаточно опыта, чтобы знать, являются ли их механизмы контроля адекватными. Самые серьезные результаты исследования касаются комплекса иррациональных убеждений, которые связаны с азартной игрой для обоих полов. Иллюзия контроля, нужда в деньгах, вера в «системы» — факторы взаимосвязанного комплекса, в котором каждый фактор является предиктором проблемного гемблинга, и в меньшей степени частоты гемблинга.

Приписывание контроля над вероятностными событиями — ключ к пониманию гемблинга. Людям очень трудно принять вероятностный, случайный характер многих событий, и они отказываются исключить роль навыка.

Сфера мотивации

У патологического игрока происходит искажение иерархии мотивов — изначальный мотив развлечения, проведения досуга, реализации азарта заменяется мотивом навязчивой необходимости играть в азартную игру; происходит сдвиг мотива на цель.

Как отмечено выше, для многих мотивом служит возможность получить деньги в случае выигрыша, решить свои финансовые проблемы. Индивид с преобладающей стратегией избегающего копинга использует игру в качестве «убежища», отвлечения от своих проблем или скуки, внутренней пустоты. Для многих игроков важно испытать волнение, удовлетворить «жажду острых ощущений». Обычная, рутинная жизнь

предоставляет не так много возможностей рискнуть, испытать азарт, а в гемблинге игрок сам создает такую ситуацию уже самим фактом участия в игре; причем эта ситуация субъективно быстро обратима, то есть при наличии самоконтроля можно прекратить играть — для этого достаточно просто не делать очередную ставку. Игрок считает (как правило, ошибочно), что он может выйти из игры в любой момент. Такое возможно не во всех ситуациях высокого риска. Думается, игроков часто привлекает именно участие в ситуации «контролируемого» риска. В этом, возможно, состоит сходство игроков с людьми, также стремящимися к риску (высокорискованные спорт или профессия), и отличие от ПАВ-аддиктов, в систему мотивации которых вряд ли входит риск.

Sagrignano, Trope & Liberman [25, с. 364–376], исследуя влияние времени на субъективную значимость величины выигрыша и вероятности выигрыша, выяснили, что в принятии решений об играх в будущем (через 2–3 месяца) игроки более мотивированы игрой с большим выигрышем, даже если вероятность выигрыша будет низкой; принимая решение об игре в настоящем времени, игроки, скорее всего предпочтут игру с высокой вероятностью выигрыша, даже если выигрыш будет небольшим. Например, выбирая лотерею из тех, розыгрыш которых состоится через 2–3 месяца, индивид более вероятно купит билет лотереи с крупным призом, даже если вероятность выиграть очень мала. Покупая билет моментальной лотереи, игрок рассчитывает на большую вероятность выигрыша, хотя бы и мелкого приза.

Вследствие когнитивных искажений, иллюзии контроля над выигрышем игроков привлекает ощущение всемогущества, которое дает выигрыш. Наблюдение за ситуацией, когда выигрывает другой человек, также дополнительно мотивирует игрока.

Эмоциональная сфера

Игроки сообщают, что испытывают сильное чувство вины после проигрыша, после выигрыша ощущают себя всемогущими, всемогущими. Многие игроки часто испытывают состояние скуки, рутины повседневной жизни. Вероятно, проблемным и патологическим гемблерам присуща низкая толерантность к скуке, стремление к сильным эмоциям, которые им позволяет испытать игра. В азартной игре эмоции игрока представляют собой повторение циклов «напряжение (в процессе ожидания результатов игры) — разрядка (при получении результатов игры)». В копинг-репертуаре проблемных и патологических гемблеров преобладает копинг, нацеленный на эмоции. Компulsive игрок чувствует эмоциональный комфорт, только находясь в игре. Некоторые авторы говорят о трудности в идентификации и описании гемблерами собственных чувств; о трудности в различении чувств и телесных ощущений, то есть о признаках алекситимии. Многие исследователи сообщают о депрессии и тревожности патологических игроков.

В отличие от лиц с ПАВ-аддикцией, патологические игроки подвержены азартной игре, находясь не только в негативном, но и в позитивном настроении, что было отмечено в исследовании D.C.Hodgins и N.el-Guebaly [17, с. 72–80], которые исследовали факторы, вызывающие рецидив у патологических игроков. Результаты исследования показывают, что у женщин негативное настроение является одной из основных причин рецидивов, а мужчины с большей вероятностью сообщали о скуке, неструктурированном времени и нужде в деньгах. Негативные эмоции женщин-игроков включали гнев, фрустрацию, тревогу, одиночество, вину; негативные ситуации включали чувство «необходимости избегания» проблем с детьми, трудностей на работе и т.д. Есть неко-

торые свидетельства того, что женщины-патологические гемблеры более вероятно страдают коморбидными расстройствами настроения, чем мужчины.

В исследовании канадских ученых рассматривалась гармоничная и обсессивная страсть к гемблингу. Когда привычка играть перерастает в сверхценное увлечение азартными играми, можно говорить о том, что формируется обсессивная страсть к игре. Результаты исследования показали, что обсессивная страсть к азартной игре связана с проблемным гемблингом и с его негативными последствиями (тревога и чувство вины, низкий уровень концентрации, позитивных эмоций).

Патологические игроки в процессе игры периодически испытывают состояние диссоциации. Диссоциация представляет собой состояние, характеризующееся внезапным временным нарушением нормально интегрированных функций сознания, осознания подлинности своего эго или моторного поведения, в результате которого определенная часть этих функций утрачивается. Диссоциация является защитным механизмом: игрок разрушает сознание, и этим способом борется с эмоциональным конфликтом или внешним стрессом.

Волевая регуляция, внимание и память

Проблемным и патологическим игрокам свойственна слабость волевой регуляции: они часто не в состоянии прекратить игру, хотя многие из них ошибочно полагают, что контролируют количество азартной игры и могут придерживаться бюджета.

В некоторых исследованиях отмечается, что патологические игроки характеризуются наличием синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), то есть невозможностью сосредоточиться на каком-либо одном стимуле, отвлекаемостью на другие, новые стимулы.

Гемблеры обычно хорошо помнят выигрыши, но забывают о проигрышах. В беседе игроки уточняют, что особенно ярко запоминаются выигрыши с неким «магическим» компонентом, когда как будто кто-то подсказывает, какой автомат выбрать, на какое число сделать ставку.

Индивидуально-психологические характеристики

Большинству проблемных и патологических игроков свойственны глубинная неуверенность в себе, низкое самоуважение. При этом компенсаторно они ощущают потребность ощущать себя значимыми, всемогущими. Некоторые исследователи считают, что игроки испытывают враждебное отношение к реальности. Они тратят много времени на фантазирование о том, какие великие и прекрасные дела будут ими совершены после большого выигрыша, и рисуют в воображении картины приятной легкой жизни на огромные деньги, полученные благодаря игре по особой «системе».

Уход от реальности в мир фантазий, в мир игры, говорит о личностной незрелости патологических игроков. Многие из «Анонимных игроков» признают, что прежде не желали взрослеть; они перекладывают с себя ответственность, и это стремление избежать ответственности в итоге становится навязчивой идеей. Психодинамическая концепция расстройства исходит из того, что за нелогичной постоянной уверенностью больного в выигрыше скрываются инфантильные фантазии всемогущества, ожидание неограниченного удовлетворения своих желаний. Постоянное возвращение к игре означает протест, бессознательно-агрессивное отношение к реальной действительности, не желающей подчиняться этим фантазиям. При этом проигрыш не возвращает к реальности, а наоборот, бессознательно воспринимается как неправомерный отказ в удов-

летворении желания и обоснованный повод для протеста, то есть очередной ставки. При наличии глубинной неуверенности в себе и зависимых черт личности существенную роль в поддержании патологического влечения может играть неосознаваемое снятие с себя ответственности с возложением ее на фортуна.

Часто патологический гемблинг коморбиден с нарциссическим, антисоциальным или зависимым личностными расстройствами. Компulsive поведение игрока во многом схоже с поведением обсессивно-комulsive личности; поведение и тех и других имеет характер ритуала или compulsии. Наибольшее значение для них имеют такие защиты, как «уничтожение сделанного», «фантазии о всемогуществе в контроле», «реактивное образование», «репрессия», «отрицание». У игрока превалируют постоянные обсессивные мысли о прошлых и будущих играх; патологический гемблер играет compulsивно, его действиям присущ некий автоматизм; его поведение можно охарактеризовать как ритуализованный процесс.

Самооценка патологических игроков неустойчива, она часто зависит от результатов азартной игры. Существует мнение, что compulsивные игроки подсознательно желают проигрывать, чтобы этим себя наказывать. По классификации DSM-IV патологический гемблинг относят к расстройствам контроля импульсов. Импульс часто характеризуется такими свойствами, как поспешность, необдуманность и порывистость.

Обычно имеет место компромисс побуждений, борьба мотивов между удовлетворением потребности в удовольствии и наказанием. Например, позор, которому подвергается патологический игрок, или его денежные затруднения в связи с долгами. Как показывают повторные эпизодические импуль-

сы, знание о прошлой вине и боли может явиться подкреплением такого поведения. Действительно, в некоторых случаях потребность в наказании предшествует импульсу.

Патологическим игрокам свойственны эмоциональная уязвимость, низкая толерантность к фрустрации, неадекватность копинг-стратегий. В результате стресса индивид использует те или иные копинг-стратегии. Использование эффективного копинга ведет к положительным последствиям, использование неэффективного копинга или дефицит копинг-навыков может вести к аддиктивному поведению, в том числе и к патологической азартной игре. Вовлечение в азартную игру часто вызывается «спусковым крючком», который может быть внутренним (беспокойство, скука и т.д.) или внешним (ссора с супругом и т.д.). После когнитивной обработки это триггерное событие вызывает негативные эмоции, и индивид выбирает копинг-стратегию, чтобы справиться с этими нежелательными чувствами. Использование неэффективного копинга может вести к дальнейшим отрицательным чувствам к себе в течение последующего стресса и к циклу, в котором человек играет в азартные игры в попытке избежать негативных чувств. Напротив, использование эффективного копинга может вести к положительным эмоциям и здоровой адаптации. Патологические игроки часто проявляют трудности в управлении импульсами, неспособность жить в настоящем и другие признаки импульсивности. Импульсивные люди могут вести себя с недостатком ограничения или рефлексии и менее вероятно, что они будут использовать планирование и другие формы адаптивного копинга.

О. R. Lightsey и С. D. Hukey провели исследование, с целью выяснить, уменьшают ли у игроков копинг-стили связь между: а) импульсивностью и стрессом; б) стрессом и гемблинг-пове-

дением, и проверили, являются ли более склонными к азартной игре импульсивные индивиды, использующие избегающий или эмоциональный копинг в условиях стресса. Результаты исследования показали, что у участников-мужчин копинг, нацеленный на задачу, был обратно пропорционально связан с проблемным гемблингом, а эмоциональный копинг был положительно связан с проблемным гемблингом. Избегающий копинг не имел, однако, связи с проблемным гемблингом. У испытуемых мужчин импульсивность, но не стресс была значительно связана с проблемным гемблингом. Для более высокого уровня копинга, ориентированного на задачу, и низкого уровня эмоционального копинга импульсивность имела более слабую значимость для гемблинга. Ни импульсивность, ни стресс, ни стиль копинга не были связаны с гемблингом среди женщин. В противовес результатам мужчин стресс был положительно связан и с импульсивностью и с эмоциональным копингом у женщин-испытуемых [21, с. 202–211].

У индивидов с высокой импульсивностью высокий уровень копинга, ориентированного на задачу, и низкий уровень эмоционального копинга прогнозируют меньший показатель азартной игры. Среди индивидов с низкой импульсивностью высокий уровень эмоционального копинга и высокий уровень стресса являлись более сильными предикторами гемблинга, чем для индивидов с высокой импульсивностью.

В процессе развития расстройства происходит деградация личности патологического игрока. Главным мотивом становится азартная игра, сужается круг интересов. Игрок отдаляется от близких, теряет интерес к работе. Регресс проявляется иногда даже в выборе вида азартной игры — от более сложных карточных игр, в которых кроме вероятности играют роль навык и интеллект, гемблер переходит к наипростейшему

виду азартной игры, не требующему каких-либо интеллектуальных усилий — игровому автомату.

Большинство исследователей считает, что нет преобладания распространенности гемблинга в той или иной расе, а проблемный игрок может принадлежать любому социальному классу. Однако некоторые ученые считают, что в целом более подвержены гемблинг-аддикции лица с доходом ниже среднего уровня. Проблемные и патологические игроки чаще всего вырастают в семьях родителей с игровой аддикцией и другими зависимостями. Российские клиницисты отмечают, что среди 83 зависимых игроков, находившихся на лечении, имели наследственную отягощенность алкоголизмом и наркоманией 44,1%. Наибольшая вероятность стать проблемным и патологическим гемблером у тех, кто начал играть в юношеском возрасте, что обосновывает важность профилактики юношеского гемблинга.

В большинстве своем зависимые игроки одиноки. Возможно, одиночество является не причиной, а следствием гемблинга. Около половины гемблеров имеют историю злоупотребления алкоголем или наркотиками.

С целью получения денег на игру гемблеры могут подделывать документы, воровать, использовать деньги, предназначенные на расходы их семей. Обычно их преступные действия не носят характера насилия; это подлоги, растраты или мошенничество. В силу этих причин игрокам приходится лгать кредиторам, коллегам и близким. При этом осознанным намерением является желание вернуть деньги и отдать долги. Осложнениями, которые обычно наблюдаются при этом, являются охлаждение к родным и отчуждение знакомых, утрата всего, что достигнуто в жизни, суицидальные попытки, тюремное заключение.

В зарубежных исследованиях были определены следующие основные фак-

торы риска возникновения патологического гемблинга: родительская история гемблинг-зависимости; мужской пол; более частый, чем еженедельный, прием ПАВ; проблемный гемблинг и гемблинг повышенного риска в юношестве. Проблемы родителей с азартной игрой являются серьезным фактором риска для возникновения гемблинг-аддикции у их детей. Выделяют и такие «семейные» предикторы расстройств, как неадекватный родительский стиль воспитания и неадекватное отношение к деньгам в семье (от фетишизации денег до отсутствия планирования бюджета).

В.Д.Менделевич полагает, что основной игровой зависимости является «феномен жажды острых ощущений» и, как следствие, высокой степени риска, игры «на грани фола», когда за секунду можно потерять все или приобрести «весь мир» [5].

Вермсер считает, что азартная игра, как и другие аддикции используется для избавления от переполняющих человека эмоций. При этом просматривается некоторая связь между значимым чувством и предпочитаемым видом зависимости. Например, некоторые игроки говорят, что играют только тогда, когда сильно раздражены, что игра действует на них успокаивающе. Вермсер отмечает, что понятие «аддиктивное поведение» является синонимом тяжелой компульсивности, проявляясь в ненасытности, автоматичности и бесконечной повторяемости, и приводя к тяжелым и разрушительным последствиям для аддикта.

Измененные состояния сознания как средство терапии

Семантическая модель В.Налимова описывает сознание как многомерное пространство смысловых фильтров, то есть системы фоновых предположений, установок и психологических характеристик. Кроме того, как известно, че-

ловеческое восприятие концептуально детерминировано. Все когнитивные процессы, базируясь на восприятии, опираются тем самым на определенные концептуальные акцентуации.

Мнения, оформленные в словах, не только создают картину мира, но и определяют наше восприятие нормативного. Научные теории, обуславливая дискретность общественного сознания, перекраивают и ограничивают естественную динамику индивидуального сознания, участвуют в детерминации индивидуального коллективным.

У каждого человека в когнитивном функционировании имеется свое слабое место — «когнитивная уязвимость», которая предрасполагает его к психологическому стрессу.

Личность определяется схемами или когнитивными структурами, которые представляют собой базальные убеждения (позиции). Эти схемы начинают формироваться в детстве на основе личного опыта и идентификации со значимыми другими и, подкрепляясь дальнейшим опытом, влияют на формирование других убеждений, ценностей, позиций.

Из базисных правил, формирующихся по мере развития, формируется персональная матрица значений и смыслов, ориентирующая человека в происходящей действительности. Срабатывают подобные правила в момент осмысления ситуации и проявляют себя в виде автоматических мыслей, проявляющихся спонтанно и запускающихся жизненными обстоятельствами. Они воспринимаются без критики, как бесспорные, без проверки их логичности и реалистичности.

Личность конкретного человека можно представить как некоторый ландшафт с выступающими кое-где «островками» проявленных предсуществующих смыслов. После успешной трансформационной работы возникает некая новая конфигурация личности.

Личность обретает новые возможности восприятия смыслов в виде новых особенностей «рельефа местности». При этом часть «островков» предыдущего состояния может скрываться под водной поверхностью, а вместо них появляются другие участки «суши», имеющие другие «координаты» в смысловом пространстве.

Нейросемантические подходы позволяют объективизировать и количественно оценить состояние важнейших семантических фильтров — представляющих «выпуклости» в случае акцентуации и «впадины» в случае защитного вытеснения.

Исследование, проведенное с участием комбатантов и лиц опасных профессий, выявило наличие грубых деформаций системы смысловых фильтров, с помощью которых личность воспринимает реальность и формирует внутреннюю — психическую реальность. Очевидно, что если процесс трансляции на любом уровне (базовом или социальном) наталкивается на какие-либо искажения, препятствия, то индивид отражает окружающий мир в своей психической реальности искаженно, неадекватно. Результатом такой неправильной трансляции и будут симптомы посттравматических стрессовых расстройств. Каждый человек имеет внутреннюю картину мира, открытую для возможностей постепенных ее изменений. Они происходят постоянно под действием внешней социальной среды и являются следствием адаптивного поведения (эмпирический опыт). В общем виде задачей неосознаваемой психокоррекции является постепенное изменение (переструктурирование — трансформация) психики, в ходе которой происходит искусственное изменение внутренней картины мира и изменение значимостей семантических элементов памяти, необходимого для повышения адаптивности человека, купирования девиантного (отклоняющегося)

поведения и инициирования поведения и состояния, адекватных среде и ситуации, психокоррекции функционального состояния организма.

В работах Ю.А.Бубеева показана возможность управления настройками семантических фильтров с помощью различных методов коррекции. Установлено, что наиболее эффективными являются методы работы в ИСС и комплексные схемы, интегрирующие воздействия на различных уровнях [1, с. 14–16].

Одним из показателей психологической зависимости от игры является воспоминание телесного ощущения, промодулированное положительной эмоцией. Основная задача психотерапии игромании и социально-психологической работы с личностью игромана состоит в девальвации, обесценивании данного эмоционального состояния для индивида с одной стороны и научение продуцированию столь же эмоционально значимых и сопоставимых по силе состояний без использования химических препаратов.

Процесс практической психологической работы должен быть направлен на то, чтобы проявились внезапные озарения-понимания-переживания, благодаря которым человек получал бы новое видение определяющих факторов и связей своей жизни, понимание своего поведения, глобальные аспекты индивидуального способа чувствования своей перспективы. Для таких озарений больше подходит понятие «ага»-переживание, так как в нем личностное открытие именно переживается как единство аффективного, телесного и когнитивного.

Я соглашаюсь с мнением В.В.Козлова, что само по себе когнитивное осознание не приводит к личностному или терапевтическому изменению. Более того — когнитивный компонент озарения в процессе психической реорганизации вытесняется снова. Внутренняя свобода, трансформация и интегра-

ция личности обеспечиваются озарением-переживанием. Именно эмоциональный компонент инсайта способствует аффективной и поведенческой трансформации личности. Понимания, интеллектуального озарения недостаточно, необходимо переживание озарения. Мы не хотим абсолютизировать эмоциональный компонент. Эмоциональное отреагирование не оставляет после себя устойчивого результата, если не сопровождается достаточным пониманием-озарением, переосмыслением, возникновением новых мотивов для деятельности, нового отношения к другим, к себе, нового поведения [2, с. 44–45].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубеев Ю.А. Современные компьютерные психотехнологии личностного роста, оздоровления и саморегуляции // Роль дыхательных психотехнологий в развитии человека. Научно-практические материалы второго «Открытого российского конгресса по дыханию» / Под ред. А.С.Захаревича. — СПб., 2004. С. 15–16.
2. Козлов В.В. Психология творчества: Свет, сумерки и темная ночь души. — М.: ГАЛА-Издательство, 2008. 112 с.
3. Козлов В.В., Бубеев Ю.А. Измененные состояния сознания: Психология и физиология. — М., 1997. 197 с.
4. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. — Новосибирск: Олдсиб, 2001. 251 с.
5. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. — М., 2001.
6. Anderson G., Brown R.I.F. Real and laboratory gambling, sensation seeking and arousal: Toward a Pavlovian component in general theories of gambling addictions // British Journal of Psychology. 1984. 75: 401–411.
7. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. — NY: International Universities Press, 1976.

8. *Beck A.T., Rush A.J., Shaw B.F., Emery G.* Cognitive Therapy of Depression. — NY: Guilford, 1979.
9. *Blaszczynski A.* Pathways to pathological gambling: Identifying typologies, eGambling // The Electronic Journal of Gambling Issues, 2001.
10. *Blaszczynski A.* Overcoming Compulsive Gambling: A Self-Help Guide Using Cognitive Behavioural Techniques. — London: Robinson Publishing Ltd, 1998.
11. *Brown R.I.F.* Models of gambling and gambling addictions at perceptual filters // Journal of Gambling Behaviour. 1988. 4: 224–236.
12. *Dejong P, Kim Berg I.* Interviewing for Solutions. — California: Brooks/Cole Publishing Company, 1998.
13. *Dickerson M.G.* FI schedules and persistence at gambling in the U.K. betting office // Journal of Applied Behavioural Analysis. 1979. 12:3 15–323.
14. *Dickerson M, Hinchy J, Fabre J.* Chasing, arousal and sensation seeking in off-course gamblers // British Journal of Addiction. 1987. 82: 673–680.
15. *Govoni R, Frisch R.G.* Community impact of increased gambling availability on adult gamblers — A four-year follow-up. — Windsor, Ontario. Problem gambling research group, Department of Psychology University of Windsor, 1999.
16. *Griffiths M.* Adolescent Gambling. — London, U.K.: Routledge, 1995.
17. *Hodgins D.C., el-Guebaly N.* Retrospective and prospective reports of precipitants to relapse in pathological gambling // Journal of consulting and clinical psychology. Vol. 72. 2004. N 1. P. 72–80.
18. *Jacobs D.F.* A general theory of addictions: A new theoretical model // Journal of Gambling Behaviour. 1986. 2: 15–31.
19. *Ladouceur R, Walker M.* Cognitive approach to understanding and treating pathological gambling // In A.S. Bellack and M. Hersen (Eds), Comprehensive Clinical Psychology. — NY: Pergamon, 1998. P. 588–601.
20. *Leary K, Dickerson M.G.* Levels of arousal in high and low frequency gamblers // Behaviour Research and Therapy. 1985. 2: 635–640.
21. *Lightsey O.R., Hukey C.D.* Impulsivity, Coping, Stress, and Problem Gambling Among University Students // Journal of Counseling Psychology. 2002. N 2. P. 202–211.
22. *McCormick R., Taber J.* Attributional Style in Patological Gamblers in Treatment // Journal of Abnormal Psychology. 1988. N 3. P. 368–370.
23. *Moore S., Ohtsuka K.* Beliefs about Control Over Gambling Among Young People, and Their Relation to Problem Gambling // Psychology of Addictive Behaviors. 1999. N 4. P. 339–347.
24. *Rosenthal R, Lesieur H.* Self-reported withdrawal symptoms and pathological gambling // American Journal of Addictions. 1992. 1: 150–154.
25. *Sagrignano M., Trope Y., Liberman N.* Time-Dependent Gambling. Odds Now, Money Later // Journal of Experimental Psychology. 2002. N 3. P. 364–376.
26. *Sharpe L, Tarrier N.* Towards a cognitive-behavioural theory of problem gambling // British Journal of Psychiatry. 1993. 162: 407–412.

Кривочурова О.Л.

ТЕЛО И ДУША ЖЕНЩИНЫ В ИСТЕРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Взяться за написание этой статьи меня заставили рассказы на психоаналитических сеансах моих пациенток, с которыми я провожу большую часть своей жизни, а также мои собственные размышления и поиски ответов на вопросы о женственности и женской сексуальности. Наблюдая за семимильными шагами развития современной цивилизации и явным, а порой и отчаянным недостатком культуры в таких важных человеческих процессах как развитие, становление и принятие субъектом своего пола, своей половой идентичности и своей собственной судьбы, я вижу вещи, которые вызывают у меня беспокойство и печаль.

Когда сексуальное заменяется занятиями сексом, порой граничащими с промискуитетом.

Когда ощущение своей уникальной женской идентичности подменяется отождествлением с той или иной «звездой».

Когда живые человеческие желания мужчин и женщин подменяются целями из мира благ и потребления.

Когда в недрах руководства нашей страной рождаются новые «нацпрограммы», направленные на улучшение качества медицинского обслуживания и создание новых медицинских кабинетов с новейшим медицинским оборудованием, а мужчины, женщины и дети болеют все больше, а тяжелые соматические заболевания все молодеют.

Возвращаясь к разговору о женщине, ее душе и ее теле, я попробую высветить с позиции своей профессии, с позиции психоаналитика, саму сущность, сердцевину желаний женщины, женской сексуальности и женского наслаждения. Это будет трудно сделать, не

обратившись к феномену, название которого стало именем нарицательным для многих и граничит с понятием о психическом нездоровье и тем, чему уж точно нет места в современном мире деловых женщин.

Если спросить современных психиатров, отечественных или зарубежных о том, учат ли их сегодня тому, что такое истерия, ответ может неприятно удивить. В современной классификации болезней, которая является главным учебником, по которому учатся современные психиатры, не упоминается истерия. Скорее сейчас говорят о личностных расстройствах, где упоминаются в качестве особенностей личности, например, вспыльчивость, театральность, то есть такие черты, которые выделяются в чистом виде без какой-либо ссылки на специфику психической организации. Таким образом, как недавно на психоаналитическом семинаре сетовали французские коллеги психиатры-психоаналитики, наблюдается невероятное обеднение психиатрии, что отсылает к обеднению более глобального характера — культуры и общества в целом. И, тем не менее, речь в этой статье пойдет о феномене истерии, точнее, об истерическом дискурсе, а также о том, какое все это имеет отношение к женщине, ее телу и ее душе.

Рождение истерии было вовсе не связано с медициной. Но когда медицина стала научной, врач превратился в привилегированного слушателя женщин-истеричек, и, прежде всего, это было связано с тем, что многие из этих женщин жаловались на телесные симптомы. И в то же время они демонстрировали довольно сильное сопротивление против всяких попыток их излечить.

Именно в это время З.Фрейд начал свою работу по исследованию истерии. Одна из первых пациенток, которую встретил З.Фрейд, была очень больна. Госпожа Эмми фон Н., 40 лет, ее настоящее имя было Фанни Мозер. Она происходила из аристократической семьи швейцарских немцев. В 1871 году Эмми фон Н. вышла замуж за русско-шведского промышленника, который заработал большое состояние на торговле дешевыми часами и железнодорожными вагонами в России и Центральной Азии. После смерти мужа от апоплексического удара в 1874 году она унаследовала его состояние и считалась самой богатой женщиной Европы.

Перечень ее телесных и душевных недугов составлял длинный список. Она страдала мучительными головными и лицевыми болями, бессонницей. У нее случались помрачение сознания и видения галлюцинаторного характера. Боли в желудке, сильные мышечные боли в ногах, боли в спине, запинания речи вплоть до заикания, цоканье языком, напоминающее токование глухаря, и нарушения менструального цикла также были для нее мучительны. Она страдала и от тревожных мыслей о том, что что-то может случиться с ее детьми. Эмми фон Н., как и другие истерические пациентки З.Фрейда, консультировались у большого количества разных врачей. Но на самом деле, то, чего все эти пациентки требовали, и то, что З.Фрейд удалось вычленивать, это то, что в их многочисленных симптомах заключалось нечто большее, чем просто физические и душевные страдания. В этом было что-то, что они желали познать, признать, и то, что их делало еще в большей степени больными. И именно это что-то являло собой то препятствие, которое помешало вылечить этих женщин целому ряду хороших врачей. Да ведь это, собственно, и не входило в их задачу, повернуться лицом к вопросу о том, что же такое женщина.

В одном из своих семинаров «Изнанка психоанализа», датированном 1969–1970 годами Ж.Лакан ввел важный психоаналитический концепт «дискурс», который представляет собой определенную структуру, далеко выходящую за пределы речи. Речь может быть случайной или ситуативной. И в отличие от речи дискурс не может быть обусловлен случаем или ситуацией. Дискурс всегда присутствует в базовых отношениях между людьми. Таким образом, дискурс — это наше поведение, наши поступки и наша речь и телесные феномены, вписанные в рамки определенных изначальных отношений.

Ж.Лакан выделил четыре разных дискурса: дискурс господина, дискурс университетский, дискурс аналитика и истерический дискурс. В контексте темы этой статьи нас интересуют два дискурса, определенным образом взаимодействующие и связанные между собой — дискурс господина и дискурс истерический.

В своем более раннем VII Семинаре «Этика психоанализа» Ж.Лакан приводит такой пример дискурса господина. Цитирую: «К чему призывал Гитлер после оккупации Парижа? Преамбула не имеет значения. Она гласит — *«я пришел вас освободить от ...»* неважно чего. Важно то, что следует дальше. А дальше следует — *«продолжайте работать. Главное, чтобы работа не прекращалась»*. Что означает — *«имейте в виду, что происшедшее ни в коем случае не является поводом проявлять какие бы то ни было желания»*. Мораль власти, мораль служения благам сводится к следующему — *«что касается желаний, то вы без них обойдетесь, они подождут»*. Господин всегда обеспокоен только тем, чтобы был порядок, и все работали. Когда мы подчиняемся дискурсу господина, мы одновременно и что-то теряем, и что-то получаем, так как всегда находимся перед выбором, который навязывает нам господин.

Присутствие господина для истерички очень важно, так как она всегда действительно находится в области незнания и неведения. «Я не знаю, я — пустая, объясните мне». В пространстве дискурса истерички постоянно присутствует вопрос о том, как обстоят дела с сексуальными отношениями, то есть о том, как истеричка поддерживает, а точнее будет сказать, не поддерживает сексуальные отношения. Еще для З.Фрейда было ясно, что, то, как обстоят дела у истерички с сексуальными отношениями, для нее совершенно чуждо и неизвестно, то есть, вытеснено и находится в бессознательном. С этим встретился З.Фрейд, начав психоаналитическую практику с пациентками истеричками более сталет назад. Ж.Лакан подчеркивал, что истеричка заставляет нас задумываться о сексуальном наслаждении и о пространстве психической травмы человека.

Между русским словом «наслаждение» и французским «jouissance» существует огромная смысловая разница. В русском языке — это удовольствие в превосходной степени, а во французском языке слово «jouissance» имеет очень яркий сексуальный оттенок, то есть «jouissance» слышится как что-то, что отправляет к оргастическим, в том числе, переживаниям, переживаниям «захваченности», когда человек чем-то захвачен. Наслаждение — не есть удовольствие. Это может быть даже страданием. Принцип удовольствия-неудовольствия, который ввел З.Фрейд, определяя его как основной принцип, которому подчинена психическая деятельность человека, ограничивает наслаждение. Но человек, постоянно, ища удовольствия, склоняется к тому, чтобы перейти эти ограничения принципа удовольствия. Результатом этого становится получение еще большего удовольствия, удовольствия такого высокого града, который человек не может больше выдержать, так как оно невыносимо, мучительно и тяжело. И такое удо-

вольствие Ж.Лакан назвал наслаждением. Например, когда ребенок «закатывается» в крике, плаче. Другой пример, то, что нам всем хорошо известно при переживании щекотки. Или, еще один пример, когда при чесании от чесотки человек может доходить даже до самоожжения. Таким образом, подчеркивал Ж.Лакан, нам становится ясно, что свой симптом, который есть страдание для него, человек может сделать своим наслаждением.

Наслаждение связано с несколькими важными вещами. Во-первых, с неосознанным стремлением человека к смерти. Ведь само наслаждение — это и есть путь к смерти, когда у человека активно присутствует стремление перейти фиксированные границы принципа удовольствия. Во-вторых, наслаждение имеет определенное отношение к различию полов. В этом случае речь идет об идентификации наслаждения как мужского или женского, а также о роли мужчины и роли женщины.

С сексуальным наслаждением каждый из нас встречается как с чем-то, что приходит изначально от встречи с самым первым объектом нашей любви — с матерью. Это связано с тем, что младенец для матери является ее фаллосом, то есть олицетворением всех ее желаний и чаяний. Первичная материнская забота для младенца чрезвычайно важна и необходима. Но стоит добавить, что как только эта естественная материнская потребность превращается в самоцель и получение наслаждения посредством своего ребенка, из животворной она становится смертоносной. Об инцесте много написано зарубежными учеными-исследователями и практиками в области юриспруденции, педиатрии и психоанализа. История сексуального наслаждения — это есть история, всегда связанная с тем, кто для нас является носителем этого наслаждения, что всегда находит выражение у человека в его бессознательных фантазмах.

Например, одна из моих анализанток, рассказывая на сеансе историю рождения у нее дочери, сказала: «Я тогда подумала, что надо попросить Богородицу, чтобы она мне ребеночка дала. Я попросила, забеременела и родила дочь». В этом фантазме отражены несколько бессознательных желаний этой женщины. С одной стороны, речь идет о том, что ее собственная дочь была рождена так же, как и она сама путем непорочного зачатия, с другой стороны, это фантазм о том, что ребенка ей дала мать (образ Богородицы).

Сексуальное наслаждение также всегда связано и с психической травмой. В психоанализе психической травмой является момент, когда субъект воплощает собой инструмент для наслаждения того, кто является для него важным объектом, объектом его любви. Это понятие травмы определено З.Фрейдом, исходя из его психоаналитических сеансов с истеричками, которые рассказывали ему, что они служили для отца или какого-либо другого мужчины объектом сексуального пользования. Часто можно слышать от женщин такие заявления, что «ему от меня нужно только мое тело», «его не интересует моя душа, мой ум», «он не разговаривает со мной, ему нужен только секс» и т.п. Через эти высказывания выражаются их бессознательные сексуальные фантазмы и желания.

Сексуальные фантазмы и желания в психоанализе — это точно не «сиськи-письки», о которых говорят дети, и не то, о чем говорят сексологи и сексопатологи, это лишь частный случай сексуального. В одной из своих работ З.Фрейд сформулировал идею о том, что сексуальное не равняется органическому, что органическое, то есть относящееся к человеческому организму, и сексуальное — это не только не одно и то же, но и противоречит друг другу. Сексуальное возбуждение, писал З.Фрейд, — это некое органическое воз-

буждение, которое становится психическим. Загадочный процесс. Не понятно, как он происходит. Кое-что в этом прояснить нам поможет понимание психического процесса вытеснения, свойственного каждому субъекту. Что подвергается вытеснению? Вытесняются связанные с влечениями представления, которые состоят из вербальной речи и аффектов, посредством которых устанавливаются вербальные связи и смыслы, относящиеся к влечениям и телу и определяющие сексуальность субъекта. Именно поэтому наша сексуальность является следствием процесса вытеснения. Другими словами, процесс вытеснения создает нашу сексуальность, когда разные части и зоны нашего организма означиваются, обретают связи и смыслы, облекаются в фантазии и становятся психическим.

Например, ребенок в раннем возрасте подвергается какому-либо сексуальному воздействию со стороны взрослого. Ребенок переживает определенные телесные ощущения. Потом у ребенка происходит другой опыт, что вызывает у него сексуальные переживания и чувства. И этот опыт новый опыт вызывает в его памяти прежний опыт и прежние телесные ощущения, которые получают теперь сексуальное значение. И происходит вытеснение. То есть, то, что в детстве было чисто органическим, становится во взрослой жизни сексуальным, благодаря появлению сексуального значения. Происходит процесс означивания нашего детского опыта с одновременным вытеснением. Именно так происходит процесс сексуализации и эротизации тела и обретения сексуальности. Другими словами, можно сказать, что таким образом происходит вписывание нашего организма и частей нашего организма как тела и всех частей тела в символический порядок.

Но когда же происходит психическая травма? Тогда, когда у субъекта нет слов, чтобы можно было этот опыт вы-

сказать. Остается лишь переживать его вновь и вновь. Тогда тело или часть тела продолжает оставаться организмом или частью организма, что приводит к состояниям тревоги и беспокойства в актуальных ситуациях, связанных с сексуальным опытом. Понимание этого важно, так как именно эти неозначенные и не сексуализированные части тела и их функции не могут стать объектами собственных сексуальных фантазий субъекта. Вместо того, чтобы быть психически переработанными посредством сексуальных фантазий, они находят свое выражение в соматизации через создание конверсионных телесных симптомов.

Мы говорим «мое тело» и никогда не говорим «я — живой организм». Отсюда и сильные аффекты истеричек — ужас, стыд и отвращение, которые как раз и связаны с переживаниями собственного тела или части собственного тела и его функциями как с организмом и функциями организма. Часто от истерички можно слышать: «Фу, это что-то животное». Ведь животное только и делает, что напоминает человеку, что он есть организм. Сильное чувство стыда вызывают у нас проявления нашей физиологии. Поэтому мы только и делаем, что прячем от себя самих и от других свои физиологические проявления. Именно поэтому мы не просто едим, испражняемся или совокупляемся, а все это происходит посредством фантазии.

На этом пути эротизации и сексуализации тела у девочки возникают большие трудности. Подойти к этому вопросу лучше с другого конца. Истерички своим дискурсом представляют нам мужчин как бессильных и недостаточно хороших, «все мужчины — импотенты». Это постоянное требование истерички можно обнаружить в отношении ко всем мужчинам. Фаллос, который она обнаруживает у мужчины, всегда недостаточен, не тот. Откуда берется такое требование истерички?

Единственное, что может дать ребенку отец — это образец получения удовольствия и счастья в жизни через обладание фаллосом, что идеально подходит для мужского тела и одновременно является символом мужской сексуальности. То, чего нет у отца, то, чего он не может предоставить девочке, — это набор правил о том, как такой настоящей женщиной и какой женщиной нужно быть, чтобы найти единственного и лучшего для нее мужчину. Такого набора правил у отца просто нет. И здесь возникает провал, заключающийся в том, что девочке не на что опереться, что позволило бы ей безошибочным образом выразить свою женскую идентичность. И, собственно говоря, истерия — это и есть попытка женщины как-то с этим обойтись.

Да, девочка получает от отца ценность фаллоса и что такое быть мужчиной, и каким-то образом она вокруг этого часть своей сексуальности выстраивает. Но есть еще некая часть женского наслаждения, которая не может быть представлена через фаллическую мужскую сексуальность. Именно поэтому женщине в большей степени, чем мужчине, угрожает встреча с собственным телом, как с чем-то пугающим и не сексуализированным. Именно поэтому женщина только и делает, что это требует. Требуется то, что предназначалось бы исключительно женщине.

Возможно, поэтому большое значение для женской сексуальности имеет идея о женском теле, для женщины — это что-то очень важное. На поддержание этой идеи женщина может тратить много сил и времени, выстраивая и поддерживая созданный ею в воображении образ собственного тела. Но эта идея и одновременно очень хрупка, о чем также знают все женщины.

Итак, истерическая женщина не знает, не ведает, не понимает и постоянно вопрошает. Каков же ее вопрос? «Я не знаю, что я есть такое — мужчина или

женщина?» И любой ответ, который она получает, не удовлетворяет ее, так как знание не может удовлетворить женщину, ведь она стремится к познанию абсолютной истины. В чем же измерение истины для женщины? Каков же ее истинный вопрос по ту сторону вопроса «Действительно ли я чего-то стою? Стоит ли меня любить?», на который истеричка получает один ответ: «Мной наслаждаются». В этом есть и ее собственное наслаждение, и ее страдание, в том, что для другого, который для нее ценен и важен она — «отброс».

Одна из моих анализанток в течение целого сеанса рассказывала о том, как плохо с ней обращались в детстве ее отец, ее старшая сестра, ее мужчина, в которого она была влюблена. Несколько раз эта молодая и привлекательная женщина повторила в своей речи слово «отброс», говоря о себе в этих отношениях. В конце сеанса я произнесла лишь одну фразу: «Да, вы, действительно, рассказываете о себе как об «отбросе»!» Женщина, услышав это слово из моих уст, была поражена. Она впервые его услышала и увидела смысл того, о чем она рассказывала и того, что есть ее жизнь. На следующем сеансе она произнесла: «Но я хочу слезть с этой иглы!» Я повторила для нее ее слова: «Слезть с иглы?» И она воскликнула: «Боже мой, я — наркоманка! Но я, действительно, наркоманка!» И в этом ее жизнь как бессознательное повторение одного и того же сценария — поиски того, кто будет ею пользоваться, унижая и принося ей страдания, и попытки освобождения и бегства от этой зависимости и жертвенности.

Один из способов женщины как-то со всем этим обойтись — это способ попытаться стать мужчиной, что неизбежно приводит женщину к неврозу. Несмотря на то, что истерички это всегда красивые женщины, в сердце своем они

носят идентификацию с собственными отцами или другими мужчинами, поскольку для истерической женщины, действительно, центральная роль в ее судьбе отведена отцу. Она его воображает и идеализирует, всячески поддерживает его желание и постоянно на него жалуется.

Задаваясь вопросом о собственном отце и его статусе, она особенно чувствительна к его отношениям со своей матерью, то есть с той женщиной, которой отдает предпочтение отец. Женщина желает получить именно у другой женщины ответ на вопрос о своей женской сексуальности и своей женственности. По ту сторону ее вопросов об отце всегда находится ее стремление к измерению истины, ее желание исследовать желание другой женщины, ее способ стабилизироваться в этом мире и найти себя. И в этом стремлении «женщина всегда немного безумна», безумна и телом и душой.

Так чего же хочет женщина? Женщина хочет господина, который знал бы много разных вещей, но не настолько много, чтобы она могла усомниться и перестать верить, что именно она сама и является для него верховной наградой за все его знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакан Ж. Семинар VII Этика психоанализа. — М.: Гнозис / Логос, 2006.
2. Лакан Ж. Семинар XVII Изнанка психоанализа. — М.: Гнозис / Логос, 2008.
3. Лакан Ж. Имена-Отца. — М.: Гнозис / Логос, 2006.
4. Фрейд З. Исследования истерии. — СПб.: ВЕИП, 2005.
5. Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. — М.: Когито-Центр, 2007.
6. Фрейд З. Истерия и страх. — М.: ООО «Фирма СТД», 2006.

Ольшевская Э.Н.

СПЕЦИФИКА МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ В ХОДЕ РЕШЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ Л.КОЛЬБЕРГА

Развитие личности, понимаемое как содержательное изменение основных ее психологических характеристик, осуществляется на всех возрастных этапах и предполагает развитие морального сознания. Период обучения в вузе связан не только с развитием личности студента как профессионала. На всех этапах обучения в вузе происходит дальнейшее развитие морально-нравственной сферы личности. Данный процесс носит объективный характер, связанный с наличием определенного морально-нравственного потенциала. С другой стороны процесс профессионального становления оказывает существенное влияние на развитие морально-нравственной сферы личности студента.

Психологические исследования личностного развития студента, включая моральное развитие, редко соотносятся с профессиональной ориентацией студента, развитием его профессионального самосознания. Процесс морального образования и воспитания в студенческой аудитории не опирается на психологические закономерности развития человека на данной стадии развития. В то же время идет интенсивный процесс развития профессиональной морали, например морали психолога, экономиста, юриста и т.д.

В связи с этим актуальным является изучение морального развития, обусловленного характером выбранной профессии и процессом дальнейшего профессионального становления. Развитие личности специалиста предполагает развитие, как общечеловеческих

ценностей, так и нравственных ценностей определенной профессии.

Основным методом изучения когнитивного компонента морального сознания студентов является проективный метод постановки моральных дилемм Л.Кольберга. Российские исследователи (Л.В.Темнова, А.В.Брушлинский и др.) придерживаются взглядов о том, что метод постановки моральных дилемм является эффективным методом изучения морального мышления личности [1]. Морально-оценочные суждения как итог морального мышления личности рассматривается как своеобразный шаг к пониманию нравственного развития личности, когнитивного компонента морального сознания. Мы основывались на теоретическом положении О.Г.Дробницкого о том, что «моральное суждение является элементарной моделью деятельности нравственного сознания вообще» (Дробницкий О.Г., 1977) [2, с. 30]. Согласно автору нормативное значение моральных суждений выражается в их должностной и ценностной модальности, которая «как раз и выражает в логической форме «практический» характер моральных представлений» [2, с. 30]. Л.В.Темновой установлено, что мировоззренческие взгляды, установки, моральные ценности наряду с другими факторами в значительной степени детерминируют процесс разрешения моральных проблем. Специфическими характеристиками мыслительного процесса при этом выступают социальный аспект мышления, соотношение нравственного рас-

суждения и поступка, идентификация с участниками ситуации [3, с. 19].

В нашем исследовании уровень нравственного развития студентов изучался с помощью постановки дилеммы Л.Кольберга с Гансом.

Изучение особенностей когнитивного компонента морального сознания студентов осуществлялось при оценке ответов испытуемых в ходе решения моральной дилеммы Л.Кольберга с Гансом.

Используя классификацию моральных суждений Л.Кольберга по трем уровням развития и результаты последующего изучения проблемы решения нравственных задач и морального выбора, все ответы респондентов были распределены по четырем группам.

1. Первая группа — суждения, имеющих личностно-значимый характер.

Характерные особенности моральных суждений студентов данной группы:

— рассмотрение ситуации с точки зрения утилитарных (в том числе материальных) последствий поведения;

— ценность личности учитывается в том случае, если она представляет определенный интерес, способна отплатить тем же;

— ценность личности определяется теми чувствами, которые испытывает Ганс к жене.

Типичный способ рассуждения: *«В данном случае я согласен с Гансом, так как можно предположить, что он сильно любит свою жену. Что касается суда над Гансом, то если бы я был на месте судей, я бы осудил его на 1 год условно, с выплатой суммы стоимости лекарства и возмещением морального ущерба».*

2. Вторая группа — суждения, имеющие социально-ориентированный характер.

Характерные особенности моральных суждений студентов данной группы:

— личность принимает во внимание всю многозначность ситуации, рассматривает ее с различных сторон;

— осознанное стремление повиноваться общественным законам и поддерживать социальный порядок; приоритет закона и общественной системы, в ущерб правам ее индивидуальных членов;

— личность оценивается с точки зрения ответственности перед законом, нормами права, защита прав собственности.

Ответы данной группы студентов содержат ссылки на закон, как наиболее стабильную и исчерпывающую систему разрешения моральных дилемм.

Типичный способ рассуждения на этой стадии: *«Однозначного ответа с точки зрения общества и Ганса одновременно быть не может, так как в этой ситуации интересы общества и интересы отдельной личности пришли в конфликт ... Интересами общества является безопасность членов общества, его имущества, его неприкосновенность и жизнь человека ... С точки зрения общества здесь стоит дилемма — сохранить ли жизнь человека и совершить преступление или потерять человека, не переступив моральные нормы...»*

Социально-ориентированный характер суждений соответствует четвертой стадии — стадии социальной конформности по Л.Кольбергу.

3. Третья группа суждений — морально-ориентированный характер.

Характерные особенности моральных суждений студентов данной группы:

— оценка ситуации в моральных категориях добра и зла (честно — нечестно, благородно — подло, морально — аморально и т.д.), при этом личность руководствуется принципами общепринятой морали;

— оправдание кражи обстоятельствами, требующими спасения человеческой жизни.

Типичный способ рассуждения с преобладанием моральной мотивации: *«Если Ганс не сделает все возможное, чтобы спасти жизнь жене, он рискует потерять уважение других. Он совершает свой поступок во имя благополучия другого человека. Хотя для всех лучше, чтобы законы соблюдались, бывают случаи, когда их надо нарушить. Каждый сам должен оценивать конечные результаты своих поступков».*

Морально-ориентированный характер суждений соответствует постконвенциональному уровню — пятой стадии общепринятой морали или ориентации на общественный договор.

4. Четвертая группа — нравственно-автономные суждения, когда личность критически оценивает не только закон, но и нормы общепринятой морали, способной осудить Ганса.

Характерные особенности моральных суждений студентов данной группы:

— жизнь человека имеет высшую ценность, это определяется правом каждого на жизнь как выражение равенства;

— личность оценивается с точки зрения ответственности перед высшим авторитетом — Богом, Библией;

— личность критически осмысливает существующие законы, способна понимать права и обязанности социального окружения. Пример нравственно-автономного суждения: *«Ганс поступил справедливо, независимо от того, была ли эта женщина его женой или нет. Человеческая жизнь является наивысшей ценностью. Зло будет наказано в лице аптекаря. И совершенно неважно, каким путем это будет достигнуто».*

Нравственно-автономные суждения соответствуют высшей шестой стадии морального развития по Л.Кольбергу — стадии автономной морали.

На основании данных критериев были выделены особенности моральных суждений студентов первого и чет-

вертого курсов факультета экономики управления торговлей (специальность: «коммерческая деятельность на рынке товаров народного потребления»). Всего по данной специальности выборка составила 120 человек. Исследование осуществлено на базе БГЭУ (г. Минск, Республика Беларусь).

Особенности моральных суждений студентов-экономистов:

1. Преобладание моральной мотивации в принятии решения о правомерности кражи

На первом курсе данный тип суждений является преобладающим у 37% студентов, на четвертом — у 55% студентов.

Решая дилемму, студенты руководствуются принципами общепринятой морали, оценка поступка Ганса и поведения аптекаря осуществляется с помощью моральных критериев — «морально — аморально», «хорошо — плохо», «благородно — подло». Поведение аптекаря интерпретируется в оценках эгоистичного, жестокого, бессердечного, который давал клятву врача и поступка Ганса как благородного, гуманного, спасающего жену. *Пример: «Да, он должен. Хотя красть нехорошо, но это дело принципа. Раз человек не проявляется доброты, сочувствия, то нужно его проучить. Может, поймет тогда, что из-за жадности денег, позволяет человеку умирать. Это нехорошо».*

Студенты подключают другие виды мотивации — оценку кражи с точки зрения закона, соотношение ценности человеческой жизни и закона. Как правило, такие суждения включают процесс принятия решения, то есть нравственный выбор осуществляется личностью в ходе решения дилеммы. Этот выбор отличается полимотивированностью, столкновением различных точек зрения, борьбой мотивов. В конечном итоге личность провозглашает

свой собственный взгляд на проблему, подчеркивая личное отношение к ситуации. Такие суждения персонализированы, эмоциональны, противоречивы, стремятся быть убедительными за счет нескольких обоснований. *Пример: «Я бы использовала все способы, чтобы спасти родного человека: 1) просьба, мольба, унижение, если не помогает, то 2) украсть, побить, отобрать. В этот момент я не хочу понимать, что не имею права на какое-либо влияние на этого человека, ведь он не обязан мне, но, зная, что есть средство, которое способно вылечить человека, я не простила себе бы беспомощности в его приобретении. Не стану осуждать фармацевта, хотя, зная свой характер, я бы уничтожила его как личность. Ведь речь идет о спасении жизни!»*

Таким образом, данный тип суждений может содержать и признаки автономной морали, и ссылку на закон, но на первый план выдвигается общепринятая мораль — мораль осуждения поведения аптекаря, мотивация его бесчеловечности, жажды наживы.

2. Нравственная автономность суждений

На первом курсе нравственно-автономная ориентация является ведущей для 23% студентов, на четвертом курсе — наиболее выражена у 20% студентов-экономистов.

Нравственная мотивация в решении дилеммы постулирует: «материальное не должно быть выше духовного», «соблюдение важной моральной ценности — жизни», «это не кража с точки зрения нравственности». Данный тип мотивации выступает как приоритетный или основной в суждениях студентов (нравственно-автономные суждения). Нравственно-автономные суждения содержит такой тип мотивации в качестве единственного, выступающего в качестве общечеловеческого нравст-

венного императива: «выше человеческой жизни нет ничего». Такой тип суждений по Л.Кольбергу соответствует 6 стадии — высшей стадии нравственного развития. *Пример: «Я считаю, что должен. Жизнь человека самая большая ценность, которая нам дана... Кража Хайнца — это благородный поступок, основанный на сочувствии, цель которого спасение жизни. Я поступила бы так же».*

Отметим, что главным критерием разграничения морально-ориентированных и нравственно-автономных суждений явилось однозначное и первичное по выдвинутым видам мотивации указание на безусловную ценность человеческой жизни. Такие суждения отличаются зрелой позицией, отсутствием борьбы мотивов. Данные суждения лаконичны и однозначны. *Пример: «Да, должен. Жизнь человека бесценна».*

Независимость нравственной позиции выражается в том, что личность берет на себя ответственность за принятое решение, которое свободно от общепринятой морали, законности или другого авторитета.

Пример 1: «Если он так считает нужным и берет на себя всю ответственность за это. Личные интересы превыше общественных, поэтому в таких исключительных случаях можно и преступить закон». Кража, таким образом, оправдывается исключительностью ситуации, цена которой — жизнь. В данном случае автономная оценка поступка с точки зрения закона приводит к убеждению, что закон несправедлив, и его можно нарушить.

3. Личный характер мотивации

Личностно-ориентированные суждения на первом курсе составляют 23%, на четвертом курсе их удельный вес снижается до 13%.

В качестве важного или основного условия выдвигается любовь к жене,

наличие подлинных чувств, часть таких рассуждений содержит указание на ответственность мужа перед женой. В последнем случае поведение мужа расценивается как должное, и это долженствование вытекает из супружества: Ганс должен спасти жену, только потому, что он ее муж, а не потому, что он ее сильно любит и хочет сохранить для себя. В нашем исследовании это отличие в характере мотивации явилось определяющим критерием для отнесения первых суждений к личностно-ориентированным (муж спасает любимую жену) и социально-ориентированным (муж обязан спасти жену). Иногда два вида мотивации дополняют друг друга:

Пример: «1. Да, должен, если любит жену. 2. Если он ее любит, то, как говорится, все средства хороши. А уже если стоит выбор: идти на воровство или дожидаться смерти близкого человека, то и вопросов не должно возникнуть, из двух зол выбирают меньшее. Тем более если он не попытается ее спасти, потом всю жизнь будет винить себя в ее смерти. И женщина, по моему мнению, вправе рассчитывать на помощь мужа. Ведь быть замужем — это значит быть «ЗА МУЖЕМ», то есть рассчитывать и полагаться на него, надеяться на его поддержку».

Таким образом, личностно-значимые суждения выдвигают условность в принятии решения. В качестве главного условия выдвигается любовь к жене, наличие к ней подлинных чувств; мотивация выбора основана на ответственности за близкого, родного человека.

Особенностью личностно-значимых суждений является ссылка на последствия, включая, не только уголовные, но и моральные последствия (жена впоследствии будет страдать от одиночества). Личностно-значимые суждения содержат указание на противозаконность воровства, и возможность

его оправдания с моральной точки зрения — звучит мысль о необходимости возмещения материального ущерба аптекарю, использования всех легальных средств. С точки зрения личности, решающей моральную дилемму, решение украсть расценивается как единственная возможность, если все остальные средства испробованы.

Личностно-ориентированный характер суждения также содержит оценку последствий для всех героев гипотетической ситуации: *Пример.* «Я считаю, что должен. Если Хайнц очень любит свою жену, так как украл лекарство, жена выздоровела, а ему за это, возможно, ничего страшного не было. Ему, скорее всего, дали бы условно. Но зато любимый человек здоров». Еще один пример: «Однозначно должен!!! Любовь — самое святое чувство на Земле! Я думаю, Хайнц никогда не смог бы простить себе, если бы он не спас жену. А аптекарю и прочим таким следует вспомнить, кого они сами любят или когда-нибудь любили, и помочь другим».

4. Социально-ориентированный тип суждений

На первом курсе данный тип суждения выделен у 17% студентов, на втором курсе — 12% студентов имеют социально-ориентированный тип моральных суждений.

Данный тип суждений всегда содержит ссылку на закон, на оценку действий Ганса с точки зрения права, негативную оценку аптекаря как жадного, бессердечного, злого человека. При этом есть два противоположных варианта ответа: нет, не должен, это противозаконно, необходимо искать другие легальные способы решения проблемы, второй вариант ответа оправдывает кражу только с моральной стороны и предлагает Гансу обязательно возместить ущерб или отбыть заслуженное наказание. *Пример 1 типа суждений:* «На-

верное, должен украсть. Он спасет свою жену, но при этом он может заплатить 2000\$, что и так больше, чем действительная стоимость лекарства. И вообще, зло влечет за собой зло. И изначально неправ был доктор». Пример 2 типа суждений: «Я думаю, что нет, так как за такие поступки сажают в тюрьму. Любую проблему надо пытаться решить законным путем, без грабежа и других нарушений». И в первом и во втором случае отсутствуют признаки автономной морали, общественная система выступает как исчерпывающая для принятия столь важного личного решения.

Характерным для части студентов является отождествление морали, нравственных норм с законом: при этом они допускают нарушение не закона, как есть на самом деле, а норм морали, общественной нравственности, которая наряду с законом гласит «НЕ УКРАДИ». То есть в таких суждениях речь идет не о том, что плох закон, который запрещает воровать в данном случае, а о том, что нравственную норму «Не укради» можно нарушить. *Типичный способ рассуждения: «Жизнь человека важнее, чем многие нравственные принципы».*

Пример: «Да, Хайнци преступил через общественные нормы морали, преследуя благую цель. Ставя перед собой такую цель, как спасение жизни человека, можно перешагнуть через любые законы общности. В той ситуации, в которой оказался Хайнци, это был самый верный выход из ситуации. Он не причинил вреда никому другому, а помог жизни».

В качестве особенностей моральных суждений студентов-экономистов нами выделена негативная оценка действий аптекаря, включая нарушение этического кодекса врача. В ходе решения моральной дилеммы звучит не только

осуждение действий аптекаря, оценка его моральной несостоятельности по человеческим меркам, но и в силу профессии — врач, который давал клятву Гиппократу, не должен использовать свои знания в целях наживы, то есть осуществляется нравственная оценка профессиональных действий. Нравственная оценка профессиональных действий врача наиболее выражена у студентов-экономистов четвертого курса. *Пример: «Да, должен. В его поступке нет ничего преступного. Это просто аморально со стороны доктора, врачи обязаны спасать людей, а не в первую очередь интересоваться материальной стороной».*

Таким образом, среди студентов-экономистов на первом и четвертом курсах преобладает моральный тип мотивации при решении дилеммы Л.Кольберга, отмечена незначительная отрицательная динамика в нравственно-ориентированных суждениях, уменьшается к четвертому курсу число личностно-ориентированных и социально-ориентированных суждений. В целом выделена положительная динамика в морально-ориентированном типе суждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брушлинский А.В., Темнова Л.В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. — М.: Ин-т психологии АН СССР, 1995. 231 с.
2. *Дробницкий О.Г.* Проблемы нравственности. — М.: Наука, 1977. 332 с.
3. *Темнова Л.В.* Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач. Дис. канд. психол. наук. — М., 1991.

Добрых М.О.

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Адаптация является одним из элементов системы управления персоналом предприятия. Несмотря на это, подчас адаптационным мероприятиям в компании уделяется минимум внимания, так как временные и организационные ресурсы управления по работе с персоналом инвестируются преимущественно в развитие системы оценки и обучения. Нередко организации используют только отдельные элементы адаптации, например, проводят для новичков вводные курсы или выдают всем пришедшим справочник сотрудника. Однако для того чтобы проводимые мероприятия были эффективными, необходим системный подход к адаптации новых сотрудников и их стратегиям.

Понятие «стратегия» глубоко вошло в современную психологическую науку. Оно занимает все более прочную позицию, хотя содержание и специфика остаются во многом неопределенными. Видимо, психологов привлекает смысло-жизненная ценность, заложенная в понятии «стратегия». Стратегия характеризует не только вектор действий и поступков, но и вовлеченность личности в переживание происходящего, придающего поведению своеобразные оттенки. В ней закрепляется зависимость жизни от прошлого опыта и индивидуального смысла будущего. Все это и определяет легкость использования понятия при описании самых различных форм психических проявлений.

Можно допустить, что одна из первых активных стратегий адаптации отражена в библейской модели взаимодействия человека с окружающим миром. Она предполагает, что

для несогрешившего человека Эдемский сад был идеальной средой обитания. Человек был призван возделывать и хранить его. Грехопадение необратимо исказило природу человека. Рай перестает быть для него комфортным. Человек стремится к изменению окружающего мира. Начинается мучительная попытка человека своими силами преобразовать окружающую среду. Согрешившие люди срывают листья и изготавливают из них одежду, начинается строительство городов, обработка металлов, возведение башен и т.п. Нередко этот библейский сюжет используется, чтобы выделить важную для понимания роли личности в адаптации деталь. Оказавшись без моральной и физической поддержки, человек обрел возможность саморазвития и преображения. Этот путь ему не был ни кем показан. Он выбрал его сам [5]. Э.Фромм неоднократно подчеркивал, что в ходе исторического процесса человек создает себя сам [10].

Бросается в глаза многообразие видов стратегий: «уверенная, социальная, гибкая, нормативная» (Витенберг Е.В.), «эмоциональная, когнитивная, коммуникативная» (Ардашева А.А.), «субъективно ориентированная, объективно ориентированная» (Коваленко В.П., Наталенко В.П.), «активная, пассивная» (Завьялова Е.К., Посохова С.Т.) [6].

Понятие «стратегия» применяется в отношении адаптации к социальным, культурным, природным факторам, к изменениям внутренней среды организма, к изменяющемуся образу Я. Оно используется и по отношению к какой-либо конкретной ситуации, например

основание профессии, и по отношению вообще к жизни, к миру [1].

Диапазон суждений относительно критериев дифференциации адаптационных стратегий и принципов построения их классификаций достаточно велик. Нередко стратегии основываются на частных психологических или психофизиологических критериях, например на скорость перестройки физиологических реакций, доминирующем эмоциональном переживании. Возможны также стратегии, дифференцирующие адаптационное поведение по высокообобщенным психологическим критериям, в частности по характеру человека, активности взаимодействия с окружающей реальностью. К числу первых относятся стратегии, выделенные Р.М.Баевским. Признавая связь адаптации не только с сохранением функционального уровня физиологических систем, но и с выбором поведения, автор выделяет инертную и пластическую стратегии. В основе дифференциации — скорость перестройки физиологических реакций с одного уровня функционирования на другой, более адекватный изменившимся условиям среды. Формирование каждой из стратегий обусловлено индивидуальными типологическими особенностями человека [6].

В.П.Казначеев, ориентирующийся на конституционально-генетическую обусловленность адаптационного реагирования, выделяет стратегии «спринтера» и «стайера». Стратегия «спринтера» предполагает высокую приспособленность к кратковременным нагрузкам. Длительные нагрузки могут привести к срыву механизмов адаптации и развитию патологических состояний. «Стайер», напротив, способен переносить длительные нагрузки, сохраняя высокую работоспособность и оптимальное состояние физиологических систем [6].

Т.И.Ронгинская выделяет эмоциональную и когнитивную стратегии адаптации. Эмоциональная стратегия обусловлена в большей мере зависимостью личности от среды, от социального окружения, что приводит к конформному, подчиняющемуся поведению. Она направлена на сохранение имеющегося репертуара поведения и сложившихся систем отношений. Личность использует проверенные образцы поведения и получает лишь небольшую степень свободы для активности. Именно эмоциональная стратегия наиболее часто сочетается с желанием спрятаться за неопределенный вариант решения, со стремлением уйти от активного прямого воздействия с проблемной ситуацией, с сопротивлением к адаптирующему воздействию. Подобная стратегия была обозначена как реактивно-пассивное сопротивление, сохраняющее достигнутый уровень адаптированности. Наличие сопротивления приводит к снижению адаптационных возможностей при возникновении новой ситуации. Требуется длительное время для овладения этой ситуацией. Трудности стимулируют избегание, что в итоге может провоцировать глубокий внутриличностный конфликт, вплоть до развития невроза.

Когнитивная стратегия подразумевает развитие критичности, рефлексивности и саморегуляции, способности предвидеть развитие событий и последствия поведения, конструирование поведения в зависимости от объективных признаков ситуации. Поэтому возможна конфронтация со средой, с окружающими людьми. Личность с доминированием когнитивной стратегии адаптации характеризуется сознательным, целенаправленным созданием когнитивных конфликтов, отказов от быстрых тривиальных ответов на языке прошлого опыта, отсутствием опасений за неправильный выбор.

В результате значительно возрастает способность личности к пониманию нюансов собственных переживаний и самоотношения, что, в свою очередь, увеличивает свободу выбора конкретных путей преодоления проблемной ситуации. Когнитивная стратегия позволяет трансформировать содержание внешних стимулов и требований среды. Активное взаимодействие с ситуацией может быть расценено как признак активного сопротивления, направленного на сознательное нарушение имеющегося равновесия. Активная сущность этого вида сопротивления позволяет отнести его к факторам творческого построения жизни [6].

Когнитивная стратегия обладает большими адаптационными возможностями. Как показал В.Франкл, она помогала выживать в жесточайших условиях концентрационного лагеря. Переориентация интеллекта на будущее реально расширяла возможности сохранения жизни. Тот, кто не мог принять будущее, утрачивал духовный стержень, деградировал телесно и психологически [9].

В качестве критерия описания адаптационных стратегий может использоваться ориентация личности на источник информации об изменениях в окружающей среде, в частности на субъективные переживания или на объективную оценку. В процессе длительной адаптации в условиях жаркого климата были В.П.Коваленко и В.П.Наталенко выделены стратегии, условно названные «субъективно и объективно ориентированные». Субъективно ориентированная стратегия адаптации наблюдалась главным образом у лиц с пониженной теплоустойчивостью. Доминирующая роль в регуляции состояния и работоспособности принадлежала эмоциональным переживаниям. На экстремальные факторы внешней среды эти лица реагировали

развитием состояния эмоционального напряжения, чувством тревоги, снижением умственной и физической работоспособности, выраженными физиологическими реакциями. Объективно ориентированная стратегия определялась главным образом информационными признаками, а также мотивационными. Она была свойственна тем, кто был физиологически более устойчив к перенесению условий жаркого климата. Адаптационное состояние формировалось быстро, охватывало различные уровни и психические проявления. Видимо это позволяло сохранять умственную и физическую работоспособность, устанавливать и поддерживать межличностное взаимодействие [цит. по 2, с. 84].

Стратегии адаптации могут определяться смыслом переживаемой конкретной ситуации. Исследования Е.Ф.Мазур и В.Б.Гельфанд показали, что пострадавшие от землетрясения в Армении разделились по специфике осмысления произошедшего события. Одна группа соотносила землетрясение и связанные с ним переживания с прошлым, не влияющим на настоящее. Это благоприятно сказывалось на эмоциональных переживаниях, на определении жизненной перспективы. Другая стратегия выстраивалась на расширении смыслового поля актуальной ситуации. Ситуация воспринималась как причинившая горе, в котором человек не одинок. Собственное положение соотносилось с положением других, преодолевались ощущения изолированности и фиксация только на собственных душевных страданиях, открывались новые смысловые опоры. Ориентация на другого человека обеспечивала сохранение чувства единства со всеми, пережившими трагедию, и позволяла преодолевать болезненное чувство одиночества и уменьшать страдания [там же].

Известны стратегии, основанные на отношении к жизни. А. Менегетти определяет два стратегических типа. Первый тип предполагает отношение к жизни как «неосознаваемой, как таковой» с характерным восприятием жизни через отдельные связи, в которые включен человек. Каждое отношение — это отношение к конкретному явлению, но не к жизни в целом. Человек испытывает существенные трудности в осмыслении целостного жизненного пути и потом представляет свою жизнь как неуправляемый стихийный процесс, как поток явлений, в котором он сам просто подчиняется любым доминирующим тенденциям или воли большинства. Второй тип отношения к жизни основан на постоянном, активном развитии рефлексии. Человек осознает и анализирует свою жизнь как целое, как единство прошлого, настоящего и будущего, превращаясь в творца себя, собственной жизни общества, к которому он себя относит [7].

Отношение к жизни определяло стратегии адаптации в социальной среде у воинов-интернационалистов, получивших ранения или при развитии у них хронических заболеваний. Так в исследовании В.С. Мяготных было установлено, что активно-оборонительная стратегия проявлялась в адекватной самооценке и оценке тяжести заболевания либо в тенденции к его игнорированию. Пассивно-оборонительная стратегия характеризовалась тревожным, депрессивным, ипохондрическим отношением или капитуляцией перед болезнью и ее последствиями. Деструктивная стратегия отличалась асоциальной направленностью и включала в себя элементы делинквентного поведения, сопровождающегося постоянной внутренней напряженностью, мрачно-озлобленным настроением, взрывчатостью, конфликтами с

окружающими людьми [цит. по 2, с. 112].

Классификация стратегий адаптации к социальной среде Э. Фромма опирается на концепцию характера. Для Э. Фромма характер — это не только обеспечение последовательного и разумного поведения, но одновременно и основа приспособления к обществу. Человек организует свою жизнь в соответствии с собственным характером и тем самым достигает определенной степени соответствия между своим внутренним миром и внешним. Стратегии адаптации к социуму отражают два ключевых процесса взаимодействия человека с миром — ассимиляцию и социализацию. Ассимиляция предполагает приобретение и потребление вещей, социализация — установление взаимосвязей с окружающими людьми и самим собой. Второй признак адаптивной стратегии подчеркивает доминирующую форму ориентации личности: продуктивную и непродуктивную. Ориентация реализуется при взаимодействии человека с миром вещей и с миром людей в материальной, эмоциональной и интеллектуальной сфере его деятельности. Э. Фромм полагает, что каждая ориентация диалектична: имеет как позитивный, так и негативный аспект. И любой человек воплощает в себе элементы непродуктивной и продуктивной ориентации. Соотнесение ориентаций в процессе ассимиляции и социализации дает пять стратегий адаптации к социуму: рецептивную, эксплуататорскую, накопительную, рыночную и производящую. Суть непродуктивной ориентации раскрывает рецептивный, эксплуататорский, накопительский и рыночный типы адаптации, а продуктивную — производящий. При этом каждая стратегия реализуется определенным типом личности [10].

Для понимания личностной адаптации имеет смысл то, что продуктивная ориентация распространяется на самого человека, поскольку объектом продуктивности может быть он сам. Эффективность требует от человека не только предмета как данности, но и себя самого, как есть. При продуктивной ориентации субъект обнаруживает себя в качестве наблюдателя складывающейся ситуации, находящегося в определенном отношении к объекту наблюдения. Это дает основания для постановки проблемы адаптации личности к самой себе.

В связи с поисками внутренних резервов адаптации к агрессивным средовым воздействиям сегодня все интенсивнее изучаются особенности преодолевающего поведения. Идея копинга преимущественно связывается с именем Р.Лазаруса. Он определял механизмы совладания как стратегии действий в ситуации психологической угрозы. Копинг-стратегия — это не что иное, как актуальный ответ личности, как способ управления стрессом, основанный на стремлении решения проблем. Это стремление возникает в том случае, если требования активизируют адаптивные возможности. Смысл копинга состоит в некоей попытке, преодолеть ситуацию, будь она угрожающей, опасной, ставящей в неловкое положение или радостной и благоприятной [11].

Копинг направлен на устранение ситуации психологической угрозы, то есть на поддержание баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим условиям. Психологическая значимость копинга заключается в том, чтобы эффективнее адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и, таким образом,

погасить стрессовое действие ситуации [12].

В настоящее время не существует общепризнанной классификации типов совладающего поведения. Однако большинство из них построено вокруг двух предложенных Р.Лазарусом и С.Фолкманом стратегий совладающего поведения: копинг, ориентированный на проблему (*problem focused*), и копинг, сфокусированный на эмоциях (*emotion focused*).

По Р.Лазарусу и С.Фолкману, копинг-поведение имеет две функции (разновидности): фокусирование на проблеме — проблемно-ориентированный копинг (усилия направляются на решение возникшей проблемы); фокусирование на эмоциях — эмоционально-ориентированный копинг (эмоциональное отношение к ситуации) [11].

Первый тип совладания связан с рациональным анализом проблемы, проявляется в самостоятельном анализе случившегося, в обращении за помощью к другим (мобилизуются ресурсы поведения).

Во втором случае мобилизуются ресурсы для регулирования эмоциональных переживаний. Усилия, направленные на регулирование эмоционального отклика на ситуацию стресса, могут иметь много форм: отвлечение от отрицательных эмоций, ориентация на положительные аспекты ситуации, намеренное усиление дистресса, чтобы мобилизовать для действия другие стратегии. Примером эмоционально-ориентированного копинга является: избегание проблемной ситуации, отрицание ситуации, мысленное или поведенческое дистанцирование, юмор, использование транквилизаторов для того, чтобы расслабиться.

Как отмечают Folkman S. и Lazarus R.S., проблемно-ориентированные формы копинга, скорее всего, будут ис-

пользованы, если результат столкновения оценен субъектом как поддающийся изменению. В то время как эмоционально-ориентированные формы копинга более вероятны, если ситуация оценивается им как неподдающаяся изменению [Там же].

Совладающее поведение дифференцируется с точки зрения эффективности совладания. В большинстве психологических источников критерий эффективности совладания связывается с психологическим благополучием человека, что выражается в снижении уровня тревожности, раздражительности, психосоматической симптоматики, депрессивных показателей.

В зависимости от степени конструктивности совладающих стратегий они могут способствовать или препятствовать успешности преодоления профессиональных стрессов. «Здоровое» преодоление является активным в совокупности с положительным использованием социальных ресурсов (контактов), повышает стрессоустойчивость человека.

Адаптационные стратегии в условиях профессиональной деятельности зависят от психологических свойств личности. Среди базовых личностных факторов, оказывающих влияние на успешность адаптационных стратегий человека в стрессовой (проблемной) ситуации, обычно выделяют жизненный опыт, локус контроля, самооценку (сила Я-концепции как фактор внутренней регуляции поведения), креативность (оригинальность, гибкость мышления, открытость новизне и разнообразию идей), позитивность мышления, активная мотивация преодоления (отношение к проблеме как возможности приобретения личного опыта, личностного роста), активная жизненная установка (чем активнее отношение к жизни, тем выше адаптивность), оптимизм [8].

Это подтверждается исследованием Е.В.Витенберг, которая, изучая социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям, установила четыре адаптивных стратегии: «социабельную», «гибкую», «уверенную» и «нормативную». Важно, что каждая стратегия обуславливалась личностными свойствами, одни из которых могли способствовать, а другие препятствовать адаптации. Например, лица, использовавшие «уверенную» стратегию, обладали способностью преодолевать препятствия, уверенность в себе, высокой самооценкой. Эти психологические особенности обеспечивали адаптивный эффект. Одновременно им были свойственны такие психологические особенности, которые препятствовали адаптации, прежде всего — недостаточная гибкость и нетерпимость по отношению к недостаткам других [3].

Н.Е.Водопьянова показала связь копинг-стратегий с жизненной позицией личности в современных условиях существования. Лица с доминированием активной жизненной позиции обладают большей гибкостью стратегий преодоления стрессов, большей социальной смелостью и устойчивостью к стрессам кризисного периода общества. Несомненным подтверждением этого вывода послужили реальные факты. Вопреки обострению социально-экономического кризиса, 80% лиц, имевших высокий индекс жизненной активности, не только сохранили уровень профессиональной успешности, но в ряде случаев повысили свой статус [4].

Копинг относится к важным процессам психосоциального приспособления, которое обусловлено способностью и умением организма справляться с социальными условиями и условиями окружающей среды. Е.Хейм, выделивший 26 форм копинга, предло-

жил классификацию соотнесения адаптивных стратегий и копинга. Каждая стратегия обладает или адаптивными, или неадаптивными возможностями. Так, в поведенческой сфере адаптивные стратегии копинга реализуются через сотрудничество, общение, альтруизм и самообладание, относительно адаптивные — через компенсацию, разгрузку, отвлечение и конструктивную активность, неадаптивные — через активное избегание, отсутствие, покорность, самообвинение и агрессивность. В когнитивной сфере адаптивные стратегии копинга прослеживаются в проблемном анализе, установке на собственную ценность, относительно адаптивные — в относительности, в определении смысла события, религиозности, неадаптивные — в смиренности, растерянности, диссимуляции и игнорировании. К адаптивным стратегиям в эмоциональной сфере были причислены протест против трудностей и оптимизма, к относительно адаптивным — подавление эмоций [12].

В настоящее время получены экспериментальные доказательства связи копинга и адаптационного поведения. Исследуя подростков, Н.А.Сирота и В.М.Ялтонский установили, что подростки демонстрируют модели активного адаптационного функционального копинг-поведения, псевдоадаптивного дисфункционального копинг-поведения, а также пассивного и дезадаптивного копинг-поведения. Основной результат использования подростками соответствующих возрасту копинг-стратегий с преобладанием активных проблем разрешающих и копинг-ресурсов — социальная интеграция и конструктивная адаптация. Модель псевдоадаптивного дисфункционального копинг-поведения реализуется в конечном счете в дезадаптации, социальной изоляции. Она наиболее харак-

терна для подростков — воспитанников детского дома. Этой модели присущи преобладание пассивных копинг-стратегий над активными, преимущественная ориентация на «избегание» и уход от решения проблем, а также низкая эффективность использования личностно-средовых ресурсов [цит. по 2, с. 134].

Анализ известных в литературе стратегий адаптации приводит к заключению о том, что они могут быть объединены в два больших класса: стратегии самораскрытия личности и стратегии самосохранения личности. Наиболее характерные признаки каждой из стратегий сводятся к следующему. Суть стратегии самораскрытия заключается в том, что при изменении привычных внешних или внутренних условий существования личности отказывается от устаревших, переставших быть эффективными стереотипов взаимодействия с обществом, культурой, предметами, природой и собой. Человек начинает активно создавать новую систему взаимоотношений. Стратегия самораскрытия — это стратегия преобразования себя, условий, прежнего образа жизни. Ее ядро составляют совершенные самой личностью внутренние и внешние трансформации, преодоление трудностей, неудовлетворяющих отношений. При этом личность ориентирована исключительно на собственные резервы, собственный внутренний потенциал, готова отвечать за свои действия и решения и за свою судьбу.

В основе стратегии самораскрытия лежит реалистическое отношение к жизни, понимание сложности, неоднозначности происходящего, способность видеть не только негативные стороны действительности, но и ростки нового, позитивного. Человек воспринимает многие преграды как преодолимые, при этом он ориентируется на собственные возможности и знания

объективных условий. Доминирующий мотив успеха обеспечивает высокую целенаправленность, организованность и структурированность жизненной деятельности личности. Стратегия реализуется преимущественно на позитивном эмоциональном фоне: радость, ощущение счастья, наслаждение разнообразием жизни, в том числе трудностям.

Стратегия самораскрытия обеспечивает не только возможность выживания, но и развития, самосовершенствование личности при глубоких социально-экономических и культурных преобразованиях общества, экстремальных природных условиях. Возможно, что к подобной форме адаптивной стратегии одни приходят сразу, обладая необходимым адаптационным потенциалом для быстрого выхода из состояния социально — эмоционального шока или для предупреждения его возникновения. Другие постепенно овладевают этой стратегией, через различные по продолжительности этапы реализации менее эффективных форм адаптационного поведения. Основная ценность стратегии самораскрытия заключается в активном отношении к окружающей реальности, в потенцировании прогрессивных изменений общества и реализации собственных возможностей и индивидуального жизненного ресурса. Однако это не исключает противоречивых тенденций в поведении, психическом состоянии и в межличностных отношениях личности.

Индивидуальная стратегия адаптации необходима для сохранения уникальности личности, постоянно взаимодействующей с изменяющейся окружающей реальностью, для создания собственной модели мира и своего Я. Личность выступает в роли основного регулятора реализации стратегии, обес-

печивая ее качественное своеобразие и определяя ее динамические особенности. Это структурирует общий адаптационный эффект, выделяет из беспорядочных поведенческих проявлений те, которые необходимы личности, вовлеченной в преобразующую среду.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. — М., 1991.
2. *Виттенберг Е.В.* Адаптация к новым социальным и культурным условиям в России. — СПб., 1994.
3. *Виттенберг Е.В.* Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям. — СПб., 1994.
4. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Стратегии и модели преодолевающего поведения // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / Под. ред. Г.С.Никифорова, М.А.Дмитриевой, В.М.Снеткова. — СПб., 2001. С. 311–329.
5. *Георгиевский А.Б.* Эволюция адаптаций: историко-методологическое исследование. — Л., 1989.
6. *Кузнецов П.С.* Адаптация как функция развития личности. — Саратов, 1991.
7. *Менегетти А.* Введение в онтопсихологию. — Пермь, 1991.
8. *Нартова-Бочавер С.К.* Coping behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. № 5. С. 53–61.
9. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
10. *Фромм Э.* Человек для самого себя. Психоанализ и этика. — М., 1993.
11. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. — NY, 1984.
12. *The Social Context of Coping.* — NY: Plenum Press, 1991.

Шмелева И.А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Генеральная ассамблея ООН в 2002 году объявила период с 2005 по 2014 год десятилетием образования для устойчивого развития (ОУР) под эгидой ЮНЕСКО. Стратегия европейской экономической комиссии (ЕЭК) ООН для ОУР была принята на Совещании высокого уровня представителей министерств по охране окружающей среды и образования в Вильнюсе в 2005 году. Стратегия обозначила в качестве основной цели включение ОУР в системы формального образования в рамках всех существующих дисциплин. Также была отмечена роль неформального образования и просвещения и поддержки научных исследований в области ОУР и его развития, что, по мнению ее разработчиков, должно содействовать устойчивому развитию (УР) человеческого сообщества.

В стратегии отмечается, что образование выступает одной из предпосылок для достижения устойчивого развития и важнейшим инструментом эффективного управления, обоснованного принятия решений, развития демократии. По мнению разработчиков стратегии, ОУР может способствовать изменению взглядов людей, развитию критического мышления и повышению информированности, давая им возможность делать наш мир более безопасным, более здоровым и более процветающим, тем самым, повышая качество жизни. Такой подход, как полагает А.Д.Урсул (2005) вооружит людей знаниями и специальными навыками в области устойчивого развития, повысит их компетентность и уверенность в себе, расширит из возможности вес-

ти здоровый образ жизни в гармонии с природой и проявлять заботу о социальных ценностях, равноправии полов и культурном разнообразии.

Как отмечал В.И.Данилов-Данильян (2002), «на тех людях, кому доступно понимание экологического вызова, лежит особая ответственность перед человечеством за правильный выбор стратегии его развития, в связи с чем, необходимы экстраординарные усилия в области образования и воспитания, чтобы этот выбор был реализован». Основу всех этих мер должна составлять работа по *экологизации* общественного сознания. Согласно А.Печчеи (1985), культурная эволюция является важнейшей целью и основой человеческого развития, а экологическая культура (Мазур И.И., Козлова О.Н., Глазачев С.Н., 2001) — это новое качество культуры как отражение целостного мира на основе его практического, интеллектуального и духовного постижения. Возможность перехода человечества к УР определяется людьми, понимающими смысл вопроса, желающими и умеющими приложить свои знания и усилия к решению насущных проблем человечества (Глазовский Н.Ф., 2005).

Стратегия декларирует, что ОУР — это процесс, продолжающийся на протяжении всей жизни, начиная с раннего детства до получения высшего образования, охватывающий образования для взрослых, процесс, выходящий за пределы формального образования. Поскольку система ценностей, образ жизни и жизненные установки формируются в раннем детстве, особое значение приобретает образование детей,

создания условий для развития экологического сознания, формирования экологической культуры. Как отмечают специалисты, предметом развития в процессе современного школьного обучения должно быть именно сознание учащегося, как системное единство всех сфер психики, определяющее и выражающее его отношение к окружающему миру, к другим людям и самому себе, как части этого мира (Панов В.И., 2007). Развитие экологического сознания, отношения в природе выступает как цель экологического образования и воспитания (Дерябо С.Д., Ясвин В.А., 1996; Ясвин В.А., 2000).

Высшее образование должно вносить существенный вклад в процесс формирования соответствующего багажа знаний и компетенций. Для этого, согласно стратегии, ОУР должно быть включено в учебные программы на всех уровнях, включая профессиональное образование, подготовку преподавателей и непрерывное образование руководителей специалистов. Задачи, перечисленные в стратегии, определенно указывают на роль гуманитарных аспектов образования в продвижении идей устойчивого развития, а также на задачу рассмотрения экологической культуры, в качестве неотъемлемого компонента систем образования и воспитания, на что неоднократно указывали российские ученые (Глазачев С.Н., 2007; Яницкий О.Н., 2007).

В.И.Вернадский (2002) в середине 30-х годов XX столетия высказал идею о том, что эволюционный процесс создал новую геологическую силу — «научную мысль социального человечества». М.В.Булгаков еще в 1925 году писал, что «разруха... — в головах». Многие исследователи убеждены, что экологические проблемы человечества создавались и создаются людьми (Uzzell D., 2000), а главная работа по решению проблем, стоящих перед чело-

вечеством предстоит именно над сознанием человека (Данилов-Данильян В.И., 2001). Поэтому, именно психологии, как науке о человеческом сознании и поведении, а также философии, как интеллектуальной деятельности, направленной на постановку и разрешение наиболее общих проблем, касающихся сущности знания, человека и мира, должна быть отведена ведущая роль в *гуманитарном обеспечении образования для устойчивого развития*.

Мнения по поводу соотношения экологического образования (ЭО) и ОУР неоднозначны, Одни исследователи считают ОУР продолжением ЭО (Breiting S., 2000; Касимов Н.С., Мазуров Д.Л. 2004), другие понимают развитие ОУР как несводимое к ЭО, хотя оно и включает в себя многие компоненты традиционного естественно-научного ЭО (Webster K, 2004; Глазовский Н.Ф., 2005). К сожалению, в статье, опубликованной на английском языке и рассматривающей проблемы образования для устойчивого развития в России (Kasimov N.S. et al, 2005), гуманитарный аспект проблемы, вопросы формирования экологической культуры, ценностно-смысловые аспекты ОУР оказались вообще не затронутыми.

Следует высказать согласие с мнением А.Д.Урсула (2005) о том, что не всякое ЭО автоматически соответствует ОУР, как и проблемы экологии лишь частично совпадают с проблемами УР. Вопрос об ЭО ставился и решался еще в 1980–1990 гг. Однако массовое, как отмечают Брудный А.А. и Кавтарадзе Д.Н. (1993), ЭО и просвещение в те годы характеризовалось рядом признаков: неполнотой, приводящей к принципиальным ошибкам; несвоевременностью предоставления информации, обесценивающей экологические знания; неоправданными ожиданиями, приводящими к разочарованию и недоверию; распространением некор-

ректных, но устойчивых стереотипов; повышением социальной активности при неразвитом экологическом сознании. По результатам опроса «Человек-природа-технология», проведенного в начале 90-х годов, на экологическую безграмотность журналистов СМИ указал каждый четвертый респондент; студенты Вузов, в которых читались экологические дисциплины (в частности МГУ) в 40% случаев отметили, что эти курсы ничего не дали им в смысле возможности применения полученных знаний на практике; был зафиксирован высокий уровень бытовой экологической безграмотности студентов общественных специальностей, при повышении уровня общественной активности — сборе подписей, пикетировании и т.д. В середине 90-х годов у 70% российских респондентов отмечалось отсутствие установки на получение конкретных знаний, необходимых для поддержания необходимого для себя уровня экологической безопасности и наличие установки «чем меньше знать и меньше задумываться, тем дольше проживешь». Таким образом, экологическое образование середины 80–90-х годов не смогло решить проблемы изменения поведения, системы ценностей, образа жизни (Брудный А.А. и Кавтарадзе Д.Н., 1993).

В то же время, указанные авторы предложили признать уникальность системы образования как социального института, готового выступить интегрирующей общественной силой в преодолении экологического кризиса. В целом, по их мнению, в системе образования трансляция знаний должна уходить на периферию, и акцент должен смещаться из области усвоения суммы знаний в область развивающегося мышления, овладения методами принятия опережающих, творческих решений и опережающего антикризисного моделирования. Из современной

мировой практики нам известно, что такие крупные международные организации, такие как ООН, ЮНЕСКО, Мировой банк и другие регулярно обучают своих сотрудников взаимодействию, системному мышлению, долгосрочному планированию.

Как подчеркивает А.Д.Урсул (2005), в настоящий сложный для цивилизации и мирового образования период, на первый план в образовании выступают функции адекватного реагирования на современные изменения, их моментальное и долгосрочное предвидение, обеспечение безопасности, в том числе и от экологической угрозы.

В Экологической доктрине Российской Федерации (2002) указывается, что преодоление экологического кризиса в стране возможно только на основе формирования нового типа взаимоотношений человека и природы, исключающих возможность разрушения и деградации природной среды. Низкий уровень экологического сознания и экологической культуры населения страны, а также профессионалов и управленцев, принимающих решения в данных областях, может быть отнесен к факторам такой деградации и, несомненно, является барьером при переходе России к устойчивому развитию.

Многими исследователями отмечается низкая компетентность большей части населения России относительно проблем устойчивого развития, причин и последствий *антропоэкологической* катастрофы, которая может затронуть жизненно важные интересы не только будущих, но и ныне живущих поколений. Психологи отмечают, что традиционная *«экологизация»* сознания наступает только после экологических катастроф (Журавлев А.Л., Гусева А.Ю., 2002), как показали, например, исследования, проведенные в зоне Чернобыльской аварии. Все это свидетельствует о том, что механизмы пе-

реориентации сознания, по принципу «отставания от бытия и запоздалому выявлению истины», по меткому выражению А.Д.Урсула (2005), неприемлемы для решения проблем окружающей человека среды и продвижения идей устойчивого развития.

За прошедшие 15 лет многое изменилось в области образования в сфере экологии, окружающей среды и устойчивого развития в классическом университете, как например, Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ). В настоящий момент в систему экологического образования и образования для устойчивого развития в СПбГУ вовлечены более 12 факультетов. В 2006 году на факультете Международных отношений СПбГУ открылась новая и пока единственная в России магистерская программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», в рамках которой нами разработан курс «Философские основы обеспечения глобальной экологической безопасности», а студентам первого курса традиционно предлагается, среди дисциплин по выбору, курс «Социальная экология». С сентября 2008 года на биолого-почвенном факультете открывается новая магистерская программа «Биоразнообразие и охрана природы», в модули которой включены: курс «Психология взаимодействия с окружающей средой» и проектное исследование по теме «Устойчивое развитие городов». В период 2004–2006 года на геологическом факультете нами была реализована программа дополнительного психолого-педагогического образования, в рамках которой будущим специалистам по геологии и экологии предлагались курсы «Психология взаимодействия с окружающей средой», «Психология экологического сознания», «Активные методы обучения в экологическом образовании». С 2004 года по 2008 г. в

Центре повышения квалификации по естественным наукам (ЦППКЕН СПбГУ) были востребованы аналогичные курсы. Печально и парадоксально, что наименьший интерес к этой сфере и этим проблемам проявляют философский, социологический и психологический факультеты. Как нам известно, в настоящее время студентам социологического факультета предлагается один спецкурс «Социальная экология», а бакалаврам кафедры общей психологии психологического факультета только спецкурс «Экологическая психология».

С нашей точки зрения *образования для устойчивого развития*, в особенности адаптированное для Российского образовательного пространства, должно строиться в соответствии с двумя парадигмами: ценностно-смысловой и междисциплинарной.

Вторая — предполагает обсуждение не только экологических, но и экономических, политических, институциональных, мировоззренческих, социальных и психологических проблем, как правило, на междисциплинарном уровне. Первая — делает основной акцент на осмысление и понимание глобальных проблем окружающей среды через призму ценностей, смысла, этики, ответственности, рефлексии причин и последствий действий и поступков по отношению к окружающей среде, к миру. Образование и устойчивое развитие — два процесса, направленных в будущее, и призванных обеспечить качественную жизнь нынешним и будущим поколениям. Именно устойчивое развитие задает направление новой образовательной парадигмы. Прогрессивно мыслящие ученые и преподаватели неоднократно подчеркивали, что современное образование нуждается в значительном реформировании в направлении от трансляции знаний к освоению и формированию профес-

сиональной деятельности, развитию способностей, живому пониманию, личностному росту. Эти идеи могут быть отнесены как к проблеме ОУР, так и «устойчивого развития» самой системы и процесса образования.

Несмотря на междисциплинарный контекст ОУР, большинство российских ученых (Брудный А.А., Данилов-Данильян В.И., Дерябо С.Д., Глазачев С.Н., Глазочев Н.Ф., Кавтарадзе Д.Н., Моисеев Н.Н., Панов В.И., Урсул А.Д., Шмелева И.А., Ясвин В.А. и многие другие) отмечают, что только изменения в сознании (разуме, мировоззрении, экологической культуре, мышлении, ценностях) могут рассматриваться как необходимые условия изменений поведения и деятельности человека по отношению к миру, к окружающей среде.

Экологическое сознание рассматривается нами как целостный, многомерный динамический пласт в сознании человека, в котором представлены многовариантные, аспекты взаимодействия человека с окружающей средой и миром в целом (Шмелева И.А., 2006). Мы согласны здесь с мнением А.Д.Урсула (Урсул А.Д., 2005), что формирование *эколого-ноосферного* сознания, как ядра экологического сознания, основанного на предвидении и опережающем моделировании должно стать приоритетной задачей ОУР.

Существуют разные стратегии достижения этой цели. Однако нам представляется, что принятие административных постановлений, например, Постановления о развитии экологической культуры населения, как это сделано в Санкт-Петербурге (Постановление правительства СПб № 122 от 7.02.2006), несмотря на то, что в нем обозначены задачи экологического образования и просвещения населения, вряд ли даст ожидаемый результат, без соответствующего научного педагогического, психологического и философского обеспечения.

Современное развитие самого образовательного процесса предполагает, помимо формирования законодательной и правовой базы для реализации глобальной и национальной стратегии ОУР, изменение сознания и мировоззрения людей, осуществляющих образовательный процесс, их общечеловеческих ценностей, нравственно-поведенческих норм. Эффективная реализация опережающей стратегии образования и воспитания невозможны в настоящее время без интенсивной поддержки СМИ, и информатизации общества, развития информационных технологий и дистанционных методов обучения, формирования единого государственного, европейского и глобального научно-образовательного пространства. Важнейшим аспектом реформирования системы образования является и ориентация на широкомасштабное международное сотрудничество, в частности включения России в разработку стратегий ЕЭК ООН для ОУР (Урсул А.Д., 2005). Неотъемлемой составляющей этого процесса является, по нашему мнению, и психологическое обеспечение ОУР.

Психологическое сопровождение образования, по нашему мнению, может рассматриваться как принципиально необходимое условие трансформации традиционно понимаемого ЭО в ОУР. Обе эти образовательные парадигмы предполагают развитие мировоззрения, которое может быть определено «как то, что остается в сознании индивида после практического применения полученных знаний, системы ценностей и овладения навыками практической работы» (Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н., 1993). Формирование экологического мировоззрения, по мнению авторов, имеет уникальную перспективу, обучение может задать уста-

новку, благодаря которой в изобилии имеющиеся факты могут быть поняты как доводы в пользу конструктивно экологического подхода к реальности. Картина мира — это картина понимания мира. Экологическая картина мира строится на осознании человеком себя как части всего живого и позволяет ему определить для себя приоритеты в мире общечеловеческих ценностей.

Как известно, существуют два подхода к изменению образа мысли и образа жизни людей в сторону дружелюбных, по отношению к окружающей среде: а) через распространение знаний и информации; б) через пропаганду ценностей и социальных норм. Понимание, по мнению А.А.Брудного (2005) достигается длительным путем приобретения личного и общественно-го опыта и стоит отдельно по отношению к «информации» и «знанию». Устойчивое мировоззрение по своей природе многомерно и включает этические и научные принципы взаимодействия человека с окружающей средой и биосферой. Мировоззренческий смысл ОУР оказывается в центре ценностных образований личности.

Ценности — это мотивационный конструкт, они имеют отношение к задуманным целям, которые люди намереваются достигнуть (Shwartz S., 2005). При этом любая профессиональная деятельность детерминирована комплексом непосредственных и опосредованных мотивов, и будущая успешность профессиональной деятельности во многих аспектах зависит не от приобретенных знаний и умений, а от определенных мотивационных целей (Шмелева И.А., 2005). Именно ценности трансформируют проблемы окружающей среды в нечто субъективно значимое для человека (Raudsepp M., 2001). Как показывают результаты многочисленных исследований, важность

ценностей в определении установок сознания и поведения значительно больше важности знаний об окружающей среде, а особую значимость ценности приобретают в системе высшего образования. По мнению многих исследователей, социально-психологическая переориентация образовательных программ для будущих экономистов, бизнесменов, менеджеров, специалистов естественнонаучного и инженерно-технического профиля — единственный путь продвижению по направлению к устойчивому развитию. Именно социальные, психологические и философские вопросы должны стать определяющими в преподавании курсов экономики, юриспруденции, геоэкологии, экологической геологии, биоразнообразия в системе ОУР.

Таким образом, основными задачами *психологического обеспечения образования для УР* необходимо считать:

- изменение *ценностных приоритетов* с целью их влияния на мотивационную структуру, развитие смысловой сферы личности;
- трансляцию идей социальной ответственности (в науке, в бизнесе, в политике);
- системного мышления, творческого мышления, рефлексии и антиципации;
- развитие лидерских качеств и лидерского потенциала;
- морально-нравственное развитие, основанное на модели «морального субъекта» (базирующейся на нормах и ценностях) и предпочтении ее «модели рационального агента» (базирующейся на знаниях и информации);
- развитие психологической устойчивости личности, способной эффективно и безопасно разрешать проблемы будущей профессиональной деятельности;
- формировании экологических установок поведения и деятельности; со-

провождение развития экологической культуры и управления экологическим поведением;

– развитие умений коллективного взаимодействия при принятии управленческих решений и разрешения конфликтов; выработку стратегий эффективного группового взаимодействия;

– формирование установок толерантного сознания.

Следовательно, гуманитарное (*психологическое и философское*) обеспечение ОУР включает в себя два взаимосвязанных компонента:

- *психологическое и философское осмысление* проблем и задач устойчивого развития, глобальных экологических проблем, задач обеспечения экологической безопасности, причин и последствий экологических конфликтов, стратегий экологической политики и глобального управления, через включение в учебные планы специальных гуманитарных дисциплин или разделов;

- *научное психолого-педагогическое сопровождение* — исследование и изучение всего спектра проблем образования для устойчивого развития, например, диагностика уровня развития экологического сознания, исследование ценностей, установок про-экологического поведения или психологическое обеспечение применения активных методов обучения.

Психологическое и философское осмысление глобальных экологических проблем предлагается нами в рамках изучения двух дисциплин: «Философские основы обеспечения глобальной экологической безопасности» и «Психология взаимодействия с окружающей средой», включающей раздел «Психология устойчивого развития». Обе дисциплины разработаны и предлагаются в рамках новых междисциплинарных магистерских программ СПбГУ — программы «Международное сотрудничество в области окру-

жающей среды и развития» на факультете Международных отношений и международной программы «Биоразнообразие и охрана природы» на биологическом факультете.

Проведенное нами исследование ценностей по методике Ш.Шварца (в переводе и адаптации Карандашева В.Н.), а также обобщение результатов комплексных исследований, выполненных на разных факультетах с использованием той же методики, позволило получить картину ценностей, разделяемых студентами разных специальностей, в том числе и формирующих установки по отношению к окружающей среде (Шмелева И.А., 2006). Следует отметить, что, как ни парадоксально, ценность универсализма, лежащая в основе, по данным многих международных исследований, установок по отношению к окружающей среде, оказалась отвергаемой ценностью в среде студентов-психологов и студентов-юристов. Это, несомненно, заставляет задуматься о необходимости включения вопросов глобальных экологических проблем в программы подготовки специалистов-гуманитариев, а также о целесообразности философского и психологического обеспечения программ ОУР, реализуемых в классическом университете.

В то же время, представляется целесообразной постановка вопроса об устойчивом развитии самой современной университетской системы образования как системы, ориентированной в будущее. Такая парадигма развития включает в себя изменение подхода к обучению, что предполагает:

а) гуманистический подход, как развитие системы образования «центрированной на студенте»;

б) индивидуальный подход к обучающемуся;

в) учет этнических и культурных особенностей студента (Х.Э.Штейн-

бах, 2005); в) междисциплинарный подход к образованию;

г) развитие системы образования взрослых, системы дополнительного и непрерывного образования (стратегия ОУР);

д) внедрение активных методов обучения во все образовательные программы, как средства повышения эмоциональной вовлеченности и развития профессиональной мотивации (Кавта-радзе Д.Н., 1998, 2005);

е) широкое использование современных информационных технологий (Шмелева И.А., 1999).

Возможными стратегиями внедрения психологического обеспечения ОУР должны стать:

1) повышение квалификации преподавателей различных дисциплин, входящих в систему ОУР с целью освоения активных методов обучения, методов развития системного мышления, творческого мышления, рефлексии, прогнозирования, командного взаимодействия, разрешения конфликтов;

2) включение дисциплин «Психология взаимодействия с окружающей средой» или «Психология устойчивого развития», а также «Философские основы обеспечения глобальной экологической безопасности» в качестве специальных дисциплин во все междисциплинарные программы подготовки специалистов и магистров по направлениям, входящим в сферу интересов ОУР;

3) включение проблемы «Устойчивого развития» в рассмотрение в программы таких психологических дисциплин как «Социальная психология» и «Политическая психология»;

4) включение широкого спектра психологических и социальных дисциплин таких, как: «Социальная экология», «Лидерство», «Конфликтология», «Социальное посредничество», «Дело-

вое общение», «Природоохранная этика», во все междисциплинарные программы подготовки специалистов и магистров по соответствующим выше направлениям, в программы повышения квалификации и дополнительного профессионального образования по естественным и техническим наукам, в программы повышения квалификации администраторов образовательных систем и подготовки государственных служащих.

В заключение следует отметить, что для реализации такой стратегии необходима и модернизация подготовки специалистов в области психологии, философии и других гуманитарных дисциплин. Осознание и принятие «человечеством» ответственности за развитие самого себя, планеты и природы в целом, означает, что современный человек становится экологическим субъектом, то есть субъектом развития системы «человек — планета» (Панов В.И., 2006). Это без сомнения должно быть осмыслено, в первую очередь, психологами, социологами, философами, политологами.

Как мы уже отмечали, в России эти гуманитарные области профессионального образования наиболее далеки от решения глобальных экологических проблем и реализации концепции УР, за редким исключением, как например, открытия специализации по экологической психологии¹, введения специальной дисциплины или дисциплины по выбору «Экологическая психология» в программы подготовки бакалавров или специалистов по психологии. Следует, с сожалением, констатировать, что в современ-

¹ Например, впервые в России при факультете социальных коммуникаций МНЭПУ 05.02.2004 г. решением Совета по психологии УМО по классическому университетскому образованию при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова (№ 93–8–51) открыта специализация «Экологическая психология».

ной российской прикладной психологии такая признанная в европейской и американской психологической науке отрасль, как «Психология взаимодействия с окружающей средой» (Environmental Psychology) и ее раздел «Психология устойчивого развития» (Psychology of Sustainable Development), отсутствуют. Анализ задач данных областей психологии был неоднократно нами рассмотрен (Шмелева, 2004).

Стратегия образования для устойчивого развития предполагает, что интеграция принципов устойчивого развития и практического опыта реализации концепции устойчивого развития через все возможные аспекты образования и обучения приведет, в конечном итоге, к изменениям в поведении человека через осознание единства окружающей человека среды и человеческого сообщества, которые должны, проявляя свою экономическую жизнеспособность, быть сохранены для настоящих и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брудный А.А., Кавтарадзе Д.Н. Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития // Вестник образования Минобразования РФ. 1993. № 3.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. — М.: Лабиринт, 2005.
3. Глазовский Н.Ф. Состояние, проблемы и перспективы развития образования в области устойчивого развития за рубежом // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы международной научно-практической конференции. 17–18 ноября 2005 г. Санкт-Петербург. С. 3–29.
4. Глазачев С.Н. Экология в гуманитарном университете. http://teco.rsias.ru/pub_ecogum.html
5. Данилов-Данильян В.И. Наука, образование и воспитание в современном мире. 2002. <http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-discipl/ecology/>
6. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. — Ростов на Дону, 1996.
7. Журавлев А.Л., Гусева А.Ю. Влияние опыта проживания в экологически неблагоприятной среде на особенности экологического сознания // 2-я Российская конференция по экологической психологии. Материалы. — М., Самара, 2000. С. 50–59.
8. Кавтарадзе Д.Н. Образование для устойчивого развития — государственная задача управления // 4-я Российская конференция по экологической психологии, материалы. — М., 2005.
9. Карандашев В.Н. Методика Ш.Шварца по изучению ценностных ориентаций личности. — СПб., 2004.
10. Касимов Н.С., Мазуров Д.Л. Становление и развитие образования в области устойчивого развития за рубежом // Образование для устойчивого развития. — Москва, Смоленск, 2004. С. 47–73.
11. Мазур И.И., Козлова О.Н., Глазачев С.Н. Путь к экологической культуре. — М.: Горизонт, 2001.
12. Постановление правительства Санкт-Петербурга от 7 февраля 2006 г. № 122 о Концепции формирования экологической культуры населения. — СПб., 2006.
13. Панов В.И. Экологический вызов» и экологическая психология // Экологическая культура и образование: опыт России и Казахстана / Под ред. С.Н.Глазачева и С.Т.Шалгымбаева. — Алматы: Казак университети, 2006. С. 79–92.
14. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. — СПб.: Питер, 2007. С. 14.

15. Стратегия образования для устойчивого развития. <http://www.unesco.org/env/documents/2005/ser/ac.13/ser.ac.13.2005.3.rev.1.r.pdf>
16. Печчеи А. Человеческие качества. — М.: Прогресс, 1985.
17. Урсул А.Д. Становление образования для устойчивого развития в Российской Федерации // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы международной научно-практической конференции. 17–17–18 ноября 2005 г. Санкт-Петербург. С. 84–103.
18. Шмелева И.А. Психология экологического сознания. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.
19. Шмелева И.А. Ценности и профессиональная мотивация как одна из проблем психологического обеспечения образования для устойчивого развития // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы международной научно-практической конференции. 17–17–18 ноября 2005 г. Санкт-Петербург. С. 243–251.
20. Шмелева И.А. Методологические проблемы развития «психологии взаимодействия с окружающей средой» // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2004. Вып. 3. С. 110–119.
21. Шмелева И.А. Синтез традиционных и инновационных технологий в преподавании психологии на пороге XXI века // Прикладная психология. 1999. № 1. С. 29–40.
22. Штейнбах Х.Э. Разнообразие в образовании как фактор устойчивого развития // Устойчивое развитие и экологический менеджмент. Материалы международной конференции. 17–18 ноября 2005 г. Санкт-Петербург.
23. Яницкий О.Н. Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. — М.: Наука, 2007.
24. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. — М., 2000.
25. Экологическая доктрина российской Федерации. — М., 2002.
26. Bretting S. Sustainable Development/Environmental education and Action Competition // In: Critical Environmental. and Health education. Copenhagen. 2000. P. 151–166.
27. Kasimov N.S. Environmental Education for Sustainable Development in Russia // Journal of Geography in higher education. Vol. 29. N 1. March 2005. P. 49–59.
28. Raudsepp M. Values and Environmentalism // Trames. Journal of Humanities and Social sciences. 2001. vol. 55/50. N 3. P. 211–233.
29. Schwartz S.H. Basic Human Values Their Content and Structure across Countries // Valores e comportamento nas organizacoes [Values and Behavior in Organizations] / Ed. A.Tamayo, J.B.Porto. — Brazil: Petropolis. Vozes, 2005. P. 21–64.
30. Psychology of Sustainable Development / Ed. Schmuck P., Schultz W. Kluwer, 2002.
31. Uzzell D.L. The psycho-spatial dimensions to global environmental problems // Journal of environmental psychology. 2000. 20. 3. P. 307–318.
32. Webster K. Rethink, refuse, reduce. Education for sustainability in a Changing world, 2004, FSC UK.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Димова В.Н., Орел В.Е.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПСИХИЧЕСКОЕ ВЫГОРАНИЕ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение в проблему

Настоящая статья посвящена исследованию факторов влияющих на возникновение психического выгорания в профессиях «субъект-субъектного» и «субъект-объектного» типа. Обращение к этой проблеме вызвано следующими причинами: во-первых, проблема психического выгорания становится все более популярной среди исследователей; это может быть объяснено тем мощным отрицательным влиянием, которое психическое выгорание оказывает на эффективность деятельности и на личность в целом. Во-вторых, проанализировав различную литературу, мы можем утверждать, что психическое выгорание является общепрофессиональным феноменом [2, 3], то есть относится как к профессиям социального типа, так и к не социальным профессиям. В силу того, что подавляющее большинство исследований проводилось в профессиях «субъект-субъектного» типа, проблема психического выгорания в профессиях «субъект-объектного» типа изучена мало, а существующие данные часто противоречивы. В-третьих, при изучении любого феномена, очень важно знать причины (факторы) вызывающие его. Решение вопроса о том, какие факторы (индивидуальные или организацион-

ные) и в какой степени влияют на возникновение психического выгорания, поможет нам эффективно и своевременно проводить профилактику и выявлять группу риска для данного феномена.

Впервые термин «burnout» (выгорание) в 1974 году ввел Freudenberg. Это понятие было раскрыто им как синдром, включающий в себя симптомы общей физической утомленности и разочарованности в профессиях альтруистического содержания [3, 4]. В отечественной психологии первые упоминания об этом феномене можно найти в работах Б.Г.Ананьева, который употреблял термин «эмоциональное сгорание» для обозначения некоторого отрицательного явления, возникающего у людей профессий типа «человек-человек», и связанного с межличностными отношениями [1]. В 1984 Maslach, Jackson добавили также симптомы эмоциональной истощенности, деперсонализации и снижения общей работоспособности [2, 3, 4]. В настоящее время под психическим выгоранием мы понимаем состояние умственного, физического и эмоционального истощения, включающее в себя три основные составляющие: психоэмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм), снижение профессиональной эффективности [3].

Среди основных задач изучения выгорания находится задача по изучению субъективных и объективных факторов влияющих на его возникновение.

Традиционно факторы объединяют в два больших блока: особенности профессиональной деятельности и индивидуальные характеристики самих профессионалов. В.Е.Орел в своей книге «Синдром психического выгорания личности» на основании изучения некоторых классификаций, предложил свою рабочую схему факторов, которой мы и воспользовались [3].

Целью настоящего исследования явилось сравнительное изучение факторов профессиональной среды и личностных особенностей в профессиях «субъект-субъектного» и «субъект-объектного» типов.

Описание исследования

В качестве диагностического инструмента мы использовали следующие методики:

– Опросник уровня психического выгорания (УПВ), включающий в себя 4 шкалы: психоэмоциональное истощение, деперсонализация (цинизм), снижение профессиональной эффективности, и шкала итогового балла [5].

– Личностный опросник NEO, включающая в себя 5 шкал: нейротизм (N), экстраверсия (E), открытость опыту (O), сотрудничество (A), добросовестность (C) [6].

– Шкала рабочей среды Р.Мооса в адаптации А.А.Рукавишникова, включающая 10 шкал [7].

Общая выборка исследования, которая составила 400 человек, была разбита на две группы: 250 человек — профессии «субъект-объектного» типа и 150 человек в профессиях «субъект-субъектного» типа. Мужчин и женщин примерно равное количество. Опрос

поводился как в группах, так и индивидуально.

Полученные результаты

Обработка данных проводилась при помощи корреляционного анализа, были подсчитаны коэффициенты корреляции между шкалами NEO, опросника «Шкала рабочей среды» и УПВ отдельно для двух типов деятельности (Табл. 1 и 2).

Обсуждение результатов

Полученные данные показывают, что по общему количеству значимых связей между параметрами выгорания и факторами его вызывающими профессии «субъект-субъектной» сферы превосходят профессии «субъект-объектного» типа. Если в профессиях социальной сферы семнадцать значимых связей, то в профессиях несоциальной сферы — лишь десять. *Из этого мы можем сделать вывод о более сильной степени проявления выгорания в профессиях социальной сферы.*

В несоциальной и в социальной сфере влияние факторов распределено между личностными чертами и особенностями условий работы (см. Табл. 1, 2). Влияние личностных особенностей и факторов рабочей среды примерно равное: в социальной сфере из семнадцати значимых связей восемь связей принадлежат личностным особенностям и девять — факторам рабочей среды, в несоциальной сфере из десяти значимых связей пять связей принадлежит личностным особенностям и пять — факторам рабочей среды. Практически все личностные характеристики в социальной сфере, за исключением сотрудничества, коррелируют со шкалами опросника УПВ, в то время как в группе несоциальных работников выделяются лишь

Таблица 1. Взаимосвязь выгорания, личностных особенностей и факторов рабочей среды в «субъект-субъектных» профессиях

Личностные черты и факторы рабочей среды	Факторы выгорания			
	ПИ	Ц	СПЭ	ИБ
Нейротизм (N)	0,185	0,057	0,075	0,143
Экстраверсия (E)	-0,194	-0,187	-0,156	-0,203
Открытость опыту (O)	-0,065	-0,236	-0,179	-0,162
Сотрудничество (A)	-0,012	-0,088	-0,017	-0,021
Добросовестность (C)	-0,024	-0,148	-0,191	-0,137
Включенность в работу (I)	-0,049	-0,231	-0,246	-0,182
Сплоченность в коллективе (PC)	-0,061	-0,024	-0,078	-0,082
Поддержка руководства (SS)	-0,012	-0,089	-0,021	-0,021
Поощрение самостоятельности (AA)	-0,016	-0,017	0,011	-0,016
Ориентация на эффективность работы (TO)	-0,065	-0,186	-0,193	-0,165
Пресс работы (WP)	-0,018	-0,022	-0,009	-0,02
Четкость организации труда (C)	-0,086	-0,136	-0,207	-0,153
Контроль со стороны руководства (Ctl)	-0,013	-0,016	-0,093	-0,018
Внедрение нетрадиционных методов (Inn)	-0,014	-0,151	-0,182	-0,125
Физический комфорт (Com)	-0,023	-0,144	-0,176	-0,134

Условные обозначения: **0,21** – значимость связи на уровне $p=0,01$
0,16 – значимость связи на уровне $p=0,05$

такие личностные характеристики как нейротизм и добросовестность, причем добросовестность оказывает воздействие на все подструктуры выгорания.

При рассмотрении группы факторов профессиональной среды, мы обнаружили расхождение в факторах, влияющих на возникновение выгорания в социальных и несочальных профессиях. В несочальной сфере наряду с поддержкой руководства и вклю-

ченностью в работу важным фактором является фактор «сплоченность в коллективе», в то время как для социальной сферы среди характеристик социально-психологических взаимоотношений важна лишь «включенность в работу». Аналогичная картина наблюдается и в группе факторов содержания труда, в несочальной сфере большое значение имеет пресс работы, а для социальных работников перегрузки в работе не играют существенной роли, ак-

Таблица 2. Взаимосвязь выгорания, личностных особенностей и факторов рабочей среды в «субъект-объектных» профессиях

Личностные черты и факторы рабочей среды	Факторы выгорания			
	ПИ	Ц	СПЭ	ИБ
Нейротизм (N)	0,153	0,094	0,121	0,112
Экстраверсия (E)	-0,073	-0,103	-0,084	-0,069
Открытость опыту (O)	-0,072	-0,047	-0,052	-0,018
Сотрудничество (A)	-0,018	0,08	-0,067	-0,021
Добросовестность (C)	-0,182	-0,217	-0,142	-0,188
Включенность в работу (I)	-0,087	-0,161	-0,094	-0,11
Сплоченность в коллективе (PC)	-0,135	-0,132	-0,143	-0,146
Поддержка руководства (SS)	-0,108	-0,095	-0,144	-0,123
Поощрение самостоятельности (AA)	-0,085	-0,076	-0,132	-0,106
Ориентация на эффективность работы (TO)	0,052	0,004	0,011	0,029
Пресс работы (WP)	0,098	0,009	0,158	0,097
Четкость организации труда (C)	0,053	0,01	-0,003	0,017
Контроль со стороны руководства (Ctl)	0,002	0,008	0,033	0,006
Внедрение нетрадиционных методов (Inn)	-0,031	-0,053	-0,071	-0,053
Физический комфорт (Com)	-0,015	-0,062	-0,054	-0,041

Условные обозначения: **0,18** – значимость связи на уровне $p=0,01$

0,14 – значимость связи на уровне $p=0,05$

цент смещается на достижение эффективного результата, четкость организации труда и нетрадиционные методы. В группе условий труда наибольшую роль для социальных работников социальных профессий играют физический комфорт, в то время как у работников в «субъект-объектных» видах труда этот фактор вообще не имеет существенного значения.

Выводы

1. Проявление выгорания в большей степени присуще сфере «субъект-субъектного» типа.

2. Влияние личностных особенностей и факторов рабочей среды примерно равное, в обоих типах деятельности.

3. В профессиях «субъект-объектного» типа личностными факторами,

влияющими на подструктуры выгорания, являются «нейротизм» и «добро-совестность»; ведущим организационным фактором является «сплоченность в коллективе».

4. В профессиях «субъект-субъектного» типа единственным личностным фактором, не коррелирующим со шкалами опросника УПВ, является «сотрудничество».

5. В профессиях несоциального сферы организационные факторы влияют на все подструктуры психического выгорания, тогда как в социальной сфере устойчивой остается подструктура психоэмоционального истощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 339 с.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. — СПб.: Питер, 2005. 336 с.
3. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 330 с.
4. *Орел В.Е.* Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.
5. *Орел В.Е., Димова В.Н., Сенин И.Г.* Разработка методики диагностики уровня психического выгорания для профессий «субъект-объектного» типа // Ярославский психологический вестник. — Москва-Ярославль: Изд. «Российское психологическое общество», 2008. Вып. 23. С. 48–50.
6. *Орел В.Е., Сенин И.Г.* Опросник NEO PI-R. Руководство. — Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004. 33 с.
7. *Рукавишников А.А.* Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов: Дис. ... канд. психол. наук. — Ярославль, 2001. 158 с.

Жукова Н.Г.

ИЗУЧЕНИЕ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ЖАЛОБ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ В ПРОЦЕССЕ ЗАНЯТИЙ ЦИГУН-ТЕРАПИЕЙ

Цигун — древняя китайская система самосовершенствования, оздоровления, укрепления тела и духа. «Ци» означает «энергия», «жизненная сила»; «Гун» — «работа». «Цигун» — это работа с энергией, позволяющая восстанавливать и укреплять жизненную силу.

Происхождение цигун связывают с эволюцией традиционной китайской религии даосизма. Существовало множество различных школ цигун: клановых, семейных, монастырских. В середине XX века исследователями цигун укрупнено рассматривались всего несколько основных направлений и школ цигун, в зависимости от их целей и методов практики: конфуцианское направление цигун, даосский цигун, буддийский цигун, медицинское (или лечебное) направление цигун, цигун, используемый в боевых искусствах.

История развития цигун в Китае имеет более 2000 лет, но со временем популярность данной практики только возрастает. К древнему зачастую «экзотическим» описаниям практики прибавились методы современного анализа и диагностики, позволяющие непрерывно пополнять и совершенствовать цигун.

Упражнения цигун широко применяются в современном Китае в оздоровительных и лечебных целях.

При сотрудничестве ученых и экспертов цигун открыты и подтверждены многие поразительные эффекты воздействия цигун на физиологические и психологические функции организма человека. Было обнаружено, что занятия цигун значительно повышают защитные, регенеративные и иммунные способности человека, в силу чего

цигун является методом лечения и профилактики заболеваний. Регулярные занятия цигун позволяют достичь больших результатов в спорте. Также занятия цигун позволяют повысить стрессоустойчивость, работоспособность и эффективность учебы, цигун-терапия применяется для развития интеллекта, способности к наблюдению и анализу. Занятия цигун даруют вдохновение и усиливают творческие способности человека. Их используют для стабилизации психоэмоциональной сферы человека, продления молодости и увеличения сексуальной активности. Упражнения цигун используются в боевых искусствах. Человек, серьезно практикующий цигун, растет духовно. Длительные и регулярные занятия цигун ведут к осознанию себя в этом мире, к единению со всем сущим.

Учитывая большое разнообразие эффектов цигун-терапии, нам в данном исследовании, представилось возможным изучить динамику изменения соматических жалоб и психологических защит, практикующих цигун, что, в свою очередь, позволило сделать выводы о влиянии этой практики на соматическую и психоэмоциональную сферы человека.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что занятия цигун являются причиной, ведущей к изменениям в субъективной картине нервно-психического и соматического здоровья, а также в способах реагирования занимающихся цигун на жизненные трудности.

Предметом исследования выступили субъективная оценка соматического

здоровья испытуемых и психологические защиты как стилевые особенности личности.

Теоретическая значимость исследования выражается в определении динамики изменения соматических жалоб и психологических защит у лиц, практикующих цигун.

Практическая значимость состоит в апробации комплекса методик для контроля динамики изменений соматического и нервно-психического состояния в ходе занятий цигун-терапией.

Задачи исследования включали:

- 1) определение теоретических оснований исследования;
- 2) методическое обеспечение исследования;
- 3) изучение ряда индивидуально-психологических особенностей занимающихся цигун и их динамики в ходе занятий.

В качестве методов исследования были взяты следующие методики:

- 1) опросник Келермана-Плутчика «Виды психологических защит»;
- 2) Гиссенский опросник соматических жалоб.

Гиссенский опросник соматических жалоб направлен на диагностику интенсивности эмоционально окрашенных жалоб по поводу физического самочувствия.

Физическое состояние человека влияет на эмоциональный стереотип поведения. Это следствие влияния соматики на психику. Но возможно обратное воздействие — сложившийся у личности эмоциональный стереотип поведения накладывает отпечаток на переживание физического состояния. Эмоциональный стереотип поведения оказывает давление на восприятие органических состояний.

В медицине существует понятие «субъективный уровень заболевания». В отличие от объективной картины соматических нарушений, субъективный уровень отражает то, как человек эмо-

ционально интерпретирует состояние своего здоровья. При этом каждое отдельное ощущение сопровождается субъективным эмоционально окрашенным восприятием, а сумма таких ощущений определяет интенсивность субъективных недомоганий.

Суммарная оценка интенсивности эмоционально окрашенных жалоб по поводу физического состояния образует самостоятельный и весьма значимый фактор, определяющий психический статус личности.

Оценка жалоб производится на основе четырех шкал.

Шкала Е: истощение. Характеризует субъективное представление человека о наличии (потере) жизненной энергии и потребность в помощи. Коррелирует с депрессивным состоянием, алекситимией.

Шкала М: желудочные жалобы. Шкала отражает выраженность психосоматических желудочных недомоганий.

Шкала G: ревматический фактор. Шкала выражает субъективные страдания человека, носящие алгический или спастический характер.

Шкала Н: сердечные жалобы. Обычно у здоровых испытуемых сердечные жалобы наиболее необоснованны. Высокий балл по шкале свидетельствует о приписывании себе несуществующих симптомов с целью привлечь внимание или обратиться за помощью.

Опросник Келлермана-Плутчика разработан на основе психоэволюционной теории эмоций Р.Плутчика и структурной теории личности Г.Келлермана. В первой из них описываются восемь базовых эмоций, во второй, соответственно, представлены восемь защитных механизмов, управляющих эмоциями. Методика Келлермана-Плутчика выявляет и количественно оценивает структуру механизмов психологической защиты личности. Опросник диагностирует восемь защитных механизмов лич-

ности: отрицание, компенсация, реактивные образования, регрессия, проекция, замещение, рационализация, вытеснение. Исходя из психодиагностической системы Келлермана-Плутчика, можно выявить взаимосвязь определенных защитных механизмов с определенными эмоциями и личностными диспозициями как устоявшимися способами отношения человека к действительности, определяющими жизненный стиль личности.

Из методов математической статистики использовался однофакторный дисперсионный анализ ANOVA.

Комплекс цигун, который практиковался при проведении данного исследования, разработан Хуашаньской школой цигун.

В исследовании приняли участие 25 человек-члены группы цигун, занятия с которыми проводилось автором исследования. Выборка оказалась гетерогенной по социально-демографическим и половозрастным признакам.

Исследование проводилось в три этапа: на момент вступления испытуе-

мых в группу цигун, через полтора и через три месяца занятий.

Изменение показателей соматических жалоб за период исследования отображено на рисунке 1.

Анализ графика позволил сделать выводы о том, что на начало исследования наиболее высокие показатели были зафиксированы по шкалам Е (истощение) и G (ревматический фактор).

Исходя из этого, можно сказать, что на момент вступления в группу цигун участники исследования чувствовали упадок энергетического потенциала и потребность в помощи. Выраженность ревматического фактора говорит о том, что испытуемые считали, что имеют те или иные проблемы в суставной сфере.

Интересно отметить, что в ходе исследования, снижение показателей по шкалам Е и G происходило примерно с одинаковой интенсивностью, но динамика снижения уровня показателей по шкале G выражена наиболее ярко.

Анализ результатов исследования по шкале М (желудочные жалобы), позво-

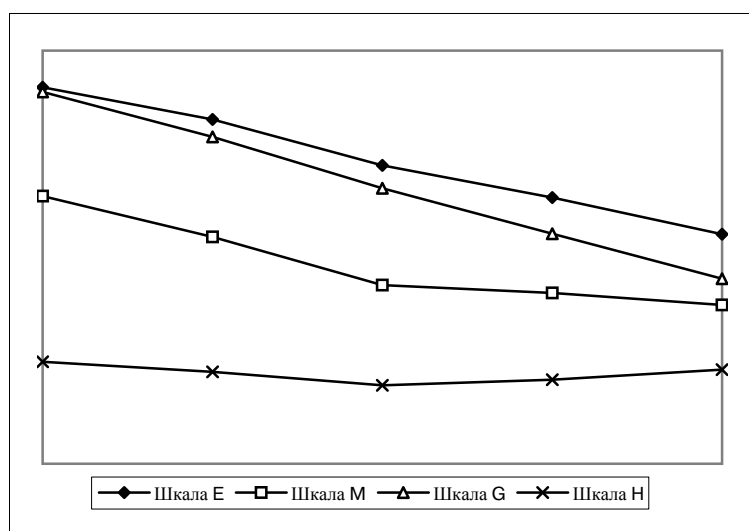

Рис. 1. Изменение показателей соматических жалоб за период исследования 3 месяца

лил отметить, что уровень снижения данного показателя, в общем по группе имеет среднюю выраженность.

Причем, динамика изменения психосоматических желудочных недомоганий за первые полтора месяца исследований имеет выраженную тенденцию к снижению. За второй период исследования эта тенденция выражена незначительно. Однако общее снижение показателей по данной шкале довольно значительно и говорит о снижении уровня психосоматических желудочных недомоганий в целом по группе.

Анализ данных по шкале Н (сердечные жалобы) первоначально показал довольно низкий уровень данного показателя по группе в целом.

Можно сказать, что участникам исследования было не свойственно жаловаться на проблемы в сфере сердечно-сосудистой деятельности. Существен-

ного изменения уровня данного показателя за период исследования не произошло.

При помощи данных, полученных по методике Келлермана-Плутчика «Виды психологических защит», был построен график, отображающий динамику изменения уровня психологических защит за период исследования.

Анализ полученных данных и графический анализ позволяет сделать вывод о выраженности, на начало исследования, у испытуемых таких психологических защит как отрицание реальности, рационализация, реактивные образования.

Интересно отметить, что динамика снижения уровня таких психологических защит как регрессия, реактивные образования, отрицание реальности, компенсация, рационализация за период исследования выражена довольно ярко.

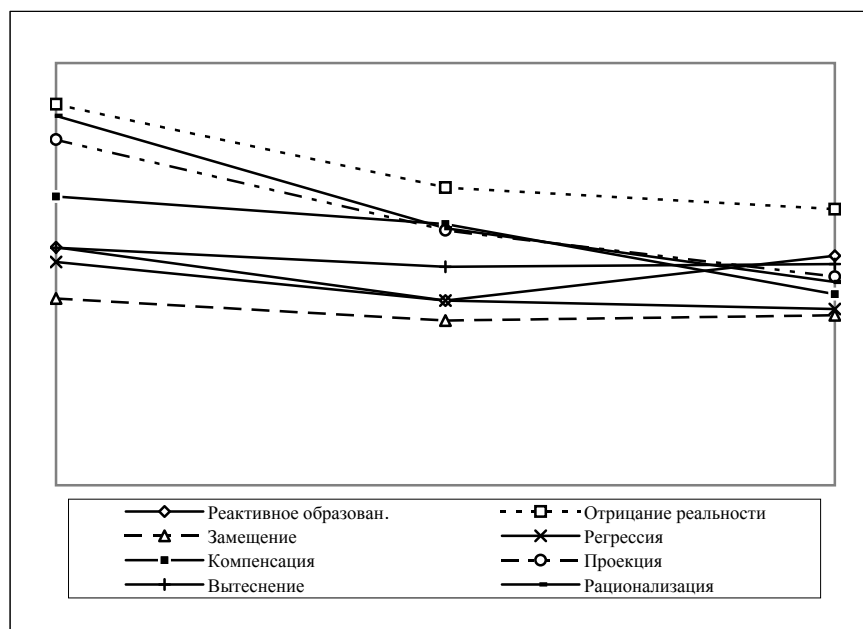

Рис. 2. Изменение уровня психологических защит за период исследования три месяца

Динамика изменения уровня таких психологических защит как проекция, вытеснение и замещение имеет некоторую тенденцию к снижению, но выражена незначительно.

Делая краткие выводы в целом по двум методикам можно сказать, что первичная обработка данных выявила тенденцию к снижению большего ряда вышеописанных категорий, но не все изменения по данным категориям можно считать значимыми.

Для выявления значимых изменений, собранные данные были подвергнуты обработке с помощью однофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок (ANOVA).

По результатам однофакторного дисперсионного анализа, значимые изменения произошли по следующим категориям:

1. Уровень соматических жалоб по шкале М.
2. Уровень соматических жалоб по шкале G.
3. Уровень психологических защит, защита отрицание реальности.
4. Уровень психологических защит, защита рационализация.

Исходя из этого, можно сделать следующие выводы:

1. Занятия цигун являются фактором, повлиявшим на уровень соматических жалоб (шкалы М и G), на уровень психологических защит (защиты: отрицание реальности и рационализация) в сторону значимого снижения данных характеристик.

2. Регулярные занятия цигун способствуют укреплению физического здоровья.

3. Регулярные занятия цигун ведут к динамике снижения уровня психологи-

ческих защит, что позволяет человеку более целостно и открыто воспринимать окружающий мир, способствует более свободному межличностному общению и проявлению себя в социуме.

4. Регулярные занятия цигун повышают устойчивость человека к неблагоприятным жизненным ситуациям.

Таким образом, исходная гипотеза о том, что, цигун являются причиной, ведущей к изменениям в субъективной картине нервно-психического и соматического здоровья, а также в способах реагирования занимающихся цигун на жизненные трудности, подтвердилась.

Опираясь на результаты данного исследования, можно дать следующие рекомендации специалистам, занимающимся вопросами оздоровления, развития и самосовершенствования личности:

1. Использование цигун-терапии целесообразно в качестве оздоровительной методики для широкого спектра как физических, так психосоматических заболеваний. Занятия цигун ведут к стабилизации нервно-психической и эмоциональной сферы практикующих (что подтверждено исследованиями динамики изменения уровня психологических защит в нашем исследовании) и могут быть использованы в качестве дополнительной терапии при лечении неврозов, фобий.

2. Методики, применяемые в нашей работе, могут быть использованы для изучения динамики изменения нервно-психического и физического состояния практикующих цигун.

Методики, применяемые в нашей работе, могут быть использованы для оценки эффективности работы цигун-терапевта.

Пузырев А.В.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВЫГОДЫ ЗАБОЛЕВАНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

К проблемам психологии здоровья обращались многие известные ученые. Активно разрабатываются проблемы психосоматики — раздела научного знания о взаимосвязи психики и здоровья. Психосоматические идеи вышли уже на уровень не только теоретических и экспериментальных исследований, но даже на уровень вузовских учебников (см.: Психосоматика, 1999; Психологические методы обретения здоровья, 2001; Психология здоровья, 2003).

В то же самое время проблемы психологических выгод заболеваний в молодежной среде еще не получили специального внимания, что может свидетельствовать об *актуальности* постановки вынесенной в заголовок настоящей статьи проблемы.

Цель данной статьи — обозначить проблему психологических выгод заболеваний в молодежной (точнее — студенческой) среде.

Объектом исследования послужили мотивы заболеваний у студентов, а его *предметом* — степень выраженности психологических выгод у заболеваний и степень осознанности мотивов заболеваний у студентов.

Теоретический анализ научной литературы и результаты пилотажного исследования позволили сформулировать *гипотезу*, основанную на нескольких предположениях:

1. Психологические выгоды заболеваний могут носить как осознанный, так и неосознаваемый характер.

2. Заболевания могут быть психологически выгодны в силу различного рода внешних обстоятельств, но чаще всего для привлечения обычно недостающего внимания со стороны родных и близких.

3. Психологические выгоды могут быть ранжированы по степени — от низкой до высокой.

В данной статье, в силу ограниченности рамок изложения, опущены такие важные аспекты изучения психологической выгоды заболеваний в молодежной среде, как методологическая основа исследования, проблема здоровья и болезни в свете 4-х ступеней человеческой сущности, проблема закона экономии мыслительных усилий как всеобщего фактора саморазрушения, проблема рассмотрения здоровья и заболеваний в свете теории локуса контроля, информационной теории эмоций, а также всеобщего характера влияния психики на состояние мышечного тонуса и здоровья. Опущены и сформулированные нами ранее общепсихологические законы выздоровления. Не рассматриваются в настоящей статье и такие важные вопросы, как соотношение сознания и бессознательного в болезни и выздоровлении, место заболеваний (образований симптомов) среди различных способов психологической защиты, связь нервных расстройств с феноменом психологической защиты, психоаналитические трактовки некоторых соматических симптомов (см.: Н.А.Магазаник, 1991, с. 47; Э.Киршбаум, 2000, с. 141–146; Ф.Александр, 2002, с. 132–137; 147–150 и др.).

Знакомство с существующей психологической и психотерапевтической литературой позволяет утверждать, что:

1) образование симптомов (то есть возникновение болезней) является частным способом психологической защиты;

2) сама психологическая защита выступает как основание для образования тех или иных симптомов, а также то, что

3) почти все способы психологической защиты служат материализацией закона экономии мыслительных усилий (мы об этом уже писали: А.В.Пузырев, 2004).

Анализ литературы позволяет также сделать предварительный вывод, что психологическое разрешение конфликта (внутреннего или внешнего характера) является наилучшим средством разрешения психосоматических проблем, а потому исследование психологических выгод заболеваний у здоровых (пока) людей, в частности — в студенческой среде, оказывается чрезвычайно нужным и актуальным.

При рассмотрении наиболее общих аспектов психологических выгод заболеваний сошлемся на содержательную книгу К.Гехта (К.Гехт, 1979). Например, так ли уж вредны и бессмысленны приступы депрессии?

В них можно усмотреть особую, древнейшую тактику организма, помогающую выстоять в борьбе с трудностями. Человек бессознательно пробует справиться с проблемами, разобраться в котлорую его разум бессилён. Впадая в жестокую депрессию, мы погружаемся в странный «дневной сон», чтобы через несколько месяцев с новой энергией пробудиться к жизни (К.Гехт, 1979, с. 47).

Подобной тактики придерживаются подчас и животные. Американский биолог Ли Э.Дугаткин долгое время наблюдал за стайками гуппи. Среди этих красивых рыбок тоже нашлись очень боязливые особи. Они всюду видели врагов; им то и дело мерещился подвох. И жизнь... вознаграждала их. Другие, уверенные в себе рыбки при появлении хищника, например, окуня, порой игнорировали опасность и становились его добычей. А эти, с вечным призраком страха в глазах, уносились от хищника торпедой (К.Гехт, 1979, с. 47).

Болезненная боязливость помогала и нашим предкам выжить во враждебном им мире. Кроме того, склонность к уны-

нию и самоизоляции сглаживала конфликты внутри социальных групп, давала возможность окружающим забыть дурные проступки, совершенные индивидом. Он удалялся от всех, чтобы вернуться «с незапятнанной репутацией» (К.Гехт, 1979, с. 47). Можно даже сделать вывод, что психологические выгоды заболеваний суть проявление всеобщего по своему характеру феномена и имеют корни в животном мире.

В принципы организации экспериментального изучения проблемы психологических выгод заболеваний должны войти следующие требования:

1) метод выявления психологических выгод заболеваний должен быть простым и доступным для испытуемых достаточно широкого возрастного диапазона;

2) метод выявления психологических выгод заболеваний должен носить диагностирующий характер и выявлять наличие самого факта психологических выгод заболеваний;

3) метод выявления психологических выгод заболеваний должен обладать возможностью многократно проводиться с большим количеством испытуемых, что позволит установить общие математико-статистически достоверные закономерности данного психического явления;

4) испытуемые знают, что проводится эксперимент, но до конца истинный смысл эксперимента им остается неизвестным.

Наиболее отвечающим указанным требованиям является метод тестов — метод испытаний, установления определенных психических качеств человека. Тест — кратковременное, одинаковое для всех испытуемых задание, по результатам которого определяется наличие и уровень развития определенных психических качеств человека. Составленный тест должен носить диагностический характер. Он должен быть научно обоснованным, надежным, валид-

ным и выявлять устойчивые психологические характеристики.

При составлении необходимого для исследования теста (точнее — опросника) мы не нашли аналогов в психологической литературе, что вынудило нас решать этот вопрос самостоятельно. Принципиально важным показалось различать два аспекта интересующей проблемы:

1) степень психологической выгоды болеть;

2) степень осознанности психологической выгоды заболеваний.

В норме следует различать три степени психологической выгоды болеть: высокую, среднюю и низкую.

Точно так же следует различать и три степени осознания психологической выгоды болеть: высокую, среднюю и низкую.

В качестве вопросов, выявляющих степень психологической выгоды болеть, нами использовались следующие:

1. Если Вы заболели и при этом необходимо выполнить не очень приятную работу, то Вы:

- а) выполните эту работу сами;
- б) передадите ее другому;
- в) отложите ее на потом.

2. Заболев, Вы:

- а) отдадитесь течению болезни и выздоровления и отложите на время все дела;
- б) будете делать все, чтобы выздороветь скорее, но отложите на время все дела;
- в) будете продолжать делать все свои дела, не обращая внимания на свое нездоровье.

3. Если Вы заболели, то:

- а) никто (даже близкие) об этом не узнает;
- б) об этом станет известно только Вашим близким;
- в) об этом станет известно всем, с кем общаетесь.

4. Когда Вы заболеваете, то замечаете, что:

- а) Вам уделяется больше внимания со стороны близких и родных;
- б) на Вас обращают внимания ровно столько же, как если бы Вы были здоровы;
- в) никто не обращает внимания на Ваше нездоровье, а все ведут себя с Вами, как будто Вы совершенно здоровы.

В качестве вопросов, выявляющих степень осознания психологической выгоды болеть, нами использовались следующие:

1. Последний раз Вы болели тогда:

- а) когда были какие-то проблемы в семье, с друзьями;
- б) когда были какие-то проблемы на работе;
- в) когда вообще не было никаких проблем.

2. Есть ли что-нибудь хорошее в болезни?

- а) да;
- б) нет (Ответ сформулируйте сами).

3. Можете ли Вы вспомнить, когда болезнь помогала Вам достичь желаемого?

- а) да (привести пример);
- б) возможно;
- в) нет.

Представим ключ к исследованию (см. табл. 1).

Приведем ключ и к выявлению в различных ответах той или иной степени осознания психологической выгоды заболеваний (см. табл. 2).

Обозначив высокую степень проявления психологической выгоды числом 2, среднюю степень — числом 1, низкую степень — числом 0, мы получаем возможность математико-статистической обработки полученных ответов:

- высокая степень психологической выгоды — 6–8 баллов;
- средняя степень психологической выгоды — 5–3 баллов;
- низкая степень психологической выгоды — 2–0 баллов.

Обозначив высокую степень осознанности психологической выгоды бо-

Таблица 1

№№ по порядку	Формулировка вопроса и варианты ответа	Степень психологической выгоды
3	3. Если Вы заболели и при этом необходимо выполнить не очень приятную работу, то Вы:	
	а) выполните эту работу сами	низкая
	б) передадите её другому	высокая
4	4. Заболев, Вы:	
	а) отдадитесь течению болезни и выздоровления и отложите на время все дела	высокая
	б) будете делать всё, чтобы выздороветь скорее, но отложите на время все дела	средняя
5	5. Если Вы заболели, то:	
	а) никто (даже близкие) об этом не узнает	низкая
	б) об этом станет известно только Вашим близким	средняя
6	6. Когда Вы болеете, то замечаете, что:	
	а) Вам уделяется больше внимания со стороны близких и родных	высокая
	б) на Вас обращают внимания ровно столько же, как если бы Вы были здоровы	низкая
6	6. Когда Вы болеете, то замечаете, что:	
	в) никто не обращает внимания на Ваше нездоровье, а все ведут себя с Вами, как будто Вы совершенно здоровы	средняя

леть числом 2, среднюю степень — числом 1, низкую степень — числом 0, мы также получаем возможность математико-статистической обработки полученных ответов:

- максимум осознанности — 5–4 балла;
- средняя степень осознанности — 3–2 балла;

- минимум осознанности — 0–1 балл.

Базу пилотажного исследования составили факультеты русского языка и литературы, иностранных языков и физической культуры и спорта Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского. Исследованием были охвачены студенты 17–19

Таблица 2

№№ по порядку	Формулировка вопроса и варианты ответа	Степень осознания психологической выгоды
2	2. Последний раз Вы болели тогда:	
	а) когда были какие-то проблемы в семье, с друзьями	средняя
	б) когда были какие-то проблемы на работе	средняя
	в) когда вообще не было никаких проблем	низкая
	г) другой вариант ответа (привести его)	
7	7. Есть ли что-нибудь хорошее в болезни?	
	а) да	высокая
	б) нет	низкая
	в)	
8	8. Можете ли Вы вспомнить, когда болезнь помогала Вам достичь желаемого?	
	а) да (привести пример)	высокая
	б) возможно	средняя
	в) нет	низкая

лет (всего 142 испытуемых). Исследование было проведено в 2004-м году.

В ходе исследования были составлены таблицы обобщающего характера, позволяющие — на основании использования известной методики «хи-квадрат» критерий — отвечать на возникающие в ходе исследования вопросы.

Вопрос: Одинаково ли проявляется средняя степень психологической выгоды заболеваний у студентов и студенток?

Ответ: статистически существенной разницы между ответами студентов и студенток (в плане определения средней степени психологической выгоды заболеваний) не обнаружено.

Точно так же не обнаружены статистически существенные гендерные различия в аспектах:

— низкой степени осознания собственной психологической выгоды болеть;

— средней степени осознания собственной психологической выгоды болеть;

— в плане высокой степени осознания собственной психологической выгоды болеть.

Использование «хи-квадрат» критерия позволило ответить и на вопрос о том, отличаются ли студенты разных факультетов той или иной степенью психологической выгоды заболеваний.

Оказалось, что в количестве студентов, характеризующихся соответственно высокой, средней и низкой степенью психологической выгоды заболеваний, на разных факультетах обнаруживается

Таблица 3

Ф-т	Кол-во		Пол	Степень выгоды						Степень осознания					
				Высокая		Средняя		Низкая		Высокая		Средняя		Низкая	
	К	%%		К	%%	К	%%	К	%%	К	%%	К	%%	К	%%
КиС	35		м	7		23		5		2		3		30	
РЯЛ	2		м	-				2		1		1			
ИЯ	5		м	-		5		-		1		1		3	
Ум	42	100	М	7	16,7	28	66,6	7	16,7	4	9,5	5	11,9	33	78,6
КиС	12		ж	1		9		2		2		2		8	
РЯЛ	18		ж	1		14		3		6		5		7	
ИЯ	70		ж	21		34		15		6		14		50	
Уж	100	100	Ж	23	23,0	57	57,0	20	20,0	14	14,0	21	21,0	65	65,0
Итого	142	100		30	21,1	85	59,9	27	19,0	18	12,7	26	18,3	98	69,0

одна статистическая закономерность, а расхождения оказываются несущественными. Иными словами, соотношение высокой, средней и низкой степени психологической выгоды болеть оказывается достаточно постоянным (примерно 20, 60 и 20 процентов соответственно).

Несколько иная картина обнаружена при выявлении степени осознания собственной психологической выгоды болеть. Оказалось, что в количестве студентов, характеризующихся высокой степенью осознания психологической выгоды заболеваний, на разных факультетах обнаруживаются статистически выраженные различия. В наибольшей степени осознание психологической выгоды заболеваний свойственно студентам факультета русского языка и литературы, что, вероятней всего, связано с их профессиональной «человековедческой» направленностью, а также с высоким профессиональным уровнем преподавания на этом факультете вузовского курса психологии.

В то же самое время в количестве студентов, характеризующихся средней (а

также — низкой) степенью осознания психологических выгод заболеваний, на разных факультетах обнаруживается одна статистическая закономерность, а расхождения оказываются несущественными.

Проведенное исследование пилотажного характера позволило прийти к нескольким очень важным выводам.

Во-первых, никакой, статистически существенной разницы между ответами студентов и студенток (в плане определения той или иной степени психологической выгоды заболеваний) не обнаружено, что позволяет предполагать негендерный характер проявления феномена психологической выгоды болеть.

Во-вторых, точно так же, не обнаружено никакой статистически существенной разницы между ответами студентов и студенток в плане той или иной степени осознания психологической выгоды заболеваний, что также позволяет предполагать негендерный характер проявления феномена низкой степени осознания факта психологической выгоды болеть.

В-третьих, на разных факультетах обнаруживаются статистически выраженные различия в количестве студентов, характеризующихся высокой степенью осознания психологической выгоды заболеваний. В наибольшей степени осознание психологической выгоды заболеваний свойственно студентам факультета русского языка и литературы, что, вероятней всего, связано с их профессиональной «человековедческой» направленностью, а также с уровнем преподавания на этом факультете вузовского курса психологии (одним из преподавателей психологии на этом факультете являлся на тот момент и автор настоящей статьи).

В-четвертых, доминирующей тенденцией в психологической структуре студентов является средняя степень выраженности психологической выгоды болеть (около 60%), а также низкая степень осознания этой психологической выгоды — около 70% (и в этом отношении межфакультетских различий не обнаружено).

В-пятых, обнаружена устойчивая корреляция некоторых ответов, например, ответов 5 «в» и 6 «а».

Вероятность большего значения составляет здесь примерно 20 процентов, то есть, ответы 5 «в» и 6 «а» вписываются в одну статистическую вероятность, что можно считать одним из подтверждений надежности используемой методики.

О типичном характере сочетания высокой степени психологической выгоды заболеть и низкой степенью осознания этой выгоды свидетельствуют и многие ответы испытуемых — при ответе, например, на 7-й вопрос «Есть ли что-нибудь хорошее в болезни?»:

«Нет, болезнь отрицательно влияет на организм. Потеря времени»; «Нет, так как болезнь мешает осуществлению планов»; «Нет, потому что когда болеешь, все дела уходят на задний план, а потом трудно все наверстывать»; «Мне кажется, что нет, просто заболевание

ухудшает в той или иной степени свое здоровье»; «Нет ни чего хорошего»; «Нет!!!!» и т.д. (приведена только часть ответов студентов, у которых зафиксирована высокая степень психологической выгоды болеть).

Следующим этапом проводимого исследования должно стать выявление взаимосвязи той или иной степени психологической выгоды заболеваний с социально-психологической стратификацией испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Ф.* Психоматическая медицина. — М.: Эксмо-пресс, 2002. 352 с.
2. *Гехт К.* Психогигиена. — М.: Прогресс, 1979. 188 с.
3. *Магазаник Н.А.* Искусство общения с больными. — М.: Медицина, 1991. 134 с.
4. *Кирибаум Э.* Психологическая защита. — М.: Смысл, 2000. 181 с.
5. Психологические методы обретения здоровья: Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. — Мн.: Харвест, АСТ, 2001. 720 с. — (Библиотека практической психологии).
6. Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С.Никифорова. — СПб.: Питер, 2003. 607 с.: ил. — (Серия «Учебник для вузов»).
7. Психосоматика: Взаимосвязь психики и здоровья. Хрестоматия / Сост. К.В.Сельченко. — Мн.: Харвест, 1999. 640 с.
8. *Пузырев А.В.* Закон экономии усилий в аспекте тетрахотомии всеобщее — общее — особенное — единичное // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 4-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 12–15 мая 2004 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырев. — М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. С. 53–65.

Сенин И.Г.

ФАКТОРЫ РАБОЧЕЙ СРЕДЫ КАК ПРИЧИНА РАЗВИТИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ *

В исследованиях, посвященных изучению причин возникновения синдрома психического выгорания, отмечается, что одним из существенных факторов, под влиянием которых развивается данный синдром, являются различные особенности той профессиональной среды, в которой человек осуществляет свою профессиональную деятельность [2].

Исходя из этого, цель нашего исследования заключалась в определении связей между различными факторами рабочей среды и уровнем выраженности отдельных компонентов выгорания. При этом, мы исходили из предположения о том, что по наличию таких связей можно косвенно судить о тех факторах профессиональной среды, которые в большей или меньшей степени оказывают свое воздействие на возникновение психического выгорания.

Проведенное нами исследование базировалось на теоретическом подходе С. Maslach и М. Leiter, которые выдвинули идею о том, что синдром психического выгорания включает в себя три отдельных симптома, каждый из которых в различной степени оказывает влияние на развитие данного синдрома в целом. По их мнению, такими составляющими являются: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных достижений.

Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызван-

ное профессиональной деятельностью. Деперсонализация определяется личным отношением к труду и объектам труда. Редукция профессиональных достижений отражает возникающее у профессионала чувство собственной профессиональной некомпетентности и низкой успешности своей профессиональной деятельности [3].

В качестве **методического инструмента** исследования были использованы два диагностических опросника.

1. Методика психического выгорания С. Maslach и М. Leiter MBI (Maslach Burnout Inventory), которая содержит три отдельных шкалы, отражающие три основных компонента выгорания: Эмоциональное истощение (ЕЕ), Деперсонализация (DP), Редукция профессиональных достижений (РА). В основе заданий опросника MBI лежит оценка человеком своих чувств и переживаний, связанных с его работой [1].

2. Шкала рабочей среды F. Moos WES (Work Environment Scale), включающая в себя 10 шкал, отражающих содержание основных компонентов профессиональной среды:

- 1) Включенность в работу (I);
- 2) Сплоченность в коллективе (PC);
- 3) Поддержка руководства (SS);
- 4) Поощрение самостоятельности (A);
- 5) Ориентация на эффективность работы (TO);
- 6) Пресс работы (WP);
- 7) Четкость организации труда (C);
- 8) Контроль со стороны руководства (CTL);

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда № 07-06-00272а.

9) Введение нетрадиционных методов (INN);

10) Физический комфорт (СОМ).

Выборка исследования состояла из 52 испытуемых в возрасте от 28 до 50 лет, которая включала в себя примерно равное количество мужчин и женщин. При этом выборка исследования была сформирована только из представителей профессий социального типа. Сюда вошли: врачи, медсестры, преподаватели ВУЗов, учителя школ, социальные работники, воспитатели детского сада, практические психологи.

Анализ полученных результатов

Для определения связей между факторами рабочей среды и уровнем выраженности отдельных компонентов выгорания был подсчитаны коэффици-

циенты линейной корреляции Пирсона. Результаты подсчета представлены в таблице 1.

Полученные нами результаты позволяют выделить две основные тенденции, отражающие особенности взаимосвязей факторов рабочей среды и отдельных составляющих психического выгорания.

Во-первых, отдельные факторы рабочей среды оказывают свое влияние на все компоненты выгорания, то есть не существует тех компонентов выгорания, которые бы не подвергались воздействию факторов профессиональной среды.

Во-вторых, различные компоненты выгорания связаны с отдельными факторами профессиональной среды в различной степени, то есть факторы рабочей среды вносят различный вклад в

Таблица 1. Коэффициенты корреляции между факторами рабочей среды и уровнем выраженности компонентов выгорания

Факторы рабочей среды	Параметры выгорания		
	Эмоц. истощение	Деперсонализация	Редукция проф. достижений
Включенность в работу	0,28		
Сплоченность в коллективе			
Поддержка руководства			-0,26
Поощрение самостоятельности			
Ориентация на эффективность работы	0,27	0,36	
Пресс работы	0,39	0,28	
Четкость организации труда			
Контроль со стороны руководства	0,28	0,27	
Введение нетрадиционных методов	0,30		0,27
Физический комфорт	0,31		

развитие компонентов выгорания. Так, наибольшее количество положительных связей было зафиксировано для такого компонента выгорания, как Психоэмоциональное истощение. Это, в свою очередь может говорить о том, что именно данный показатель выгорания в наибольшей степени подвержен влиянию факторов рабочей среды и, с этой точки зрения, является основным содержанием психического выгорания в целом.

Кроме того, можно отметить, что наибольшее негативное влияние на психическое выгорание в целом оказывают три фактора рабочей среды: Ориентация на эффективность работы, Пресс работы и Введение нетрадиционных методов. При этом, только один из факторов рабочей среды — Поддержка руководства позитивно влияет на такой компонент выгора-

ния как Редукция профессиональных достижений, то есть понижению данного проявления выгорания в наибольшей степени, поскольку именно для данных показателей была зафиксирована значимая отрицательная связь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орел В.Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Проблемы общей и организационной психологии. — Ярославль, 1990.
2. Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
3. Maslach C., Leiter M.P. The truth about burnout: How organizations cause personal stress and what to do about it. — San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997.

Юсупов И.М., Юсупова Г.В.

ТЕСТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Потребность рынка труда в профессионалах, обладающих задатками принимать решения бесконфликтно в совместной деятельности, умеющих адаптироваться к быстро меняющимся социальным ситуациям, эмоционально гибко реагировать в коммуникативном взаимодействии определяет актуальность сконструированного теста эмоциональной компетентности, который может быть востребован практической психологией, педагогикой и менеджментом.

Неудовлетворительность прогноза профессиональной успешности личности по результатам диагностики интеллекта в его устоявшемся понимании подтолкнула ученых к поиску эквивалента IQ. В связи с этим, критически настроенными к IQ корифеями психологии были высказаны встречные идеи, по своему содержанию отчасти дублирующие друг друга. Самая ранняя из них — концепция социального интеллекта (Thorndike E., 1920; Wechsler D., 1958; Guilford J., 1967; O'Sullivan M. et al., 1965, 1976), позднее была высказана концепция практического интеллекта и предложена теория «успеха» (Стернберг Р., 1985, 2002), были введены понятия внутриличностного и межличностного интеллектов (Gardner H., 1983); самое позднее течение — концепция эмоционального интеллекта (Гоулмен Д., 1995; Mayer J., Salovey P., 1993; Caruso D., 1997).

Д.Гоулмен (1995) в своих трудах доказывает, что «именно эмоции в реальной жизни ответственны за принятие решений, даже когда мы убеждены в обратном»; он выдвинул предположение, что примерно 80% успеха, который не определяется тестами на IQ, обусловлено другими свойствами, одним из кото-

рых является, по его определению, эмоциональный интеллект. Е.В.Либина (1995) обозначает данный феномен как *эмоциональную компетентность*, рассматривая ее как способность личности к осуществлению координации между эмоциями и целенаправленным поведением. Д.Равен (2002), изучая компоненты компетентности, отмечает, что *компетентность* включает в себя как интеллект, так и *компоненты эффективного поведения*.

В свете вышеизложенного правомерно вести речь, по нашему мнению, не о самостоятельном психосоциальном образовании, а об исследовательском конструкте, посредством которого можно судить о личностном росте и возможном профессиональном успехе субъекта в управленческой деятельности. Обозначим его как *эмоциональную компетентность* (от лат. *competens* — соответствующий, способный), интегрально объединяющую эмоции, интеллект и волю, развитость которых предопределяет успешную адаптацию субъекта к социальному окружению и жизненным ситуациям. Следуя этой концепции, эмоциональную компетентность можно соотносить с успехами в профессиональной карьере, а ее критерий в количественном выражении должен иметь прогностическую ценность.

Эмоциональная компетентность (ЭК) — это группа развивающихся способностей к саморегуляции и регуляции интерперсональных отношений путем понимания собственных эмоций и эмоций окружающих. В инструментальном значении эмоциональная компетентность позволяет успешно применять умственные способности и эффективно взаимодействовать с окружающим миром.

Таким образом, мы выделили два существенных для исследования ЭК вектора: когнитивный (понимание) и поведенческий (управление). Каждое направление имеет два вектора: внутренний — направленность на себя и внешний — направленность на других. Так когнитивный вектор направлен, с одной стороны, на самопонимание, обозначаемое как явление рефлексии, с другой, при направленности на других — на эмоционально-когнитивную децентрацию своего «Я», известную как явление эмпатии.

Приспособительные поведенческие реакции реализуются через саморегуляцию поведения (поведенческий вектор, направленный на себя) и регуляцию отношений с другими (поведенческий вектор, направленный на взаимодействие с окружающими).

Таким образом, в составе эмоциональной компетентности выделяются четыре базовых компонента с их функциями (рис. 1):

— *саморегуляция* (СамРег) — контроль импульсов и управление эмоция-

ми, выражение эмоций, блокировка негативных эмоциональных состояний;

— *регуляция взаимоотношений* (РегОтн) — социальные навыки, умение строить отношения с окружающими;

— *рефлексия* (Реф) — самоосознание, рациональное осмысление эмоций, выявление собственных мотивов;

— *эмпатия* (Эмп) — эмоционально-когнитивная децентрация.

Попарная комбинация этих компонентов образует шесть функциональных блоков ЭК, четыре последних из них в инструментальном значении выступают функциональным механизмом успешной адаптации человека в социуме:

— *эмоционально-регулирующий блок*: СамРег + Эмп;

— *блок самоотражения в межличностном воздействии*: РегОтн + Реф;

— *поведенческий блок*: СамРег + РегОтн;

— *когнитивный блок* (понимание): Реф + Эмп;

— *интраперсональный блок*: СамРег + Реф;

Рис. 1. Функциональные блоки и базовые компоненты эмоциональной компетентности.

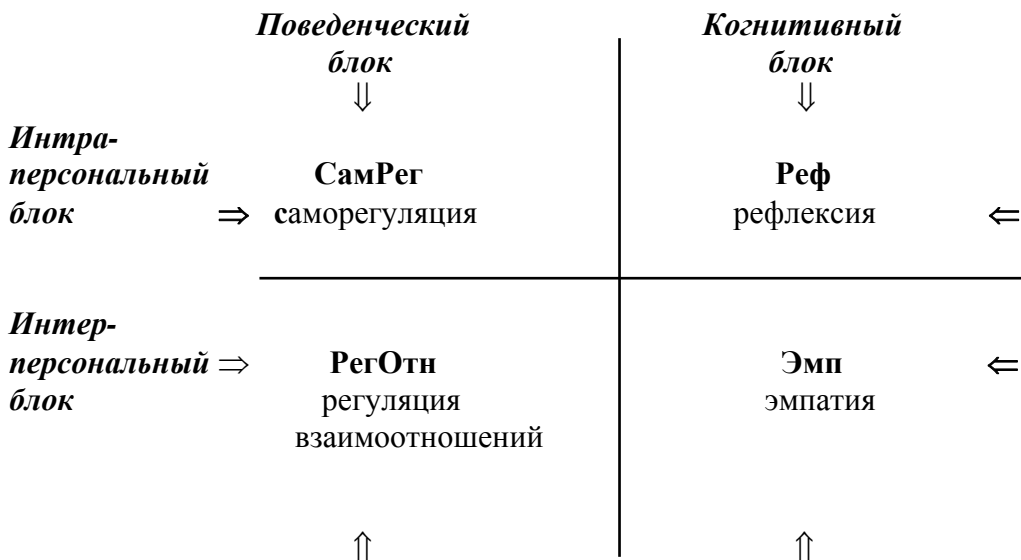

Таблица 1. Оценочные шкалы для определения уровня ЭК и его блоков.

Количественные показатели результатов по блокам ЭК				Обобщен. показатель Иэк	Перевод в 10-б шкалу	Уровни развития качеств
поведен.	когнит.	интрапер- сон.	интерпер- сон.			
101–120	55–60	76–90	79–90	151–180	10	высокий
96–100	52–54	72–75	75–78	145–150	9	
92–95	49–51	69–71	71–74	139–144	8	выше среднего
87–91	46–48	65–68	67–70	133–138	7	
82–86	43–45	61–64	64–66	126–132	6	средний
77–81	41–42	57–60	60–63	120–125	5	
72–76	38–40	53–56	56–59	113–119	4	ниже среднего
67–71	35–37	49–52	52–55	106–112	3	
62–66	32–34	45–48	48–51	100–105	2	низкий
24–61	12–31	18–44	18–47	36–99	1	

– интерперсональный блок: РегОтн + Эмп.

Таким образом, *конструкт эмоциональной компетентности состоит из четырех базовых компонентов — саморегуляции, регуляции взаимоотношений, рефлексии и эмпатии, которые группируются образуют четыре функциональных блока — поведенческий, когнитивный, интраперсональный и интерперсональный.*

Именно эти составляющие легли в основу конструирования опросника для измерения ЭК. При создании теста мы опирались на стимульную часть опросника «EI» («*Emotional Intelligence*») И.Джерабек, но стремились добиться большей компактности теста, максимального удобства в пользовании, сохранив при этом его высокую информативность (дифференцированную оценку по всем показателям ЭК). В результате экспертно-оценочной работы был получен *ключ-дешифратор* обработки исследуемых данных, который позволил вычислить результаты тестирования как

по отдельным компонентам и функциональным блокам ЭК, так и выявить общую оценку ЭК индивида — *индекс ЭК*¹.

Для идентификации теста заявленному конструкту и определения уровней развития ЭК нами было проведено измерение Иэк — *индекса ЭК* — в различных социальных слоях, профессиональных и возрастных группах.

Общий объем *валидизированной выборки* на данном этапе исследования составил 250 человек:

– «эталонная», группа успешных руководителей (директора различных промышленных предприятий, НИИ, государственные служащие республиканского статуса, офицеры ВС РФ, академики и успешные бизнесмены; возраст 29–76 лет) — 43 чел.;

– группа переобучающихся в институте дополнительного профессионального образования — 40 чел.,

¹ Для получения ключа-дешифратора рекомендуем обращаться к авторам по адресу: *e-mail: guzel_yus@mail.ru*

Таблица 2. Количественные значения итогов тестирования по ген. совокупности.

Призн.	Показат.					
	$\bar{X}$	σ (сигма)	Коэффиц. корреляции с обобщен. показ. Иэк	Вес фактор- ных загрузок	Коэфф. корр. со всем опрос- ником (item- tot.corr.)	Комп. и блоки ЭК
СамРег	29,98	3,60	0,61	0,57	0,50	базовые компон.
РегОтн	32,76	3,58	0,62	0,60	0,53	
Реф.	33,82	4,07	0,43	0,47	0,37	
Эмп.	31,68	3,87	0,54	0,60	0,49	
Пов.	83,47	6,70	0,87	0,84	0,77	функц. блоки
Когн.	43,91	4,15	0,62	0,68	0,60	
Интрап.	62,59	5,60	0,73	0,72	0,64	
Интерп.	64,77	5,82	0,75	0,76	0,66	
Иэк	127,3	8,50	1,0	0,99	0,99	ито- ги
IQ(RPM)	113,5	22,1	0,07	0,09	0,08	

– курсанты военного артиллерийского университета — 60 чел.;

– воспитанники Казанского суворовского военного училища — 60 чел.;

– студенты Татарско-американского регионального института, — 47 чел.

Испытания охватили лиц обоего пола и различного возраста — от 14 до 76 лет. В изучаемых группах (кроме студентов) велось параллельное измерение умственного потенциала испытуемых по методике Равена «Тест возрастающей трудности», «RPM» — «Ravens Progressive Matrices» (1958 г.), для вычисления традиционного показателя интеллектуальности *IQ* и его дальнейшего сопоставления с *Иэк*.

По результатам исследований генеральной выборки были вычислены *пятиуровневая оценочная (по методу сигмальных отклонений) и десятибалльная шкалы* (Табл. 1).

Сконструированный тест был проверен по ряду психометрических показателей.

Дискриминативная валидность (независимость измерения эмоциональной

компетентности от измерений других умственных способностей) методики исследования ЭК обеспечивалась уже самой процедурой конструирования теста и заложенными в нем определяющими базовыми компонентами. Кроме того, мы применили измерение общих когнитивных способностей по тесту Равена и вычислили *IQ* тестируемых.

В целом в генеральной совокупности не обнаружено значимых корреляций между измерениями *IQ* и *Иэк* ($r = 0,13$, $p < 0,05$, нет связи). Общий коэффициент соответствия теста Равена тесту ЭК также незначим (item-total corr. = 0,08, $p < 0,05$), что свидетельствует о том, что сконструированный тест является самостоятельным измерительным инструментом.

Мы подсчитали величину *надежности* по всем характерологическим параметрам ЭК и общему показателю *Иэк*. Поскольку полученные параметры достоверности попадают в диапазон надежности традиционных тестов, мы рассмотрели их как значимые для внутрен-

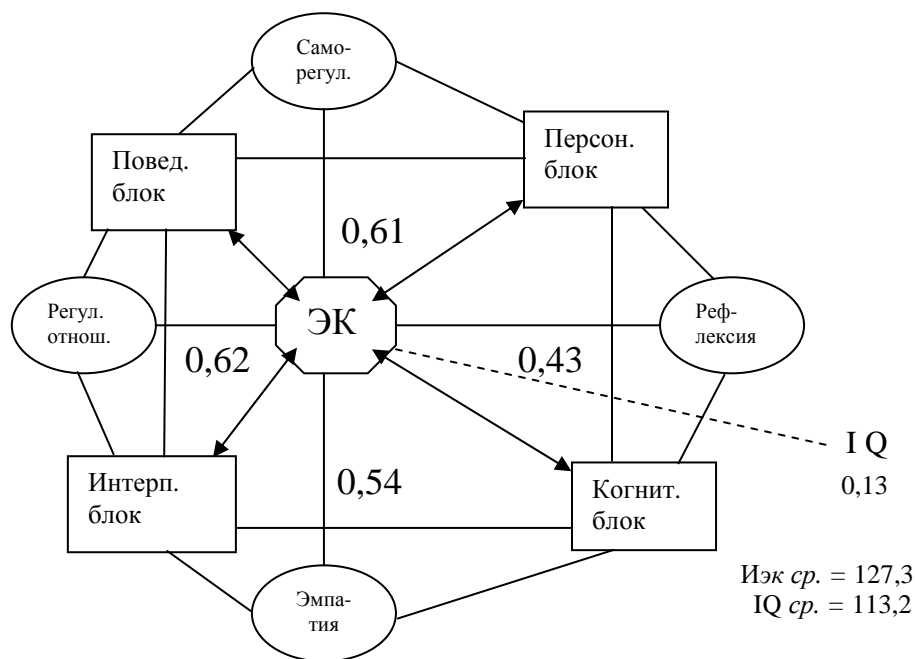

Рис. 2. Корреляционные связи между исследуемыми параметрами эмоциональной компетентности в ген. совокупности.

ней согласованности нашего исследовательского инструментария (Табл. 2).

Исследование выявило, что каждый компонент и функциональный блок ЭК действительно дифференцированно измеряет определенную сторону ЭК.

Проведенный с целью выявления структурных связей в изучаемом конструкте корреляционный анализ выявил следующую картину (рис. 2).

Анализ паттерна корреляций (рис. 3) и веса факторных загрузок компонентов ЭК (рис. 4) в «эталонной» группе выявил:

— наиболее весомыми компонентами в структуре эмоциональной компетентности управленцев являются компонент *РегОтн*, его вес составил 0,72, а так же компонент *СамРег* (вес 0,65);

— в целом, *уровень умственных способностей IQ совершенно независим от обобщенного показателя Иэк* ($r = 0,07$).

Сопоставление результатов тестирования с данными профессиональной биографии показывает, что общее снижение интеллектуального потенциала IQ с возрастом никак не сказывается на служебной успешности и уровне ЭК.

На основе проведенного экспериментального исследования можно заключить:

1. Сконструированный *тест* представляет собой *валидный и надежный инструмент*, дифференцированно диагностирующий базовые составляющие и функциональные блоки эмоциональной компетентности.

2. *Эмоциональная компетентность* — интегральный конструкт, позволяющий прогнозировать успешность личности в профессионально-социальном взаимодействии. Характеризующий его обобщенный показатель Иэк является чувствительным диагностическим крите-

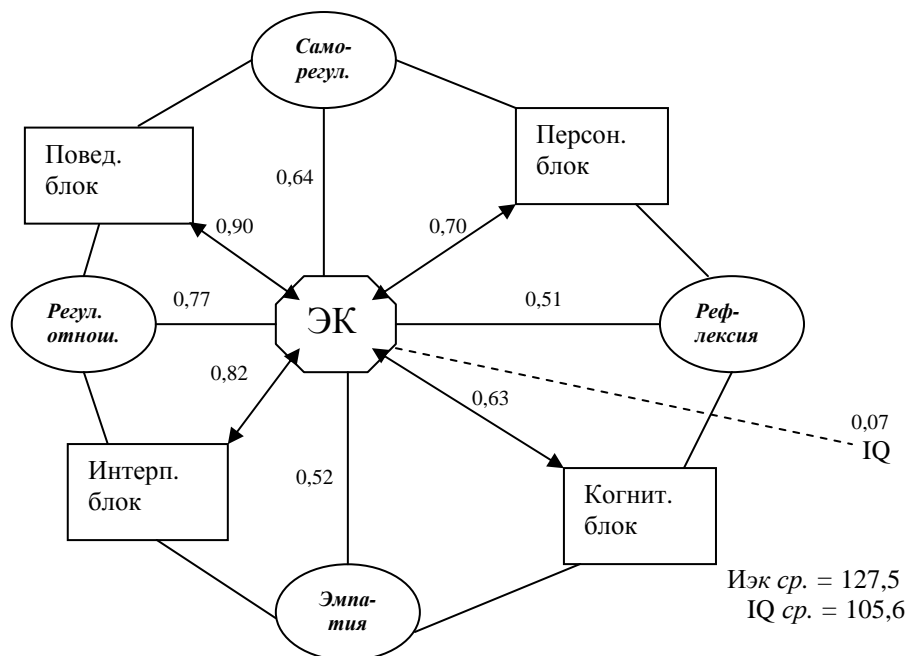

Рис. 3. Корреляционные связи компонентов ЭК в «эталонной» группе.

рием, обладающим прогностическими возможностями.

3. Обнаружены два свойства эмоциональной компетентности, присущие ему как интегральному образованию, которым не обладают в отдельности его составляющие:

– *свойство устойчивого возрастного роста* в ходе социализации личности;

– *свойство прогнозировать успешность служебной карьеры* личности в коммуникативной и социально-управленческой видах деятельности (*только при гармоничном развитии всех базовых составляющих конструкта ЭК*).

4. Эмоциональная компетентность и интеллект развиваются по самостоятельным линиям: показатель эмоциональной компетентности Иэк имеет тенденцию к росту, в то время как показатель IQ с возрастом спонтанно снижается. В пубертатный и юношеский возрастные периоды при активном

взаимодействии личности с социальным окружением эмоциональная компетентность имеет тенденцию к росту.

5. У обучаемых в военных учебных заведениях, особенно в суворовских училищах, интраперсональный блок эмоциональной компетентности (самоконтроль и самоанализ) не получает должного развития в силу специфики профессиональной подготовки, определяемой Уставами воинской службы.

Приложение Опросник эмоциональной компетентности

Инструкция: Опросник поможет Вам узнать потенциал своей привлекательности для людей. Предлагаем ответить на 36 утверждений, которые касаются разных жизненных ситуаций.

Из пяти возможных ответов выберите только один, который соответствует

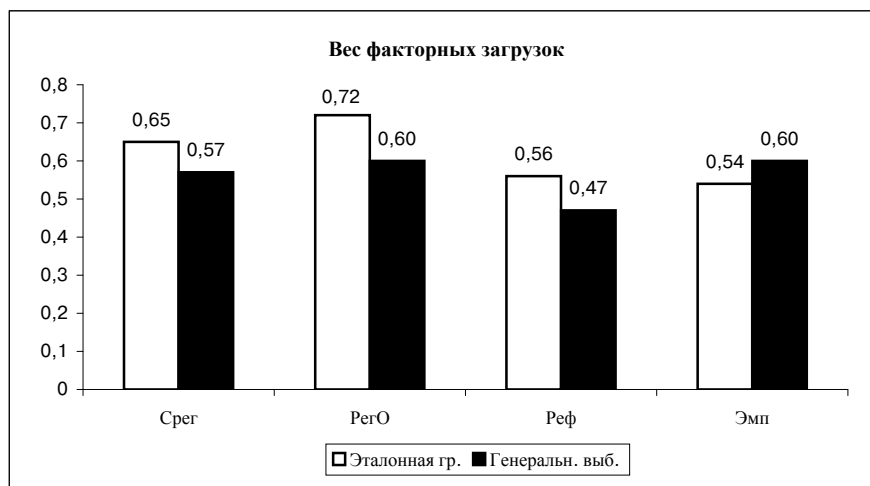

Рис. 4. Факторные веса компонентов ЭК в эталонной и генеральной группах.

наиболее типичному для Вас поведению. В бланке ответов эту букву обведите кружком.

Опросник:

1. Я легко завожу знакомства.
2. Мне нравится проводить время с друзьями.
3. Если друзья начинают обсуждать со мной свои личные проблемы, я стараюсь перевести разговор на другую тему.
4. Я не обращаю внимания на плохое настроение окружающих.
5. Обсуждать негативные эмоции вредно.
6. Я открыто выражаю свою симпатию другому человеку.
7. Я говорю то, о чем потом приходится жалеть.
8. Если кто-то грубит мне, я вступаю с ним в конфликт.
9. Когда в диалоге страсти накаляются, я предпочитаю взять тайм-аут.
10. Меня долго угнетают мои прошлые ошибки.
11. Я не могу успокоиться, пока не получу желаемое.
12. Если я ставлю цель, я достигаю ее.
13. Когда у меня плохое настроение, я могу найти причины этого.
14. Когда я расстроен, могу найти способ успокоиться.
15. Мне нравится наблюдать за поведением и выражением лиц окружающих меня людей.
16. Я знаю, кто кого любит, ненавидит, не терпит и т.д. в кругу хорошо знакомых мне людей.
17. Я размышляю о причинах успехов и неудач других людей.
18. Когда я слышу о чьих-либо проблемах, у меня в голове возникает множество вариантов их решений.
19. Я могу понять причины поступков окружающих меня людей.
20. Я делаю то, что от меня ожидают окружающие, даже если не согласен с ними.
21. Люди, бурно выражающие свои эмоции по любому поводу, вызывают у меня чувство неловкости.
22. Лучше оставаться сдержанным и нейтральным, пока не узнаешь человека как следует.

23. Я стараюсь заниматься тем, в чем чувствую себя сильным, умелым и компетентным.

24. Я уверен в своих способностях.

25. Я мог бы стать лучше, но я нравлюсь себе таким, каков я есть.

26. Если я не выигрываю в конкурсе, я буду искать другие варианты для победы.

27. Я бываю удовлетворен объемом выполненной работы.

28. Я выполняю работу качественно даже без контроля со стороны.

29. Если работа не спорится, я делаю перерыв, а затем продолжаю.

30. Я чувствую дискомфорт, когда приходится отходить от привычного стиля жизни и работы.

31. Чтобы начать дело, меня нужно подтолкнуть.

32. Я откладываю выполнение неприятного мне дела.

33. Люди необоснованно озлоблены.

34. Я настораживаюсь, когда мне оказывают непрошенную услугу.

35. Я чувствую себя неловко, когда не могу выразить свои чувства окружающим.

36. Когда я слушаю грустную историю, на мои глаза наворачиваются слезы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоулмен Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта [Пер. с англ.] — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 301 с.
2. Либина Е.В. Чтобы не осталась женщина одинокой. Психология совладания с жизненными кризисами и сложными ситуациями. / Под общ. ред. А.В.Либина. — М.: Селена, 1995. 215 с.
3. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. [Пер. с англ.] / Под общ. ред. В.И.Белопольского. — М.: Когито-Центр, 2002. 400 с.
4. Стернберг Р.Д. Интеллект, приносящий успех. [Пер. с англ. С.И.Ананина.] — Мн.: ООО «Попурри», 2000. 368 с.
5. Caruso D.R., Mayer J.D. A quick scale of empathy. — Unpublished manuscript, 1997. 178 p.
6. Gardner H. Frames of mind: The theory of multiple intelligences. — NY: Basic, 1983. 490 p.
7. Guilford J.P. The nature of human intelligence. — NY: McGraw-Hill, 1967. 212 p.
8. Mayer J.D., Salovey P. The intelligence of emotional intelligence // *Intelligence*. 1993. N 17. P. 433–442.
9. O'Sullivan M., Guilford J.P., deMille R. The measurement of social intelligence. Reports from the Psychological Laboratory // University of Southern California. 1965. N 34. P. 33–57.
10. Thorndike E.L. Intelligence and its use // *Harper's Magazine*. 1920. N 140. P. 227–235.
11. Wechsler D. The measurement and appraisal of adult intelligence. (4th Ed.). — Baltimore: Williams & Wilkins, 1958. 365 p.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Алла Дымовская

НА ТЕПЛОХОДЕ МУЗЫКА ИГРАЕТ

Шел дождь. Вот уж чего меньше всего хотелось, так это — выходить на улицу. Да и на какую улицу! На проспект. Кругом продуваемый и кругом пестрящий зонтиками прохожих, что особенно обидно, когда у тебя над головой нет даже худенького платочка.

Ты неудачница, Турова! Притом, законченная. Из тех, кто верит в прогноз погоды и в советы случайных доброжелателей. Какого черта ты опять купилась на басню о том, что на свете еще существуют кафе, в коих деловые дурнушки вроде тебя в состоянии завязать знакомство, уж конечно не с принцем, а хотя бы с другим одиноким неудачником! То есть, конечно, одиноких неудачников вокруг — приличный пруд запрудить можно, а что толку. Вовсе не нужна им никакая Турова. Пьют свой кофе и мечтают о молоденьких начинающих блондинках за соседними столиками. Ишь, как зыркают глазами. Как раз напротив сидят четыре штуки. Ну ладно, не штуки, а особи женского пола с ярко вытравленными, прямыми как стрелы, волосами. Но девчушкам не нужны неудачники, тем более одинокие. А неудачникам не нужна ты, Кира Николаевна Турова. Пятьдесят тысяч рублей в месяц, постоянная работа в строительной фирме, сто пятьдесят восемь сантиметров роста, при непостоянном и все равно катастрофическом объеме бедер, однокомнатная квартира, курносый нос, щеки бурундука, тридцать лет и четыре прожорливые

кошки в хозяйстве. И все равно каждый раз замирает сердце. Когда мимо твоего столика — на двоих, но ты за ним одна единешенька — мимо стульев и вешалок с куртками и шуршащими плащами протискивается симпатичное мужское существо, высокое, голубоглазое и мускулистое, вполне тянущее на принца. И предательская задняя мысль заставляет тебя надеяться. А вдруг! Вдруг он обернется на тебя, Турова. Разглядит что-то, недоступное первому взгляду, остановится, пораженный молнией, а при втором взгляде поймет, какая ты изнутри. Поймет и восхитится. И задаст самый долгожданный на свете вопрос: «Девушка, а как вас зовут?» Или нет, другой долгожданный вопрос: «Если у вас не занято, можно мне присесть?»

И всякий чертов раз ты, Турова Кира, надеешься до последнего. Но никто еще никогда ничего у тебя не спрашивал, и только один раз просил. Вихрастый, пожилой дядька попросил передать зубочистки. И посмотрел на тебя косо, потому что ты, Турова, выудила пальцами одну деревянную зубочистину, а не протянула всю коробку. Будто ты заразная.

Как ни крути, делать здесь нечего, а при твоём весе еще одно шоколадное пирожное будет подобно гибели Помпеи от коварной интриги Везувия. Счет, пожалуйста! На чай сорок рублей, единственный момент, когда чувствуешь себя королевой, хоть и за деньги. Пальто подмышку, и к зеркалу. Ты, Турова, тоже

имеешь право пофасонить. Пальто хорошее, кожаное, и если не врет этикетка, сделано в Италии. Черный цвет, говорят, стройнит. Может быть, а только с какой стороны ни глянь, ты, Кира Николаевна, тумба тумбой.

Снаружи дождь, как назло, полил еще сильнее. Одна мысль о том, что придется топтать пешком до Арбатского метро, приводит в дрожь. Да еще пересадка на автобус в Серебряный Бор. Раз в жизни, Турова, потраться на такси, получи удовольствие! Сказано, сделано.

Ага, как же, сейчас. На постоянной парковке водители желтых «советских» лимузинов заломили неслыханную цену. Тебе, Турова, не по карману. Придется ловить частника. Еще повезет, если не лицо кавказской национальности на раздолбанной «копейке».

Так, вроде приличная «девятка», даже стекла прозрачные и нестарый кажется мужичок за рулем. Машинка притормозила, но, видать, из-за руля тебя, Кира Николаевна, хорошенько разглядели, и сажать передумали. Не показалась, даже и в пальто. Черт! Черт! И еще раз Черт! Сволочь такая, нарочно с досады забрызгал водой. Только не плачь, Турова Кира. Только не плачь. Рядом опять взвизгнула по воде резина, на этот раз кузовок «четверка» с сильно тонированными стеклами. Ну и ладно, если не кавказец, поедем. Может, молодежь подрабатывает, а может дед на машине внука промышляет к пенсии.

За рулем, однако, сидел совсем странный и неопиcуемый дядька. Впрочем, кажется, мирного вида, а тебе, Турова, не выбирать. Бритое, толстое лицо — шея и той под жиром не видно, а глаза, как у тигра на картинке, такие же желтые. Толстые люди должны сочувствовать друг другу, вот и утешай себя этим, Кира Николаевна. Дядька жестом пригласил садиться, и уж, конечно, раздумывать не стоило. Когда первым делом у тебя не осведомляются презрительным тоном «сколько?», значит, есть шанс доехать за умеренную цену. Поехали!

Ой-ой-ой, Турова! Уже пятнадцать минут в дороге, а ты даже адреса не сказала. Куда едем? А едем-то правильно! Или сказала? Да нет же, и словом с толстяком не обмолвилась. Все-таки, странный он, и машина странная. Такой жиртрест должен пыхтеть и вздыхать, а еще отдуваться, когда жмет на тормоз. Но ни звука, будто помер заживо, и машина катиться, словно без мотора.

— Мне нужно в...?

— Знаю. К-ая улица, дом семь. Так ведь, Кира Николаевна?

— А-а-а! — О, боже мой, галлюцинации от шоколада, что ли? — ВЫ откуда знаете? ВЫ за мной следили? ВЫ кто такой?

— Кто такой, кто такой! Черта вызвали? Так вот я — ОН и есть! — и толстый незнакомец сверкнул янтарно-желтыми глазами с неоновым оттенком. Как вспышка фотоаппарата.

— В каком смысле? — повезло тебе, Кира Николаевна, нарвалась на шутника, а может, на сумасшедшего. Свихнувшийся обжора шестьдесят восьмого размера. Может, у него тоже шоколадный токсикоз.

— В каком смысле! В нем самом! — поперхнулся жиртрест, закашлялся. И горлом у него пошел дым. В салоне натурально запахло серой. — Чего желать будем?

— В каком смысле? — это уже не смешно, это даже страшно, Турова.

— Дался вам этот смысл. Как говорить у вас на земле, для особо тупых поясняю. Два желания, по выбору. Замена не подлежат. Оговоркам тоже.

— А почему два? В книжках всегда три? — ты что, Турова, ты всерьез это обсуждаешь?

— Одно прямое, второе — про запас. На случай отмены первого, — сказал черт. — Услуга дополнительная и льготная, от оплаты свободная. Подарок фирмы, так сказать.

— Ага, знаю. Расписка кровью на бессмертную душу, — играть, так уж до конца, черт с ним с этим чертом.

— Кто вам сказал, что ваша душа бессмертная? Глупости все, не верьте! Да и какому младшему демону сдалась ваша душа? Это что, сокровище такое неслыханное? Горстка негодной эктоплазмы. Ценности давайте!

— Какие такие ценности? — голову тебе морочит, Кира Николаевна, не иначе!

— Деньги, какие же еще! — возмущенно откликнулся черт.

Вот это уже ближе к теме. Никогда прежде не приходилось сталкиваться со столь нахальным вымогательством. Тебе как всегда везет, Турова!

— И сколько же денег вам нужно за услуги? — сейчас как заломит цену, держись!

— Один рубль. Непременно металлический. Целый, а не по копейке! — черт опять сверкнул неоном. Интересно, как это у него получается?

Как раз в кармане пальто и лежал один единственный металлический рубль. Сейчас и проверим, какой ты из себя черт.

— Держите. Ровно один рубль. Целый, не по копейке, — натурально взял. Посмотрим, что дальше будет, Кира Николаевна.

— Можете желать, — довольно улынувшись, проворковал черт. — Имейте в виду: с момента оплаты сделка становится нерасторжимой!

— Раньше надо было предупреждать! Вот черт! — и чего ты кипятишься, Турова? Будто тебе есть, что терять. — А что желать-то?

— Что хотите! — гордо молвил толстяк. И ободряюще подмигнул желтым глазом. — Не мучьте себя сомнениями. Обмана не будет, подвоха тоже. Что пожелаете, то и предоставим. А что не сможете вообразить сразу, додумаем за вас. Все, лишь бы угодить клиенту.

— Значит, если я скажу, к примеру: хочу остров, то не окажусь в роли нового Робинзона на необитаемом атолле без воды и с одними кокосовыми пальмами на закуску?

— Ни в коем случае. Это будет комфортабельный кусок суши, с собственным комплексом пляжей и отелей, и вы — единственная владелица. Плюс личный, частный аэропорт. Плюс система ресторанов с молоденькими официантами. Все ваши подчиненные. Так желаете остров?

Это хороший вопрос! Только к чему тебе, Турова, остров, хотя бы и за рубль. А желаний всего-то два. Впрочем, ты, Кира Николаевна, некоторым умом отличалась и ранее. Ну-ка, быстро сообрази, чего тебе хочется больше всего на свете? И соображать не надо. Принца, не принца, но чтобы обязательно на белом коне. И чтоб разглядел твою редкую душу. И чтобы беззаветно любил. И чтоб не изменял. И чтоб его тошнило от одного вида светлых волос. И еще пусть у него будет хоть немного денег в придачу. И чтоб родители его жили далеко-далеко. И чтоб он обожал толстухек-пампшук и сам закармливал тебя шоколадом. И чтоб каждый день цветы. И чтоб...

— Ну, достаточно. Я все понял, — утомленно хрюкнул черт. Опять запахло серой. — Выходите из машины. У меня и кроме вас дел полно. Когда захотите во второй раз пожелать чего, просто скажите три раза «Черт!»

— Мы же еще не доехали! — что же тебе, Турова, выходить посреди дороги-то?

— Вылезайте, я вам говорю! Не тратьте свое и мое время, — черт раздражился и засверкал глазищами. Жирные три подбородка его возмущенно тряслись.

Ох, Турова, выходи от греха подальше и не раздумывай долго, пока жива здорова.

— От греха подальше не получится, — огрызнулся черт, и захлопнул дверцу. Машина его рванула с места, опять противно завизжав резиной.

И чего теперь-то делать? До дома еще далеко. И вообще, завез черт толстомордый, в Тьмутаракань, это хоть какая улица? Ищи, Турова, вывеску.

— Девушка, а как вас зовут? — раздался приятный голос за спиной.

Ох, на полметра не меньше бы подскочила, если б не заели килограммы. Ну-ка, обернись, Турова, может, черт и не шутил. Это да! Молодой и симпатичный, очи синие, волосы кучерявые, темные, такой не скоро облысеет. Представляйтесь, Кира Николаевна!

— А вас как зовут? — чего-то замолчал. Ишь, смущается. Сейчас как выяснится, что зовут его Никандр Полуэктович. А было бы жаль. Вот, к примеру, Роберт — красивое имя.

— Меня зовут Роберт, — наконец одумался молодец и заулыбался в тысячу два белоснежных зуба. — А можно вас проводить? Или подвезти до дома?

Хоро-ошая машина, и не говори, Турова. «Вольво», сделано в Швеции. Если по чертовским меркам это немного денег, то живем! Впрочем, желтоглазый обещал додумывать за тебя, Турова. И мозги, судя по всему, у него неплохо варят. Отдыхай, Турова и получай удовольствие от жизни. И все за рубль. А еще говорят, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Да ежели и с подвохом, тогда существует второе желание. А-ать! И нет подвоха. Правда, Роберта-принца или Роберта-дьявола тоже не станет. Но чего гадать, Турова? Впервые тебе повезло. Говорят, Бог неудачников любит. Ну, или черт, все равно.

Сколько ты уже со своим принцем маешься, а Кира Николаевна? Семь месяцев только прошло? А так подумать, все семь лет! Нет, Роберт, он совсем не плохой. Даже наоборот. Такой хороший. Что тебя, Кира Николаевна уже тошнит. Дом у тебя в два этажа, уборщица приходящая. Хочешь, работай, хочешь, на диване лежи. Вот и лежишь себе уже полгода тому. Потому что на службе невыносимо стало. Зубы скалят, шпыняют исподтишка, обзывают миллионершей. А раньше жалели, в основном женский пол, тот самый, который после на тебя же, Турова, и ополчился. В общем и целом, с работы ты уволилась.

Вот и лежишь. А как захочешь встать, так прямая дорожка в салон красоты, или по магазинам. Только, смысла никакого. На тебя, Турова, что ни надень, как ни разукрась, все равно ты лучше не станешь. Говорят, надо худеть. А зачем, спрашивается? Для того и принц, чтобы любить тебя, Кира Николаевна, какая ты есть. Худеть-то и без принца можно было. И Роберт, что ни день, так приносит торт, размерами королевский. Всегда разный, но непременно шоколадный. Было в тебе, Турова, семьдесят пять кило, а стало девяносто. Скоро выйдет сто.

И с утра до ночи только и слышишь: «Пампушечка моя ненаглядная!» Чмок-чмок!.. ТЬФУ! И нежности телячьи и затуманенные глаза синие твоего ненаглядного Роберта. Век бы его не видеть. И дом бы этот вместе с ним. По нему ходить, что по оранжерее. Сами представьте, если всякий божий день по букету, так что же это будет? И каждый букет благоухает, ажно голова болит. За сегодня вторая таблетка пирамидона. Но выбросить никак нельзя. Роберт будет плакать. И не в переносном смысле, а в прямом. Слезами. Ты меня не любишь, и все в таком роде! Вот и терпи, Турова, свои клумбы. Сама же напросилась, чтоб все время цветы.

На блондинок Роберт, конечно же, не смотрит. И на брюнеток тоже. Он вообще ни на кого не смотрит, кроме тебя, Кира Николаевна. Скоро дыру проглядит. Это же, ни вздохнуть, ни выдохнуть! Вчера опять подарил кольцо. А на что оно тебе, хоть бы и с пятью бриллиантами? Куда ты его оденешь, Турова? Пробовала уж завести подруг, да напробовалась. Потешаются над тобой, только что не в лицо. И вокруг виска пальцем вертят, мол, повезло, так повезло толстой корове. И гадость сказать норовят. Дальше решила сидеть в своем терему одна-одинешенька, Роберт не в счет. Он, что есть, а что нет, разница невелика. С ним говорить, что с эхом. И поссориться невозможно. Ты на него орешь, а он лыбится и твои ноги целует. Такая вот жуть.

И уйти некуда. Как ты, Кира Турова, замуж-то вышла, так собственную свою квартиру на радостях племяннице продала за копейки. Да и не получится-то уйти. То есть, конечно, ты, Кира Николаевна, можешь идти куда угодно. А только Роберт побежит следом, и опять плакать будет. Хоть кирпичами в него кидайся. Проверено.

Еще и конь этот белый. У Роберта, оказалось, есть конь. Стоит в стойле в Подмосковном хозяйстве. Арабский жеребец. А может, английский. Тебе ли, Кира Николаевна, не все равно. И каждое воскресенье теперь нужно ездить за двадцать верст к этому коню. Оттого, что Роберт непременно желает тебя, Кира Николаевна, поражать. Гарцует верхом и шлет воздушные поцелуи. Окружающие его жалеют, а над тобой, Турова, смеются. А не захочешь смотреть на его акробатические усилия верхом, так Роберт опять плачет. Будто царевна Несмеяна. Говорит, от большой любви.

Что делать-то? Как быть, а, Кира Николаевна? Это же не жизнь, а тоска, которая бывает разве у тяжелобольного при смерти. Вот что значит, когда все мечты сбываются. До единой. Господи, Турова, и ты еще считала себя неудачницей! Да ты же была наисчастливейшей из женщин. Сама себе хозяйка, иди, куда хочешь, делай, что хочешь, и никто не ноет над ухом и не обещает повеситься. Торты шоколадные ты и без принца могла есть, сколько душе угодно. И центнер веса не набирала, оттого, что целыми днями крутилась, как белка в колесе. А после домой, а там тишина и благодать, и любимые кошки, четыре красавицы. Все они уж давно передохли от ожирения, на Робертовых харчах! И тебя, Турова, ждет та же участь.

Прав был чертяка-соблазнитель, ох, как прав! Непременно нужно второе желание. Это у них в подземной канцелярии мудро придумали. Чтобы дур, таких, как ты, Кира Николаевна, жизни учить. Что в ней ценно, а что никому не надобно. Как этот котьяра с фотовспышкой в

глазищах велел? Коли понадобится, скажи три раза «Черт!»

— Черт! Черт! Черт! — ну вот, сказала. Еще ногой от нетерпения притопнула. Что-то будет.

И тут же он возник, напротив, в кресле. Ишь, развалился, экая туша. Вообще, непорядок. Черт обязан быть стройным, колченогим и смуглым, как индийский раджа. А твой-то — белое тесто в девять слоев, ляжки, как у слона, одинаковые, разве только, что иногда дышит серой.

— Так как же, Кира Николаевна? Будем делать новый заказ? — недовольно поторопил черт.

— Будем, будем! — зачем же еще вызывала?

— И чего изволите? Желательно бы, поскорее. Я, конечно, не тороплю, дело ответственное. Но есть и другие клиенты, и они тоже ждать не любят.

Хорошо, хоть и другие идиоты нашлись. Стало быть, ты, Кира Николаевна, не одна такая. Сразу и легче стало и мысли прояснились. И чего же пожелать? Миллион долларов или остров? Собственный строительный концерт или прожить до двухсот лет? Только, что тебе, Турова, в самом деле нужно? И как узнать, пока ты это не получила сполна? А желание-то последнее! Потом ни повернуть вспять, ни отменить невозможно выйдет. Строительный концерт, так это одна головная боль, ни присесть, ни передохнуть, если бизнес пойдет успешно. А он пойдет успешно, можешь не сомневаться, Турова! Опять же, до двухсот лет прожить неплохо бы. Ну да, а если, скажем, в доме для престарелых, еще призадуматься. Главное, нельзя будет отменить. И значит, от тебя, Кира Николаевна, мало что будет зависеть.

— Верните меня назад, господин черт. Откуда взяли, туда и верните. И ничего больше не надо, — главное, сказать решительно. Чтобы понял, что ты, Турова, не шутики шутишь.

— Как угодно, — как то быстро согласился желтоглазый, и стремительно исчез.

И поглядите-ка, ты, Кира Николаевна, опять стоишь у бровки дороги на проспекте! Льет дождь. А вот и девятка. Сейчас обрызгает водой. Так и есть. До чего же хорошо, Турова Кира! До чего же хорошо! И жизнь хороша. Сейчас домой, на такси, желтеньком, с шашечками, и нечего скучиться! А дома — уют, и одиночество, и четыре преданные кошки-красавицы. Но главное, завтра опять на работу. Благода-а-ать! А в следующее воскресенье снова пойдешь в кафе, Турова, и сама! Сама подойдешь к одинокому неудачнику и скажешь: «Здравствуйте, меня зовут Кира Николаевна! Можно присесть?» И пусть только попробует ответить: «Нет!» Теперь тебе, Кира Турова, никто не сможет ответить: «Нет!» Потому что, таких женщин, как ты, еще поискать. Пятьдесят тысяч рублей оклад, и квартира, и четыре кошки, и красивая душа.

— Эй, женщина! Это я вам! — кто-то позвал с бровки тротуара. — Да к вам, к вам обращаюсь!

Рядом с Кирой, может в метрах пяти, у перехода, стоял молодой, но приятной наружности мужчина, озабочено считал в руке мелочь.

— У вас случайно не будет рубля? Мне бы позвонить! А не хватает. Понимаете, у мобильного, как назло, батарейка села.

А ты, Кира Турова, вообще мобильный по выходным не берешь, потому что, в выходные-то дни звонить тебе совершенно некому. Но рубль! Рубль! Сейчас и вспомнила, что в кармане должен был быть железный рубль. Сунула руку в карман. Пусто! А как же, рубль забрал черт. В уплату за счастье. И не жалко. То счастье большего и не стоило.

Кира улыбнулась мужичку и развела руками, мол, извините, нет рубля. Поэтому так и осталась стоять на дороге, не подошла. Хотя задумалась, может, дядька и есть тот самый неудачник, с которым нужно познакомиться. Можно и без рубля. Пока Кира Николаевна пребывала в размышлениях, драгоценные секунды

ушли. И визг мокрой в дождь, лысой резины не заставил себя ждать. Старая «четверка»-кузовок заметалась юзом, старичок, Никандр Полуэктович, калымивший к пенсии на машине внука, потерял управление и ничего уже поделать не мог. Секунду спустя древняя, ржавая развалюха врезалась в задумавшуюся Киру Николаевну Турову. Насмерть. У нее больше не было железного, спасительного рубля.

— Привет, Шамаэль, давно тебя не случалось видеть! — окликнул стройный и чернявый хозяин бара «Чугунная сковородка» нового клиента. В знак расположения притопнул изящным копытом и вильнул хвостом.

Зашедший был непомерно толст, в три подбородка, белый, как тесто, и глаза имел желтые, тигриного свойства, то и дело сверкавшие фотовспышкой.

— Труднехонько теперь заработать на угошеньце. Народ нынче не тот, — вздохнул толстомордый, и в помещении запахло серой. — Налей мне свеженького, что причитается, да поскорее. Можно и в кружку.

— Плату вперед. Ты же знаешь правила, Шамаэль, — напомнил изящный черт.

Толстомордый вздохнул с сожалением, порылся за ухом, и, будто фокусник, выудил железный рубль. Целый, не по копейке.

— Изволь. Свежайшая эктоплазма. Только что получена, — бармен прищелкнул по-военному копытом, и выставил перед Шамаэлем полный бокал. Рубль, однако, хищно загреб.

Толстомордый демон направился к ближайшему оцинкованному столику, стараясь не расплескать драгоценный напиток. Синий-синий, светящийся бездонным небом и животворным счастьем, с радужными лучами, скользящими на поверхности. Такова была прекрасная сущность Киры Николаевны.

Шамаэль крякнул, потеряв все три подбородка и осушил бокал до дна.

НАШИ АВТОРЫ

Вяткин А.П. — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии ИрГУ, докторант кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Грецов Андрей Геннадьевич — кандидат психологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург).

Димова В.Н. — аспирантка кафедры психологии труда и организационной психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Добрых М.О. — соискатель кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. г. Санкт-Петербург.

Дымовская А. — известная российская писательница. г. Москва.

Жукова Н.Г. — магистр психологии, соискатель кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. г. Караганда.

Карпов А.А. — аспирант кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Карпов Анатолий Викторович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Кашапов М.М. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова.

Козлов В.В. — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, первый вице-президент Международной Академии психологических наук.

Кривочурова О.Л. — психолог-психолог-аналитик, заместитель директора Сибирского института психоанализа, соискатель

кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Мазилев В.А. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д.Ушинского, академик МАПН. г. Ярославль.

Новиков В.В. — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова, президент Международной Академии психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ.

Ольшевская Э.Н. — психолог, преподаватель, Международный гуманитарно-экономический институт. г. Минск. Республика Беларусь.

Орел В.Е. — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Пузырев А.В. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвострановедения и коммуникации УлГУ.

Сенин И.Г. — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова.

Шмелева Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра Мировой политики, доцент. г. Санкт-Петербург.

Юсупов Ильдар Масгудович — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и психофизиологии Института экономики, управления и права. г. Казань.

Юсупова Гузель Валимухаметовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии Института экономики, управления и права. г. Казань.